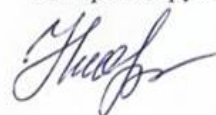

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

На правах рукописи

Файзуллина Наргиза Дамировна

**Функционально-семантический и экспрессивный потенциал
антитезы**

(на материале русской поэзии XIX века)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Сергиевская Любовь Алексеевна

Рязань – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Функционально-семантический потенциал категории противоположности в соотношении с понятиями антитеза и антонимия..	18
1.1. Функциональный потенциал категории противоположности в языкознании	18
1.2. Комплементарная и контрадикторная противоположности в поэзии М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова	23
1.3. Контрарная противоположность в поэзии	33
1.4. Векторная противоположность в аспекте поэзии	37
1.5. Конверсивная противоположность	42
1.6. Антитеза на основе ассоциаций в поэзии XIX века	45
Выводы по 1 главе	51
ГЛАВА 2. Функционально-семантическая и экспрессивная классификации антитезы в системе антонимов	54
2.1. Функционально-структурная классификация антонимов в русской поэзии XIX века	54
2.2. Функциональность лексических антонимов в русской поэзии XIX века	58
2.3. Функциональный потенциал однокорневых антонимов в русской поэзии XIX века	61
2.4. Экспрессивная функция лексико-грамматической (межчастеречной) антонимии	65
2.5. Экспрессивность антонима между словом и словосочетанием.....	69
2.6. Синтаксические антонимы	71
2.7. Социоантонимы в русской поэзии XIX века	75
2.8. Функциональность энантиосемии в речи	77
Выводы по 2 главе	81

ГЛАВА 3. Семантико-структурный и экспрессивный потенциал антитезы в русской поэзии XIX века	84
3.1. Антитеза в русской поэзии XIX века	84
3.2. Акротеза как проявление отрицания в антитезе	88
3.3. Аллойозис как прием сопоставления по контрасту	92
3.4. Аллеотета как прием противопоставления однокоренных слов	98
3.5. Альтернатеза как прием чередования отношений	101
3.6. Антанагога как прием компенсации противоположностей	106
3.7. Антиметабола как прием лексического повтора противоположностей	108
3.8. Антифразис как прием выражения комплимента в форме порицания	111
3.9. Амфитеза как проявление отношений соединения	115
3.10. Апофонема как прием скрытого поучения в антитезе	119
3.11. Диатеза как прием утверждения среднего признака в антитезе	123
3.12. Дизъюнктеза как прием альтернативы антитезы	126
3.13. Оксюморон как сочетание несочетаемого	131
3.14. Парадиастола – фигура контраста синонимов	134
3.15. Синкрисис – прием симметрии сопоставительных отношений антитезы	141
3.16. Синойкейозис как прием сходства в несходном в антитезе	146
Выводы по 3 главе	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	163

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена проблеме функционально-семантического и экспрессивного исследования антитезы, а также средствам выражения контраста в поэтической речи (на материале русской поэзии XIX века).

Актуальность исследования антитезы в русской поэзии XIX века обусловлена обращением к изучению данного приёма как самого насыщенного лексико-стилистического и экспрессивного конструкта, способного выполнять важную функцию в структурировании поэтического языка. Понимание её структуры и функций может значительно обогатить речевую практику и повысить выразительность коммуникации. Многообразие интерпретаций может вызывать различные реакции у слушателей, помогая лучше понять, как контекст и культурные факторы влияют на восприятие противопоставлений.

Как одна из форм речевой деятельности человека, антитеза является сложным явлением, до сих пор не получившим однозначного определения. Выделение формальных различий между семантическими и экспрессивными составляющими содержательного наполнения антитезы представляет первостепенную задачу в изучении антитезного характера русской поэзии XIX века. Исследование этого аспекта может способствовать более детальному анализу поэтического языка, поскольку антитеза играет важную роль в организации содержания и формы поэтического произведения. Помогая акцентировать внимание на контрастах, антитеза усиливает эмоциональную нагрузку, создаёт яркие образы, раскрывает взгляды и переживания, отражает историческое и общественное настроение.

Необходимо отметить, что контраст, который выражает антитеза, демонстрирует свою выразительность исключительно в контексте, где важно расположение слов, их контекстное окружение и использование пунктуации. В отрыве от контекста антитеза рассматривается как антонимы, ограничивающиеся лишь смысловой противоположностью, тогда как сама антитеза может быть

частью более широкой структуры произведения, где она взаимодействует с другими поэтическими приёмами, создавая сложные смысловые связи. В связи с этим появляется потребность в комплексном анализе приёмов антитезы, которые охватывают несколько ярусов языка и тесно связаны с его функциональной и экспрессивной стороной.

Изучение взаимодействия различных междисциплинарных областей знания, таких как философия, логика, риторика, семантика, синтаксис и стилистика, позволяет сформировать более целостное и глубокое представление о системных связях, присущих языку. В этом контексте особое значение приобретает исследование семантических и экспрессивных характеристик антонимии на стыке нескольких научных направлений, что способствует расширению представлений о выразительных средствах языка и его лингвистических особенностях.

Анализ антитезы как одной из форм антонимического противопоставления в русской поэзии XIX века представляется актуальной задачей, направленной на более глубокое понимание как структуры поэтического текста, так и культурно-исторического контекста его создания. Проведённое исследование вносит вклад в развитие как лингвистики, так и литературоведения, способствуя уточнению особенностей функционирования поэтического языка и его значимой роли в формировании эстетического восприятия художественного произведения.

Степень разработанности проблемы. Антитеза неоднократно исследовалась в художественных, публицистических текстах, в рекламных роликах. Учёные анализировали логическую и лексическую противоположность, определяли особенности антонимов, их семантическую и грамматическую природу, а также связи с синонимами. Вклад Л. А. Новикова (1966) в классификацию антонимов стал значимым этапом в их изучении. На основе предложенных им концепций Л. А. Введенская в «Словаре антонимов русского языка» (1973) положила начало исследованию антитезы как риторического приёма.

В 1970-е годы лингвисты начали активно разрабатывать теорию антонимии, исследуя её функции в языке и текстах различных жанров. В это же время вышли

несколько значимых словарей антонимов, которые стали важными ресурсами для изучения антонимии в русском языке: Л. А. Введенской (1971), Н. П. Колесникова (1972), М. Р. Львова (1978). Определённое влияние на решение проблем межчастеречной антонимии оказал Е. Н. Миллер (1981), указавший на возможность противопоставления слов различных частей речи. В 1990 году он также исследовал фразеологическую антонимию.

Я. Вежбинский (1983) рассмотрел антонимо-синонимические отношения, что позволило глубже понять взаимодействие между антонимами и синонимами, а также их роль в формировании семантического поля. В 1990-е годы А. С. Пардаев (1991) исследовал антонимичные словообразовательные гнезда, Т. Г. Бочина — контраст в поговорках, а О. Н. Егорченко (2006) предложила модель микро- и макрополей контраста, подчеркнув значимость контекста в формировании противопоставлений. В. А. Сазонова (2011) анализировала антонимы в произведениях А. П. Чехова, а Е. С. Корюкина (2014) исследовала риторические возможности антитезы, ставя и решая задачи определения её стилистических функций.

Антонимия и антитеза также становились предметом сопоставительного анализа в контексте других языков (О. Н. Лихачёва (2006), Е. В. Фурсова (2008), А. Л. Толстая (2010), И. У. Мамасолиев (2011) и др.). Важные исследования антитезы в поэтических произведениях представлены, в частности, в работах Цзин Цзин *«Стилистические приёмы контраста в поэзии Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина»* (2016), М. В. Головни *«Антитеза как средство выражения экспрессивности в поэзии А. Т. Твардовского»* (2019), С. А. Станиславской *«Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой)»* (2021) и других.

Однако до сих пор отсутствует комплексное описание приёмов антитезы в поэтическом тексте XIX века, которое требует глубокого анализа с различных точек зрения. Антитеза в поэзии этого периода может быть рассмотрена в связи с социальными и культурными изменениями, происходившими в то время. Поэты часто использовали антитезу для отражения конфликтов эпохи — между

традицией и новаторством, личным и общественным. Это придаёт их произведениям актуальность и в наши дни. Создание авторами новых значений и образов зачастую становится причиной возникновения окказиональных антонимов.

Таким образом, наша работа, нацеленная на восполнение указанных пробелов, представляет собой значимый вклад как в лингвистику, так и в литературоведение. Исследование антитезы в поэтическом тексте с учётом перечисленных аспектов может существенно обогатить понимание этого приёма и его функций в литературе, а также расширить представления о языке и его выразительных возможностях.

Объект исследования — антитеза в поэтических текстах русской поэзии XIX века.

Предметом исследования выступает функционально-семантический и стилистико-экспрессивный потенциал антитезы как выразительного приёма в поэтической речи русской поэзии XIX века.

Гипотеза исследования заключается в том, что антитезу можно рассматривать в лексическом и синтаксическом аспектах через призму смысловых отношений, что позволяет выявить широкий спектр приёмов, основанных на противоположностях и противоречиях.

Цель исследования — провести комплексный анализ функционально-стилистических особенностей антитезы и охарактеризовать систему взаимосвязей между её реализациями в поэзии XIX века.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить формы выражения логических противоположностей и их взаимосвязь с антонимией и антитезой;
- описать функционально-семантический потенциал антонимии;
- определить семантико-структурные признаки антонимов в русской поэзии XIX века;
- выявить семантико-синтаксические особенности антитезы;

- охарактеризовать экспрессивный потенциал антитезы;
- раскрыть функционально-семантические и экспрессивные приёмы реализации антитезы;
- исследовать эволюцию и адаптацию приёма антитезы в русской поэзии XIX века.

Исследование опирается на **теоретические и методологические труды** ведущих учёных-лингвистов, посвящённые вопросам антонимии и антитезы. Среди авторов, чьи монографии, диссертации и научные статьи составляют научную основу работы, можно выделить Л. А. Новикова, Д. Н. Шмелёва, Л. А. Введенскую, Т. Г. Бочину, О. Н. Егорченко, А. А. Киреева, В. Н. Комиссарова, Е. В. Ключева, Дж. Лайонза, М. Р. Львова, Е. Н. Миллера, А. Н. Тихонова, А. С. Пардаева, С. А. Барсикиян, И. У. Мамасолиева, В. А. Сазонову, Е. С. Корюкину и других. Важное значение имеют также работы, посвящённые философскому осмыслению категории противоположности, представленные в классических трудах Аристотеля, Г. В. Ф. Гегеля, К. Г. Юнга, а также в исследованиях Л. С. Выготского, Б. Т. Ганеева, Н. Гартмана, Т. Г. Хазагеров и других.

В настоящем исследовании опорой послужили труды, посвящённые выразительным возможностям антитезы. В их числе работы Т. Г. Бочиной — *«Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы»* (2003), О. Н. Егорченко — *«Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика»* (2006), В. П. Москвина — *«Стилистика русского языка: приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация)»* (2000), Л. А. Корниловой — *«Структурно-функциональная характеристика антитезы»* (2011), В. А. Сазоновой — *«Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи (на материале прозы А. П. Чехова)»* (2011), Е. С. Корюкиной — *«Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания»* (2014), Е. Г. Кашицыной —

«Система антонимов как средство выражения контрастов в прозе М. И. Цветаевой» (2019) и других исследователей.

Методика исследования сочетает в себе как общелингвистические приёмы (наблюдение, сравнение, интерпретация, обобщение), так и специализированные методы: семантико-стилистический анализ, системный анализ, включающий классификацию и обобщение наблюдаемых связей между языковыми элементами, лингвистический анализ художественных текстов, а также анализ словарных определений. Применение данной комплексной методологии позволяет рассматривать языковые явления с различных точек зрения и формулировать более точные и обоснованные выводы на основе разнородных данных, что существенно повышает научную надёжность и аналитическую глубину исследования.

Материалом для исследования послужила русская поэзия XIX века, поскольку данный период ознаменовался значительными изменениями в тематике и структуре лирики, отражающими философские размышления и социальные протесты. В рамках работы было проанализировано творчество около 50 поэтов русской литературы XIX века (всего 1604 стихотворения), однако только у 24 авторов были выявлены яркие примеры употребления антитезы. Особый вклад в развитие антитезы как выразительного приёма внесли такие поэты, как А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, С. Я. Надсон, Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов, Н. М. Языков.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в работе впервые представлено комплексное структурно-семантическое и экспрессивное описание потенциала приёмов антитезы в русской поэзии XIX века. Такой подход позволяет глубже раскрыть механизмы функционирования антитетических конструкций в различных типах поэтических текстов и расширяет представление о системе выразительных средств художественного языка.

Анализ функционирования семантических оппозиций выявил не только традиционные «горизонтальные» противопоставления (лексем с положительной и отрицательной коннотацией), но и ранее системно не описанные «вертикальные»

оппозиции — между единицами с идентичной семантической маркированностью, но разной прагматической или экспрессивной нагрузкой. Это позволило уточнить понимание глубинной структуры контраста в поэтическом дискурсе.

Впервые предпринята попытка выявления и классификации пятнадцати разновидностей стилистических фигур, основанных на принципах противопоставления и контраста, родственных антитезе, но отличающихся по своей структуре, функции и контексту употребления. Среди них — как традиционно описанные, так и новые, предлагаемые в рамках данного исследования. Приёмы представлены в алфавитном порядке: **акротеза, аллайозис, аллеотета, альтернатеза, антанагога, антиметабола, антифразис, амфитеза, апофонема, диатеза, дизъюнктеза, оксюморон, парадиастола, синкризис, синойкейозис.**

Дополнительную новизну представляет междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать антитезу во взаимосвязи с логикой (подчёркивание конфликтов и противоречий в аргументации), психологией (вызывание эмоционального отклика у читателя), лексикой (создание контраста через антонимы), словообразованием (грамматическая антитеза на основе антиморфем), синтаксисом (изменение ритма и темпа речи) и стилистикой (активное использование выразительных средств и контрастных приёмов в структуре поэтического текста).

Таким образом, результаты исследования вносят вклад в развитие теоретических представлений об антитезе как сложной, многоуровневой и полифункциональной единице поэтического языка. Работа открывает перспективы для её дальнейшего изучения в рамках литературоведческого, лингвостилистического и коммуникативного анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно не только обогащает существующие представления о роли антонимии и антитезы в структуре поэтического текста, но и предлагает новые подходы к анализу окказионализмов и нестандартных форм лексико-семантической оппозиции.

Углублённое осмысление природы антитезы способствует более точному определению её функций в стилистике и риторике, а также расширяет возможности её анализа в текстах различных жанров и функциональных стилей. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейших исследований в области лексикологии, текстологии, поэтики и прагмалингвистики.

Разработанная в рамках работы структурная классификация антитезы представляет собой значимый вклад в развитие теории выразительных средств и может служить основой как для последующих лингвистических исследований, так и для анализа художественных произведений.

Описанные в диссертации разновидности антитезы позволяют по-новому взглянуть на механизмы воздействия поэтической речи на читателя или слушателя и могут быть использованы для изучения взаимосвязей между антитезой и другими лексико-семантическими явлениями, такими как синонимия, паронимия и полисемия.

Особую научную ценность представляет анализ малораспространённых форм антитезы, таких как: акротеза, аллайозис, аллеотета, альтернатеза, антанагога, антиметабола, антифразис, амфитеза, апофонема, диатеза, дизъюнктеза, парадиастола, синкризис, синойкейозис. Их описание способствует уточнению понятийного аппарата стилистики и пополнению терминологического словаря, а также углубляет понимание выразительных средств в литературных текстах.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности его применения в образовательной и научной деятельности. Результаты работы могут быть интегрированы в учебный процесс при преподавании дисциплин, связанных с изучением языка и речи, таких как стилистика, риторика, культура речи, литературный анализ.

Разработанная классификация и описания различных типов антитезы позволяют преподавателям более наглядно иллюстрировать сложные языковые явления, а студентам — углубить понимание выразительных средств и их функций в поэтическом тексте.

Предложенные терминологические уточнения и структурные характеристики антитезы могут служить основой для создания специализированных словарей — терминологических, литературоведческих, энциклопедических — с целью унификации и точного употребления понятий в лингвистике.

Материалы исследования также могут быть использованы при разработке учебных пособий и методических рекомендаций, направленных на развитие аналитического и критического мышления у студентов. Это, в свою очередь, способствует более глубокому восприятию литературных текстов и повышает уровень подготовки специалистов в области филологии, лингвистики, литературоведения и смежных дисциплин.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Возможности антитезы проявляются во взаимосвязи антонимии с приемами выражения противоположности. Выделяются **комплементарные** — лексические антонимы, встречающиеся при таких разновидностях приемов антитезы, как *акротеза, аллойозис, альтернатеза, антанога, антифразис, апофонема, диатеза, дизъюнктеза, синкризис*; **контрадикторные** — однокорневые антонимы, отражающие прием антитезы *аллеотета*, **контрарные** — выражают прием антитезы *парадиастола*, **конверсивные** — передают прием антитезы *антиметабола*, **векторные** противоположности выражают разнонаправленность и цикличность действия, обнаруживающиеся в приеме антитезы *антиметабола*.

Мы предлагаем учесть дополнительный тип противоположности — ассоциативную, проявляющуюся через окказиональные антонимы в контексте синтаксических конструкций.

2. Функционально-семантический потенциал антонимов заключается в выражении лексических значений в рамках понятия «противоположность». Контрадикторные противоположности представляют двуполярные положительные и отрицательные явления сущности, выраженные в поэзии в основном абстрактными существительными, субстантивированными

прилагательными и причастиями, глаголами, деепричастиями и предикативами. Комплементарные противоположности представлены глаголами с семантикой действия и отсутствия действия. Контрарные противоположности выражены причастиями и наречиями с временным значением. Векторные противоположности отражены глаголами с циклической семантикой начала и конца действия, а также разнонаправленными действиями, что передаёт психологическую неуравновешенность героя. Конверсивная противоположность в поэзии не представлена, что объясняется её соотнесённостью с разговорной речью и сложностью восприятия структуры и ритма. Ассоциативная противоположность выражена отвлечёнными существительными — архаизмами.

3. Семантико-структурный потенциал антитезы в русской поэзии XIX века представлен спецификой структурно-семантических классов антонимов: антонимы с общим корнем, лексические антонимы, антонимы между словами и словосочетаниями, а также энантиосемия. В поэзии XIX века преобладают однокорневые антонимы (антоморфемы), выраженные преимущественно глаголами и использовавшиеся значительно чаще, чем лексические антонимы. В поэтической речи лексическая энантиосемия отсутствует, встречается только окказиональная энантиосемия.

4. Семантико-синтаксические отношения противопоставления, сопоставления, перечисления, разделения, соединения, возмещения и взаимозамещения, характерные для антитезы, являются яркими средствами выразительности языка, в чем и заключается её особенность и отличие от антонимии.

5. Экспрессивный потенциал антитезы проявляется в использовании таких приемов, как метафора, метонимия, ирония, сарказм, а также в употреблении антонимов с отрицательным (негативным) значением в препозиции (например, у Лермонтова) и в методе игре слов. Эти приемы придают поэтической речи наибольшую выразительность, создают яркие и запоминающиеся образы, усиливают контраст аргументации, что делает антитезу важным инструментом в арсенале писателей и ораторов.

6. Функционально-семантический и экспрессивный потенциал антитезы в русской поэзии XIX века представлен 15 разновидностями приемами антитезы, среди которых: акротеза, аллойозис, аллеотета, альтернатеза, антанагога, антиметабола, антифразис, амфитеза, апофонема, диатеза, дизъюнктеза, оксюморон, парадиастола, синкризис и синойкейозис.

7. Анализ использования антитезы в поэзии XIX века показал, как этот приём эволюционировал и адаптировался к новым культурным и литературным условиям. Статистика употребления антитезы подтверждает, что данный приём является относительно новым для раннего творчества писателей XIX века, поскольку чаще встречается в поэзии послепушкинской эпохи. Антитеза сравнительно редко используется в произведениях первых лицеистов и современников Пушкина. В поэзии Н.А. Некрасова встречаются наиболее яркие и экспрессивные разновидности антитезы, что свидетельствует о прогрессе и совершенствовании данного приёма после 1830-х годов.

Наличие фигур, основанных на антитезе, свидетельствует о широком диапазоне функционально-семантических характеристик данного понятия в современном русском языке. Как показывает исследование, антитеза обладает высоким экспрессивным потенциалом в плане смысловых отношений между её компонентами и способов их выражения с помощью разнообразных языковых средств. Предложенная система приёмов антитезы призвана заполнить существующий пробел в лингвистике и литературоведении, касающийся определения смысловых связей. Она может служить полезным руководством и методическим материалом для студентов филологических и журналистских факультетов.

Апробация и внедрение результатов

Теоретические положения и основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», а также на ряде научных конференций: IV Международной

научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения профессора Н. Н. Алгазиной «Актуальные проблемы преподавания русского языка в школе и вузе» (Рязань, 8-9 декабря 2022 г.); III Казанского международного лингвистического саммита «Современная лингвистика: от теории к практике» (Казань, 14–19 ноября 2022 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований» (Омск, 21–23 марта 2024 г.); LI Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 г.).

Кроме того, результаты диссертационного исследования были внедрены в учебные дисциплины «Основы литературоведения», «Теория литературоведения», «Литературоведческий анализ художественного текста», «Поэтика художественного текста», а также в разделы современного русского языка (лексика, словообразование, синтаксис), преподаваемые на кафедре узбекского языка и гуманитарных наук Каттакурганского филиала Самаркандского государственного университета.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Файзуллина Н. Д. **Функционально-семантический и экспрессивный потенциал оксюморона в русской поэзии XIX века** // Филология: научные исследования. — 2022. — № 8. — С. 47–54. — DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.37161. (0,43 п.л.)
2. Файзуллина Н. Д. **Парадиастола в русской поэзии XIX века** // Современное педагогическое образование. — 2024. — № 5. — С. 477–479. (0,18 п.л.)
3. Файзуллина Н. Д. **Аллойозис в русской поэзии XIX века** // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — № 4. — С. 9–12. (0,25 п.л.)

Публикации в других научных изданиях:

4. Файзуллина Н. Д. **Структурная классификация антонимов** // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе: материалы Международной научно-практической конференции (Рязань, 27 апреля 2021 года) / отв. ред. Е. Е. Сухова, Т. В. Ризина. — Рязань: РГУ, 2021. — С. 124–127. (0,25 п.л.)

5. Файзуллина Н. Д. **Диатеза в русской поэзии XIX века** // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам LV Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, февраль 2022 г.). — Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2022. — С. 48–54. (0,43 п.л.)

6. Файзуллина Н. Д. **Специфика структуры и семантики акротезы в русской поэзии XIX века** // Актуальные проблемы преподавания русского языка в школе и вузе: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения профессора Н. Н. Алгазиной (Рязань, 8–9 декабря 2022 г.). — Рязань: РГУ, 2022. — С. 229–234. (0,37 п.л.)

7. Файзуллина Н. Д. **Амфитеза в русской поэзии XIX века** // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского междунар. конгресса (Москва, 4 августа 2023 г.). — М.: Изд-во «Инфинити», 2023. — С. 49–53. — DOI: 10.34660/INF.2023.13.95.008. (0,31 п.л.)

8. Файзуллина Н. Д. **Альтернатеза в аспекте категории противопоставления** // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский междунар. лингвист. саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. — Т. 2. — С. 192–196. (0,31 п.л.)

9. Файзуллина Н. Д. **Функционально-семантическая классификация антонимов в русской поэзии XIX века** // Фан, талим ва амалиёт интеграцияси. — 2023. — Т. 4, № 6. — С. 236–254. — Электрон. журн. — Режим доступа: <https://journal.bilig.uz/isepsmj/article/view/1313>. (1,17 п.л.)

10. Файзуллина Н. Д. **Синкризис в русской поэзии XIX века** // Сборник тезисов: LII Международная научная филологическая конференция имени

Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 г.). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. — С. 1357–1359. (0,18 п.л.)

11. Файзуллина Н. Д. **Антифразис в русской поэзии XIX века** // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований» (Омск, 21–23 марта 2024 г.). — Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2024. — С. 214–217. (0,25 п.л.)

Основные положения и результаты исследования отражены в 11 публикациях, посвященных данной теме, включая 3 статьи, опубликованные в журналах, включенных в список ВАК.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, который включает 238 наименований: 188 научных источников, 24 словаря и справочника, а также 24 произведения художественной литературы.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В СООТНОШЕНИИ С ПОНЯТИЯМИ АНТИТЕЗА И АНТОНИМИЯ

1.1. Функциональный потенциал категории противоположности в языкознании

Противоположность в языкознании — важный аспект, охватывающий различные уровни языка, включая лексику, семантику и синтаксис. Противоположные значения могут выражаться через антонимы. Исследования в области антонимии охватывают широкий спектр тем. Наиболее значимые работы по вопросам противоположности в лингвистическом аспекте были выполнены такими учёными, как Ф. де Соссюр, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелёв, Л. А. Новиков, Ю. Д. Апресян, А. А. Уфимцева, Л. А. Введенская и др.

Функционирование противоположностей в отдельных языках исследовали Дж. Лайонз, Б. М. Гранде, Л. М. Мерфи, Л. Рену, Ф. Р. Палмер и др. Проявление противоположности в литературоведческом и эстетическом аспектах рассматривали М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман и др.

Несмотря на то, что человеку не чуждо понятие противоположности, термин «антонимия» впервые упоминается в 1867 году К. Дж. Смитом в книге *«Синонимы и антонимы»* как противоположность «синонимии». С того времени предпринимались многочисленные попытки уточнить значение антонимии и сформулировать работоспособное определение этого термина. Однако проблема заключается в том, что антонимия легче поддается иллюстрации, чем точному описанию [Steven 2002: 37].

В теоретической литературе, посвящённой проблеме антонимии, существует множество определений данного лексического явления. Согласно определению Н. Д. Шмелёва, «наиболее полное противопоставление слов расценивается как антонимия. Антонимами могут быть признаны слова, которые

противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [Шмелёв 1964: 202].

Согласно А. А. Реформатскому, «антонимы — слова противоположного значения, основанного на противопоставлении понятий». По мнению Л. А. Булаховского, «ассоциация по противоположности лежит в основании различения антонимов — слов с противоположным значением».

Дополнительные пояснения вносит Н. М. Шанский в статье «Русская антонимия и ее типология»: антонимами являются слова разного значения, выражающие соотносительные друг с другом понятия. При этом антонимами могут быть только слова, принадлежащие к одной и той же части речи и обозначающие логически совместимые понятия. Это предполагает, что понимание противоположностей способствует более точному восприятию и использованию таких слов в языке. Шанский подчёркивает, что антонимы должны находиться в одной части речи и выражать логически совместимые понятия [Шанский 1974: 86].

Взгляд Фердинанда де Соссюра на лингвистический контраст был сформулирован в тезисах *«Курс общей лингвистики»*, где он утверждал, что антонимия, синонимия, гипонимия и другие виды отношений между словами создают семантические сети, позволяющие передавать сложные идеи и эмоции [Соссюр 1999: 77]. Это делает язык более богатым и выразительным. Противопоставления помогают выделить важные аспекты информации, акцентировать внимание на различиях и сходствах, углубляя понимание содержания.

Данные утверждения распространяются на все языковые системы без исключения — будь то родственные или неродственные языки, относящиеся к одной языковой семье или разным, древние, мёртвые или развивающиеся, — поскольку в значениях слов проявляется семантическая противоположность предметов, явлений и процессов.

Как видно из определений Фердинанда де Соссюра, он не ставил таких строгих ограничений, как Н. М. Шанский. По его мнению, для существования антонимичных отношений между лексемами достаточно наличия противоположных взаимоотношений. Эти подходы демонстрируют многогранность антонимии в языке и её значение для лексической системы.

При изучении антонимии важно учитывать её разновидности в зависимости от уровня языковой подготовки и акцента внимания на данном явлении, начиная с общей языковой категории и заканчивая специфическими речевыми особенностями. Исследователи выделяют несколько типов антонимии, включая лексическую, фразеологическую, грамматическую, межчастеречную лексико-грамматическую, синтаксическую и контекстуальную. Эти разновидности служат источником различных форм антитезы.

Так, например, лексическая антонимия была тщательно исследована Л. А. Новиковым, который описал её как семантические отношения, существующие в парадигматическом порядке между словами с противоположными значениями [Новиков 1973: 102].

М. Ю. Лотман выделяет фразеологическую антонимию как форму лексической антонимии, позволяющую авторам создавать яркие и запоминающиеся образы, играя с контрастами и противопоставлениями [Лотман 1996: 67]. Фразеологизмы, обладающие антонимическими значениями, могут создавать мощные семантические эффекты, акцентируя важные моменты и придавая тексту многозначность. Эта форма антонимии становится особенно заметной в поэзии и прозе, где контрастные образы и идеи способствуют более глубокому пониманию художественного замысла.

Исследования Е. С. Корюкиной и Л. А. Новикова посвящены грамматической антонимии. Е. С. Корюкина рассматривает важный аспект языковой системы, отражающий семантические связи между элементами на грамматическом уровне. Она включает антонимичные морфемы, формы слов и синтаксические конструкции, что позволяет не только обозначать

противоположные значения, но и обогащать синтаксическую структуру языка [Корюкина 2014: 55].

Синтаксическая антонимия, как указывает Л. А. Новиков, фокусируется на лексических противоположностях в рамках синтаксической структуры, что также важно для создания выразительных и многозначных предложений и текстов.

Эти виды антонимии помогают глубже понять, что язык функционирует как система, в которой элементарные противопоставления способствуют созданию более сложных значений и улучшению коммуникации. Оба подхода подчёркивают значимость антонимических отношений в грамматическом и синтаксическом аспектах языка, делая их важными для изучения лингвистики и литературоведения.

Антонимы играют ключевую роль в создании антитезы — важного стилистического приёма в языке и литературе. Термин «антитеза» происходит от древнегреческого слова *antithesis*, означающего «противопоставление», и обозначает фигуру речи, основанную на противопоставлении сочетаемых слов или контрастных понятий в литературном или публичном выступлении [Ахманова 2010: 46]. Этот приём подразумевает яркое сопоставление различных понятий, идей, образов и состояний, связанных общим контекстом или глубоким значением, тем самым расширяя границы антонимии [Матвеева 2010: 18].

По мнению М. Ю. Лотмана, текст создаёт свою реальность через систему взаимосвязей, благодаря наличию значимых антитез — элементов, входящих в структуру художественного произведения [Лотман 1996: 58]. Анализ специфических связей и взаимодействий между персонажами даёт возможность осмысленно интерпретировать литературное творение. М. Ю. Лотман использует термин «оппозиция» для описания различных уровней противоположности в структуре текста, рассматривая его как функциональный эквивалент понятия «антонимия». Он утверждает, что текст является единым знаком, в котором все отдельные знаки общего языкового текста сводятся к уровню элементов знака.

В последние годы исследования направлены на классификацию антитезы как стилистической фигуры с точки зрения её внешней и внутренней структуры.

С лексико-семантической точки зрения Л. А. Корнилова классифицирует антитезу по количественному отношению оппозиций во фразе на антитезу с одной, двумя и тремя парами противопоставляемых слов [Корнилова 2008: 260]. Другую классификацию по количеству противопоставляемых объектов предложила Е. С. Гаврилова, выделяя простую (одна пара: () – ()), двойную (две пары: () () – () ()), сложную (один антоним противопоставлен нескольким антонимам, что свидетельствует о наличии синонимического ряда антонимов) и многочленную антитезу (наличие нескольких пар антонимов) [Гаврилова 2013: 141–142].

По внутренней семантико-морфологической структуре Л. А. Корнилова выделяет следующие типы антитезы: однокорневую (основанную на однокорневой антонимии); разнокорневую (лексико-грамматические антонимы); безморфемную (смысловую), которая представляет собой более сложный и многослойный тип антитезы, основанный на тематических парах слов и контрастах, не ограничиваясь лишь антонимами [Корнилова 2008: 261].

Следовательно, исследования в области антонимии и антитезы являются многогранными и охватывают как теоретические, так и практические аспекты, что делает их важной частью лингвистических исследований. Многогранный потенциал антонимов (лексических, однокорневых, межчастеречных, фразеологических, синтаксических) заключается в их способности выполнять разнообразные функции в языке и коммуникации: антонимы могут передавать не только противоположные значения, но и тонкие оттенки семантических смыслов, что позволяет более точно выражать мысли и чувства, а также помогает организовать информацию в сознании, способствуя лучшему пониманию концепций и их взаимосвязей — важному аспекту когнитивного восприятия и обработки информации.

Использование антитезы значительно обогащает речевое высказывание и усиливает его эмоциональную выразительность. Этот приём широко применяется в литературе и риторике для создания выразительных эффектов — таких как

ирония, парадокс, гипербола, — что позволяет авторам акцентировать внимание адресата и усиливать эмоциональное воздействие текста.

Антитеза также играет важную роль в процессе обучения языкам, поскольку способствует развитию лексической компетенции и навыков критического мышления. Противопоставление понятий помогает учащимся глубже осмысливать семантические связи, расширять словарный запас и совершенствовать коммуникативные умения.

Таким образом, антитеза и связанные с ней антонимические структуры обладают значительным функционально-стилистическим потенциалом: они не только выражают противоположность смыслов, но и способствуют углублению смысловой структуры текста, повышают выразительность речи и обогащают процессы межличностной и культурной коммуникации.

1.2. Комплементарная и контрадикторная противоположности в поэзии М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова

Смысловые взаимоотношения антонима и антитезы отличаются разнообразием, что определяется, прежде всего, тем, что они формируются на базе огромного множества конкретных семантических противопоставлений в пределах большого количества тематических групп слов всех частей речи.

Изучение противоположностей как универсального концепта позволяет выявить множество важных аспектов. Так, структурные особенности антонимов подчеркивают различия в значении и функции слов, что делает их важными для понимания семантики. Эмоциональные реакции, вызываемые антонимами (например, сочетание «свет» и «тьма»), могут ассоциироваться с надеждой и отчаянием. Культурные и социальные различия, выраженные в противоположных понятиях, позволяют лучше понять ценности и нормы конкретного общества.

Концепты «жизни» и «смерти», «порядка» и «хаоса» являются ключевыми темами в философии и литературе, способствуя глубокому осмыслению человеческого существования. Изучение противоположностей в диахронии

помогает понять, как предметы или идеи эволюционируют со временем: противопоставление старого и нового, традиционного и современного позволяет проследить изменения в общественных ценностях и восприятии.

Подобный подход оказывается продуктивным не только в философии, психологии и социологии, но и в литературоведении, где он подчёркивает значимость контрастов как ключевого элемента человеческого восприятия действительности. Противопоставление как метод анализа служит основой для классификации антонимических пар и контрастных понятий по различным категориям — семантическим, функциональным, когнитивным и др.

Впервые Л. А. Новиков в статье «Логическая противоположность и лексическая антонимия» обобщил смысловые отношения антонимов на основе логических противоположностей. В данной работе исследователь предложил ряд семантических классификаций антонимов; деление их на логическую основу: комплементарные, контрадикторные, контрарные, векторные и конверсивные противоположности.

Комплементарные (от лат. *complementum* — дополнение, завершение) и **контрадикторные** (от лат. *contradictorius* — противоречащий) отношения возникают при противопоставлении двух признаков, не обладающих градуальностью и состоящих лишь из двух взаимоисключающих значений. Отрицание одного из них автоматически означает утверждение другого.

Рассмотрим контекст из стихотворения М. Ю. Лермонтова «К П.....ну»:

Нет! Недостоин бедный свет презренья,

*Хоть наша **жизнь** минута сновиденья,*

*Хоть наша **смерть** струны порванной звон.*

Мой ум его теперь ценить иначе станет [Лермонтов 1985: 22]

В указанном фрагменте стихотворения М. Ю. Лермонтова «К П.....ну» рассматриваются два противоположных понятия: **жизнь** (сущность физического существования человека, животного, всего живого; деятельность общества и человека в различных проявлениях) и **смерть** (прекращение жизнедеятельности организма, завершение, окончательное прекращение какой-либо деятельности).

Независимо от продолжительности жизни, не существует промежуточного состояния между жизнью и смертью. Эти противоположности находятся в комплементарном соотношении, поскольку биологическое существо не может быть наполовину живым или наполовину мёртвым: оно либо живо, либо мертво.

Выражения *полуживой* или *полумёртвый* используются исключительно в переносном смысле. Фразеологизм «*ни жив, ни мёртв*» обладает эмоциональной и субъективной выразительностью, подчёркивая крайнюю степень страха, шока или потрясения.

Как пир на празднике чужом

К добру и злу постыдно равнодушны [Лермонтов 1985: 71].

Следующий пример противопоставления — **добро** и **зло**, часто встречающийся в поэзии М. Ю. Лермонтова, рассмотрим с этической точки зрения. Понятия добра и зла играют ключевую роль в этике, определяя, чего субъект стремится достичь (добро) или избежать (зло) в своей деятельности, а также моральную правильность или неправильность определённых действий и направлений воли.

Добро представляет собой оценочное понятие в моральном сознании, отражающее положительные моральные ценности. Противоположностью добра в этическом понимании является зло. В повседневном языке термин «добро» описывает всё, что вызывает у людей положительные эмоции или ассоциируется с чувствами счастья, радости, любви к другим, то есть соотносится с понятием «хорошо». Зло, в свою очередь, — это оценочное понятие в моральном сознании, характеризующее отрицательные моральные ценности, противоположное по значению понятию добра. Оно обозначает нравственно отрицательное и предосудительное как в поступках и мотивах людей, так и в явлениях действительности. Приведённые толкования определяют значения слов «добро» и «зло» как крайние противоположности, не имеющие промежуточного звена. Рассмотрим пример:

Комплементарные отношения между антонимами заключаются в том, что суждения, находящиеся в таком отношении, подчиняются закону противоречия,

вследствие чего они не могут быть одновременно истинными. М. Ю. Лермонтов показывает очерствение души «потерянного поколения», проявляющееся в пороках равнодушия, эгоизма общества, отсутствии высоких идеалов и стремлении к праздному существованию.

С семантической точки зрения в приведённых дихотомиях действует принцип исключённого третьего: всё положительное, хорошее, полезное — это добро, которое противоположно злу.

Раскрыть истинные чувства современников М. Ю. Лермонтова нам помогают следующие строки:

*И ненави́дим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то **холод** тайный,
Когда **огонь** кипит в крови* [Лермонтов 1985: 72].

Речевая практика показывает, что отношение между двумя суждениями субъектно-предикативного строения, имеющими одинаковые субъекты и предикаты, не выявляет различий в их истинности: с логической точки зрения такие суждения считаются одинаковыми. Например, в первой строке приведённого примера — «*и ненави́дим мы, и любим мы*» — повторяющиеся сочинительные союзы не вносят дополнительных смыслов, а лишь подчёркивают интенсивность и эмоциональную окраску, выделяя одновременность действий с использованием глаголов несовершенного вида.

Апатичность современников поэт выражает через комплементарные антонимы — глаголы несовершенного вида, обозначающие два противоположных состояния души: *ненави́деть* (испытывать неприязнь или отвращение к кому-либо или чему-либо, не выносить кого-то или что-то) и *люби́ть* (быть довольным тем, что нравится, иметь склонность или пристрастие к чему-либо) [Ожегов, Шведова 1997: 408, 336]. Эти чувства даются как тождественные, поскольку в душе царит тайный холод, приводящий к безразличию.

Следующий пример М. Ю. Лермонтова также связан перечислительной интонацией, выраженной сочинительным союзом «и», но уже с присоединительными отношениями:

*Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С горы спускается крутой* [Лермонтов 1985:179].

Бинарные оппозиции в словах **торжественный** (относящийся к торжеству, связанный с ним, находящийся в приподнятом настроении, исполненный сознания важности и значительности происходящего) и **мирный** в значении будничного (с точки зрения носителя русского литературного языка первой половины XIX века — чуждый волнений, спокойный, тихий, связанный с прекращением войны и заключением мира) формируют общее понятие «всегда», выполняя функцию постоянства действия.

Взаимодополняющие отношения связывают разнокорневые антонимы категории состояния, которые вступают в причинно-следственные корреляции с помощью союза «потому что» при последовательном подчинении:

*Слезам и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе* [Лермонтов 1985: 94].

Указанный выше отрывок представляет собой противопоставление безлично-предикативных слов, выражающих чувства, эмоциональное состояние и психологические переживания: **грустно** (печально, тоскливо) и **весело** (оценка ситуации как вызывающей веселье, доставляющей радость, создающей хорошее настроение). Учитывая, что психологически здоровый человек не может постоянно находиться в состоянии либо грусти, либо веселья, существует нормальное эмоциональное состояние, которое, однако, не отражено ни в толковых словарях, ни в словарях антонимов. Проанализировав материал, мы пришли к выводу, что между антонимами **весело** — **грустно** наблюдаются контрадикторные отношения.

Разлучив, нас сдружила неволя,

Познакомила общая доля [Лермонтов 1985: 89].

Последовательные отношения связывают деэпричастие *разлучив* (разъединить, удалить друг от друга, заставить расстаться близких, друзей) [БТС 2000] с противоположным по значению глаголом совершенного вида *сдружить* (сблизить, сделать друзьями; подружить). Лексический анализ показал, что так же, как и в парах слов *грустно* — *весело*, в паре антонимов *разлучить* — *сдружить* отсутствует промежуточное звено в толковом словаре, хотя оно существует в языковой картине человека.

Толпу *ругали* все поэты,

Хвалили все семейный круг [Лермонтов 1985: 90].

Противительно-возместительными отношениями связаны следующие пары: *ругать* (называть оскорбительными, грубыми, бранными словами; бранить, отзываться неодобительно о ком-либо или чем-либо, высказывать порицание в резких выражениях) и *хвалить* (высказывать одобрение, похвалу кому-либо или чему-либо). Такие конструкции часто встречаются в литературе и повседневной речи, чтобы подчеркнуть двойственность человеческой натуры или ситуации. Первый компонент указывает на негативное качество, а второй — подчёркивает положительное качество, которое может компенсировать первое.

Для экспрессивного описания политической картины XIX века, отражающей неравенство социальных групп и их положения в обществе, находящихся в разных точках социальной линейности, М. Ю. Лермонтовым используются следующие социоантонимы:

Прощай, немытая Россия,

Страна рабов, страна господ [Лермонтов 1985: 107].

В словарях антонимов существительные *раб* (человек, лишённый всех прав и средств производства и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом и жизнью) и *господин* (в буржуазно-дворянском обществе Российской империи до 1917 года — человек, принадлежащий к привилегированным слоям общества; обладающий властью эксплуатировать

зависимых от него людей; барин, повелитель) приводятся как противоположные по социальному положению люди [БТС 2000: 1297, 232].

Из истории известно, что существовал и средний класс, который был нейтрален и по отношению к господам, и к рабам — в него входили купцы, мещане, разночинцы. Однако этот слой общества не отражён ни в синонимических рядах, ни в непрямых антонимах. Из этого следует, что при указании противоположностей мы берём крайние пределы данного явления, а средний класс не рассматриваем в комплементарных отношениях по двум причинам: во-первых, это промежуточное звено не отражено в языке; во-вторых, оно не входит в контрастные противоположности в лингвистической репрезентации.

Для описания социального различия слоев Н. А. Некрасовым использованы следующие строки:

Столица наша чудная

Богата через край.

*Житье в ней **нищим** трудное,*

***Миллионерам** – рай* [Некрасов 1965: 10].

В приведённом примере антонимы «**нищий**» и «**миллионер**» связаны противительно-сопоставительными отношениями и отражают социальное неравенство, представляя противоположные состояния в плане материального благосостояния. Эти слова иллюстрируют крайние полюса: «**нищий**» характеризуется крайней бедностью и зависимостью от помощи, тогда как «**миллионер**» ассоциируется с финансовым благополучием и изобилием [БТС 2000: 652, 542]. Такое противопоставление помогает подчеркнуть контраст между социальными группами, а также вызывает размышления о социальных, экономических и культурных факторах, способствующих возникновению различных уровней благосостояния.

О! кто ты? речь твоя опасна!

*Тебя послал мне **ад** иль **рай**?* [Лермонтов 1985: 183]

Бинарные мифологические пространства, такие как *ад* и *рай*, часто встречаются в поэзии М. Ю. Лермонтова. *Ад* — во многих религиях царство мёртвых, где души грешников подвергаются вечным мукам; *рай* — место, где души умерших праведников ведут блаженное существование, красивое и доставляющее наслаждение. Однородные существительные *ад* и *рай* связаны разделительным союзом «или», однако для поэзии М. Ю. Лермонтова характерна иная позиция: для достижения максимальной экспрессивности поэт часто ставит отрицательные признаки в препозицию, а положительные — после, тем самым усиливая эмоционально-оценочное напряжение.

Понятия «*жизнь*» и «*смерть*», «*добро*» и «*зло*», «*любить*» и «*ненавидеть*» иллюстрируют концепцию комплементарности, где отсутствует промежуточное звено. Противоречие возникает между двумя противоположными понятиями: одно из них содержит определённые характеристики, а другое их отрицает, не предлагая альтернатив.

Контрадикторные и комплементарные противоположности представляют собой несовместимые понятия, между которыми нет промежуточного звена и которые взаимно исключают друг друга. Л. А. Новиков различает эти противоположности, указывая, что у **контрадикторных оппозиций** ослаблена бинарность из-за неопределённости второго члена и отсутствия истинной антонимии [Новиков 1973: 159].

Так я найден и поднят был...

Ты остальное знаешь сам.

*Я кончил. **Верь** моим словам*

*Или не **верь**, мне всё равно* [Лермонтов 1985: 215].

Максимальное и минимальное отрицание рассматриваются в исследованиях Л. А. Новикова. К максимальному отрицанию он относит такие слова, которые без отрицательной частицы не образуют антонимических пар [Новиков 1973: 84]. Для слова *верить* приведено несколько вариантов противоположностей: сомневаться, подозревать, ревновать, не верить [Словарь синонимов русского языка 2003: 122]. Проанализировав все примеры антонимов, встречающиеся в

русской поэзии XIX века, мы пришли к удивительному выводу: из всех рассмотренных случаев только в одном, у Н. А. Некрасова в стихотворении «Да, наша жизнь текла мятежно», к слову *верить* употреблён антоним *колебаться*, а в остальных восьми случаях у разных поэтов к слову *верить* был подобран антоним *не верить*.

Наиболее подходящим, на наш взгляд, является вариант М. Ю. Лермонтова: *верить* — иметь твердую уверенность, быть убеждённым в чём-либо (в неизбежности, правильности, успехе и т. п.); *сомневаться* — испытывать сомнение относительно кого-чего-либо; *подозревать* — иметь подозрение против кого-чего-либо; *ревновать* — испытывать чувство ревности. Семантический анализ показал, что к слову *верить* максимально противоположно слово с отрицательной частицей *не*, выражающее отрицание действия — *не верить*. Такие антонимы Л. А. Новиков называет слабыми антонимами.

По мнению А. А. Реформатского и Л. А. Введенской, к наиболее примитивным антонимическим парам относятся слова с отрицательной частицей: «хороший — нехороший, трудно — нетрудно» [Шхапацева 1983: 43]. Слова *верить* и *не верить* также обозначают предельные действия, между ними наблюдаются контрадикторные отношения.

Различие комплементарных и контрадикторных отношений состоит в том, что комплементарные отношения возникают при разнокорневых антонимах, а контрадикторные — у однокорневых антонимов с помощью отрицательной частицы *не* или отрицательных префиксов.

Что погубит она и сынишку:

Учит грамоте, моет, стрижет,

Словно барченка, каждый день чешет,

Бить не бьет — бить и мне не дает [Некрасов 1965: 57].

Следующий пример исключает все возможные варианты ассоциативных и непрямых антонимов, поскольку для глагола *бить* отсутствует подходящий антоним кроме «*не бить*». Этот глагол противопоставлен наличию или отсутствию действия.

В поэзии Н. А. Некрасова часто встречаются слова, противопоставленные с помощью отрицательной частицы **не**.

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,

Я давал-не давал золотой перстенок [Некрасов 1965: 75].

К слову «**давать**» существует несколько антонимов: **получить, взять, принять, занять, лишить, отобрать, отнять** [Колесников 1972: 52] и другие. Однако Н. А. Некрасов остановил свой выбор на контрадикторных противоположностях, выражающих сомнение — **давал — не давал**. В данном случае частица «**не**» создаёт антоним, передающий противоположное значение исходного слова.

Я не люблю иронии твоей.

*Оставь ее **отжившим** и **не жившим*** [Некрасов 1965: 57].

Действительное причастие совершенного вида «**отживший**» (устаревший, утративший значение для современности, постепенно исчезающий из жизни) саркастически противопоставлено причастию «**не жившим**» (не существовать, быть не живым; не быть поглощённым чем-либо, увлечённым кем-либо). Слова «**отживший**» и «**не живший**» выражают предельные противоположные значения, что свидетельствует о контрадикторных отношениях в данном контексте. Ирония, присущая лирическому герою, направлена как на отживших, так и на не живших, то есть на тех, кто не любил вовсе.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

— Комплементарные и контрарные противоположности (обязательно одно положительное, а другое отрицательное, лишены градуальности) обозначают предельные оппозиции, между которыми невозможно среднее звено. В большинстве случаев они выражены существительными, глаголами и категориями состояния. В языкознании комплементарные отношения возникают при разнокорневых антонимах, а контрадикторные — у однокорневых антонимов.

— В комплементарных и контрадикторных отношениях могут участвовать любые части речи, при этом возможно как одностороннее, так и межчастеречное антонимическое соотношение.

– Не всегда контрадикторные отношения обозначают две предельные точки контраста. Например, между антонимами «грустно» и «весело» существует обычное состояние, когда человеку ни весело, ни грустно; между «господами» и «рабами» имеется средний класс, не относящийся ни к тем, ни к другим; в католической конфессии между адом и раем существует чистилище. Однако данные промежуточные звенья не рассматриваются по двум причинам: во-первых, они не входят в контрастные противоположности, так как антонимы строятся на основе предельных точек — отрицательного и положительного; во-вторых, слова из промежуточного звена отсутствуют в толковых словарях (например, между «грустно» и «весело» нет слова, обозначающего нормальное состояние человека), хотя они присутствуют в картине мира носителя русского языка, что требует дополнительного междисциплинарного исследования.

– Препозиция отрицательных антонимов, характерная для поэзии М. Ю. Лермонтова, усиливает эмотивно-оценочное напряжение текста.

– В поэзии М. Ю. Лермонтова преобладают разнокорневые антонимы с комплементарными отношениями, тогда как в поэзии Н. А. Некрасова встречаются как комплементарные, так и контрадикторные противоположности.

1.3. Контрарная противоположность в поэзии

Философское различие между противоположными понятиями имеет древние корни. В диалоге «Протагор» Платон рассматривает вопрос о противоположностях с точки зрения логики и философии. Он утверждает, что каждое явление или понятие должно иметь одно-единственное антагонистическое значение [Платон 1990: 130]. Иными словами, чтобы понять, что такое «разум», необходимо противопоставить ему нечто конкретное — например, «безрассудство». Однако при этом Платон подчёркивает, что не все явления могут быть описаны через строго бинарные отношения. Так, идея «не-А» может быть расширена и включать множество атрибутов, ассоциированных с данным понятием. Таким образом, философ подчёркивает, что, хотя каждое конкретное

понятие может иметь чёткую противоположность, на более глубоком уровне размышления отношения между понятиями оказываются значительно сложнее [Платон 1990: 132].

Это размышление о множественности и единственности противоположностей в философском познании делает диалог «Протагор» важным источником для понимания специфики платоновской философии, а также для изучения более тонких аспектов логики и семантики в философии в целом.

При рассмотрении различий между такими категориями, как «молодость» и «немолодость», возникает вопрос о том, достигает ли эта разница предельного значения [Аристотель 1998: 34], согласно аксиомам Аристотеля о противоположности. Он утверждал, что подлинная оппозиция проявляется тогда, когда одно отличается от другого в максимальной степени в рамках одной категории — по признакам, происходящим из одного и того же основания, в пределах одной и той же функции. Если же различия между понятиями или группами незначительны, то и противоположное соотношение между ними будет менее выраженным [Аристотель 1998: 35].

Когда мы говорим о полюсах, расположенных на противоположных концах непрерывной оси, между ними могут существовать промежуточные элементы. Это является ключевым аспектом в различении противоположностей, находящихся в конфликте, и тех, что просто противоположны по смыслу.

Таким образом, можно утверждать, что контрарные (противоположные) антонимы включают в себя понятия, между которыми возможны промежуточные звенья, формирующие своего рода синонимический ряд антонимов.

Так, в *Словаре антонимов* М. Р. Львова к временной лексеме *будущее* противопоставлены сразу два слова — *настоящее* и *прошедшее*, как видно из следующего примера:

*Гляжу на **будущность** с боязнью,*

*Гляжу на **прошлое** с тоской* [Лермонтов 1985: 70].

Семантика абстрактного существительного *будущность* (события будущего времени, состояние или положение чего-либо в будущем) противопоставлена

субстантивированному существительному *прошлое* (часть временной оси, состоящая из событий, которые уже произошли; противоположна будущему; противопоставлена настоящему) [Львов 1984: 230].

Проведённый лексический анализ показал, что для слова *будущность* отсутствует единичный антоним, в отличие от контрадикторных и комплементарных антонимов, которые имеют чёткую бинарную оппозицию. Своеобразие подобных оппозиций заключается в том, что они актуализируются не между двумя противоположными единицами, а между двумя и более контрастирующими элементами на основе отношения чередования.

В следующих примерах антонимические отношения строятся по принципу временной последовательности: к слову *настоящее* противопоставляется *прошедшее*, а к *прошедшему* — *грядущее*. *Прошедшее* — это минувшее время, события, уже завершившиеся; *настоящее* — часть временной оси, включающая события, происходящие в данный момент, то есть определённая область пространства-времени; *грядущее* — приближающееся, наступающее, будущее. Например:

*Настоящее станет прошедшим,
Но сойду ли я в темное царство,
Как предшественник мой — сумасшедшим,
Окровавленным, полным коварства,
Или буду умней и светлей —
Эта тайна в деснице моей!* [Некрасов 1965: 169]

*Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко* [Некрасов 1965: 180].

Несовместимые понятия, между которыми возможно наличие промежуточного звена, иллюстрируются в следующем примере: *вчера* — день, предшествующий текущему; *сегодня* — текущий день; *завтра* — следующий день после сегодняшнего [Введенская 2006: 82].

В *Словаре антонимов* отсутствует однозначная оппозиция для слов *вчера*, *сегодня*, *завтра*. Все эти лексемы, обозначающие временные промежутки, могут противопоставляться друг другу в разных контекстах. Однако в приведённых примерах они не всегда функционируют как крайние элементы определённой антонимической шкалы. Их значения находятся в отношениях чередования, что делает невозможным выделение строгой бинарной оппозиции. Например:

Вчера гуляла непогода,

Сегодня то же, что вчера [Языков 1988: 144].

«Сегодня я с вами пирую, друзья

Веселье нам песни заводит,

А завтра, быть может, там буду и я,

Откуда никто не приходит! [Дельвиг 1986: 67]

Исследование выявило, что антонимия представляет собой одну из наиболее сложных проблем в лингвистике, поскольку затрагивает не только семантические, но и синтагматические, социолингвистические и культурные аспекты языковой системы. Значительная часть научных работ, посвящённых определению антонимов, акцентирует внимание на логической категории противоположности, однако такая противоположность в языке не всегда адекватно отражает лингвистическую сущность антонимических отношений, так как антонимы могут различаться по степени противоположности, контекстуальному употреблению и даже по грамматическим характеристикам.

Контрарные противоположности — это логико-семантические антонимы, в которых возможны варианты противопоставления, актуализирующиеся между группой языковых единиц, выстроенных на основе семантической цепочки или последовательности.

В русской поэзии XIX века контрарные противоположности представлены такими лексемами, как *прошедшее — настоящее — будущее — грядущее, вчера — сегодня — завтра*, для которых трудно подобрать однозначный антоним. Эти противоположности свидетельствуют о наличии синонимического ряда

антонимов, которые часто встречаются при стилистическом приёме антитезы — парадоксала.

1.4. Векторная противоположность в аспекте поэзии

Векторная противоположность представляет собой аспект антонимии, сосредоточенный на направлениях и характеристиках действий или движений. Эта форма противоположности выражается через пары слов, которые обозначают разнонаправленные движения или различные качества, часто связанные с физическими или абстрактными процессами. Анализ русской поэзии XIX века показал, что к данной категории слов принадлежат преимущественно глаголы, например:

Как пылинка вихрем поднята,

Как пылинка вихрем брошена,

Так и счастье наше чудное

То поднимет, то опустит вдруг [Батюшков 1987: 154].

Отношение чередования равноправных действий проявляется в противоположных однородных глаголах совершенного вида, обозначающих вертикальные движения: «**поднять**» (переместить, перенести или перевезти куда-либо вверх) и «**опустить**» (переместить в более низкое положение) [Ожегов, Шведова 1997: 538, 457]. Наличие сочинительного повторяющегося союза указывает на неоднократность вертикального действия — перечисляется ряд событий, которые происходят одно за другим. Такие предложения обычно имеют общий временной план (прошедшее, настоящее или будущее) и строятся на основе отношений последовательности явлений, которые организуются союзом «**то..., то...**».

То притихнет и дрожит,

То проснется, встрепенется

Словно выпорхнет, взовьется

И куда-то улетит [Языков 1988: 276].

Данный пример интересен тем, что в нём присутствуют две пары векторных противоположностей, обозначающих начало и конец действия, характеризующиеся изменчивостью. Этот пример отражает циклическую модель времени, при которой реализуются различные циклы одного и того же события или отдельные циклы разных событий. Сначала происходит действие *притихнет* (перестать издавать звуки, шум; умолкнуть), а затем — *проснется* (очнуться ото сна; пробудиться, появиться, обнаружиться). В препозиции же встречается пара *дрожит* (испытывать дрожь, быть охваченным дрожью, трястись, сотрясаться, бояться) и *встрепенется* (сильно вздрогнуть, выйти из состояния неподвижности, оживиться). Эти действия выражают разнонаправленные по семантике противоположности: первая пара — с точки зрения наличия и отсутствия звука, вторая — состояние «быть в дрожи» и «выйти из состояния дрожи».

Параллелизм структуры разделительных конструкций с союзом «*то... то...*», проявляющийся в одинаковом расположении однородных членов и совпадении видо-временных и модальных характеристик предикативных единиц, придаёт всеобъемлющий характер данным противоположностям.

То вспыхивал твой взор, то угасал,

Как в облике зарница золотая [Языков 1988: 65].

Исследование поэтической речи показало, что векторные противоположности в большинстве случаев встречаются у глаголов с разделительными отношениями чередования. С точки зрения логики, одновременное осуществление противоположных действий невозможно — важна последовательность в их чередовании. При этом замена должна происходить пошагово, как правило, в виде циклического процесса, возвращаясь к исходным позициям и продолжая движение, аналогично приведенному выше примеру: *вспыхивать* (внезапно и быстро воспламеняться, загораться, зажигаться) и *угасать* (переставать гореть, светить или светиться; гаснуть, тухнуть) [Ожегов, Шведова 1997].

Твоя рука в моей то млела, то пылала,

И первый поцалуй с душою душу слил [Батюшков 1987: 43].

Вышеприведенный пример отражает наличие либо отсутствие действия: «**млеть**» (замирать, находиться в томном состоянии от переживания или волнения) и «**пылать**» (гореть, ярко освещая и излучая сильный жар). При изучении векторных оппозиций важно обратить внимание на особенности их элементов, в частности, на их сущность, поскольку взаимоотношения между ними возникают только в тех ситуациях, когда речь идёт о процессах, обладающих взаимно противоположным характером, например, при взаимодействии и ответном действии. Начальная фаза одного вектора-концепта может выступать мотивом или основой для завершения другого вектора-концепта, особенно если они предполагают различные подходы к одному и тому же действию, как это наблюдается в случае с понятиями «млеть» и «пылать».

*Великий вождь **вставал** с зарей для ратных дел,*

*А Клит **спал** часто по неделе. –*

«Все так! Да умер он, как вождь сей ... на постеле» [Батюшков 1987: 268].

Векторные антонимы в структуре предложения могут выполнять функцию средства сравнения. В данном случае сопоставляются действия великого вождя и Клита: первый «**вставал с зарёй**», тогда как второй «**спал**». Лексико-семантический анализ глаголов выявляет следующее: глагол «**вставать**» обозначает принятие стоячей позы, переход к вертикальному положению тела с опорой на его части; в то время как «**спать**» означает пребывание в состоянии сна, покоя и неподвижности, преимущественно в горизонтальной позиции. Таким образом, противопоставление вертикального и горизонтального положений тела указывает на наличие векторных антонимов в данном контексте, отражающих пространственную и семантическую оппозицию действий персонажей.

*Баян **воспел** минувших лет дела:*

*Баян **умолк**, – но рать еще внимает* [Языков 1988: 65]

Последовательность разнонаправленных действий может быть выражена бессоюзием с помощью глаголов совершенного вида: «**воспел**» (прославить,

восхвалить) и «**умолк**» (перестать говорить, прекратить разговор), которые обозначают начало и конец действия соответственно.

Под вечно изменной луной,

*И все **расцветает и вянет*** [Дельвиг 1986: 159].

Закрывала, открывала

Ты лазурь своих очей [Языков 1988: 272].

Приведенные примеры отражают соединительно-перечислительные отношения, выражающие последовательность действий: **расцветает** (раскрыв бутоны, давать цветки; распускаться; достигать поры расцвета физических и духовных сил, молодости, свежести, красоты) и **вянет** (лишаться свежести (о растениях); увядать). Субстрат и результат действия представлены соединительным повторяющим союзом **и**, что свидетельствует о неоднократности операции. Глаголы **закрывала** (заслонить, заградить) и **открывала** (раздвинуть, распахнуть) объединены перечислительной интонацией. Наличие глаголов прошедшего времени несовершенного вида подчёркивает повторяющийся характер действий.

***Без вас** хочу сказать вам много,*

***При вас** я слушать вас хочу* [Лермонтов 1985: 95].

Наличие и отсутствие субъекта векторных противоположностей может выражаться с помощью предлогов **без** и **при**, тем самым формируя бинарные оппозиции в предложениях. В поэзии контраст играет важную роль, позволяя автору передать разнообразие противоположных явлений, чувств и переживаний персонажей, а также подчеркнуть особенности одного объекта на фоне другого, с которым его сравнивают. Такой приём способствует более глубокому и точному выражению авторской мысли, обогащая текст и делая его более ярким, изящным и выразительным, например:

Координационные понятия, выражающие пространственные отношения, могут быть переданы с помощью векторных противопоставлений, реализуемых

наречиями места —*налево* и *направо*, *туда* и *сюда*, как показано в приведённых ниже примерах:

Разбегается в две стороны она:

*Как **налево** – на кладбище к мертвецам.*

*А **направо** – к закавказким молодцам* [Дельвиг 1986: 172].

*При чужих и **туда и сюда**,*

А украдкой ревет как шальная [Некрасов 1965: 57].

Наречия места *назад* и *вперед* обозначают разнонаправленные действия: *назад* — в направлении, противоположном предыдущему движению; *вперед* — в направлении вперёд, по ходу поступательного движения, например:

*Гляжу **назад** – прошедшее ужасно;*

*Гляжу **вперед** – там нет души родной* [Лермонтов 1985: 34].

Качественные прилагательные могут обозначать векторные противоположности при условии, что они обозначают противоположные направления, такие как, например, ***верхний*** — находящийся наверху, выше других, расположенный вверху; и ***нижний*** — находящийся, расположенный внизу [БТС, 2000]. Эти прилагательные обозначают признаки вертикального положения предметов и находятся в антонимических отношениях:

***И верхние и нижние** –*

Все ноты хороши! [Некрасов 1985: 26]

Функционально-семантический анализ показал, что характерной особенностью векторных противоположностей в русской поэзии XIX века является то, что значительная часть антонимов этого класса представлена глаголами, наречиями места, прилагательными и предлогами, обозначающими разнонаправленные действия и соотносящимися с одним и тем же субъектом. Чаще всего встречаются однородные предикаты, связанные сочинительным разделительным союзом, которые выражают цикличность действий, начало и конец действия, субстрат и результат действия. Такие отношения организуются

союзами «*то..., то...*», одиночным или повторяющимся союзом «*и*», а также бессоюзной связью.

Данные противоположности могут проявляться в симметрично расположенных частях рассматриваемого объекта. Наличие сочинительного повторяющегося союза указывает на неоднократность действия — перечисляется ряд событий, которые следуют одно за другим. Предложения с такими конструкциями обычно имеют общий временной план (прошедшее, настоящее или будущее), при этом описываемые действия возможны только в последовательном порядке.

Векторные противоположности часто встречаются в стилистическом приёме антитезы, известном как антиметабола.

1.5. Конверсивная противоположность

Особенностью человеческого мышления является его склонность к бинарному восприятию мира, основанному на противопоставлении. Это отражается в речевой деятельности, в которой проявляется избирательность высказывания: каждое высказывание фиксирует лишь один аспект многогранной реальности, представляя её с определённой точки зрения. Особенно ярко данная особенность проявляется в так называемых конверсивных отношениях, то есть в логико-семантических связях между высказываниями, описывающими один и тот же процесс или ситуацию с противоположных позиций.

В логике и лингвистике **конверсия** представляет собой мысленную операцию, при которой меняется фокус восприятия и, соответственно, субъект и объект высказывания. По терминологии лингвиста Дж. Лайонза, синтаксические трансформации позволяют изменять порядок слов и структуру предложения, что, в свою очередь, может сместить акцент и выделить определённые элементы [Lyons 1977: 96]. Например, изменение порядка слов может подчеркнуть значимость одного из компонентов или выделить его в контексте обсуждения.

Такие искусные преобразования структуры высказываний часто используются для риторических целей.

Классификация антонимов, предложенная Л. А. Новиковым и Е. И. Дибровой, подчёркивает особенности и тонкости языковых конструкций, отражающих концептуальные пары действий, рассматриваемые с разных точек зрения. Такие глаголы-конверсивы, как *брать* и *давать*, иллюстрируют, как одно и то же действие может восприниматься с противоположных позиций: со стороны одного участника действия и со стороны другого [Диброва 2001: 42]. Этот аспект делает конверсивы особенно ценными для описания взаимодействий и отношений между субъектами в рамках одного коммуникативного акта.

Среди лексико-семантических средств выражения конверсивных отношений особое место занимают существительные-конверсивы, такие как *муж — жена*, *отец — сын*, *учитель — ученик* и др. Эти пары обозначают не просто противоположные, но и взаимозависимые социальные роли. Эти лексемы демонстрируют структуру отношений, в которых один участник не может быть обозначен без упоминания другого. Это позволяет языку более точно моделировать социальные связи и систему ролей в обществе.

Классификация антонимов как *конверсивных* акцентирует внимание на их уникальных лексико-синтаксических свойствах, которые отражают динамику взаимодействия. Например, в паре предложений: «*Я покупаю книгу*» — «*Ты продаёшь книгу*» ясно видно, как каждое действие обретает смысл только в контексте другого, создавая логическую взаимозависимость между продавцом и покупателем. Эти глаголы воплощают одно и то же событие, но в инверсированных позициях: *приобрести в собственность* — *передать в собственность*.

Таким образом, исследование конверсивных антонимов открывает новые горизонты для анализа языка, его структуры и функционирования. Оно позволяет глубже понять, как язык отражает сложные системы человеческих отношений, взаимодействий и социальных ролей.

Дискуссия о необходимости включения конверсивных пар в состав антонимов является значимой в процессе создания лексикографического описания таких слов. В научном сообществе по этому поводу существуют разногласия. Среди исследователей, высказавших свою позицию, можно отметить А. А. Уфимцеву и Л. Н. Новикова. Они рассматривали конверсивную противоположность как разновидность антонимии, выделяя при этом «ядерные» антонимы — абсолютные и относительные, к которым, по их мнению, примыкает и конверсивная противоположность [Уфимцева 1968: 154]. Следовательно, конверсивные антонимы признаются исследователями как обладающие сходной с векторной противоположностью направленностью, но отличающиеся тем, что предполагают участие двух субъектов, между которыми происходит взаимодействие.

Подчеркивая сходство между антонимией и конверсией, заключающееся в их связи с идеей противоположности в языке, некоторые исследователи указывают на принципиальные различия между этими явлениями. Основное отличие заключается в том, что антонимы выражают противоположные, но не противоречащие друг другу понятия в рамках одного семантического поля, тогда как лексические конверсивы отражают разные точки зрения на одну и ту же ситуацию или реальность.

Антонимы передают противоположные значения, связанные с разными действиями и результатами. Например, *купить* означает «приобрести за деньги», а *украсть* — «присвоить чужое, похитить» (антонимическая пара). В то же время пара *купить* — *продать* представляет собой пример лексической конверсии: обе лексемы описывают один и тот же акт обмена, но с разных позиций — покупателя и продавца. Таким образом, антонимы акцентируют различие между объектами, а конверсивы — тождественность объекта при изменении фокуса участника действия [Иванова 2016: 12].

Ключевым аргументом, подчеркивающим различие между антонимией и конверсией, является то, что семантическая конверсия может проявляться не только в рамках лексико-семантической парадигмы одного слова, но и на уровне

целого предложения. В случае синтаксической трансформации конверсивные конструкции сохраняют семантическую взаимосвязь с исходным высказыванием, изменяя лишь точку зрения или перспективу описания ситуации.

Исследование выявило ряд причин редкого использования конверсивной противоположности в поэзии. Во-первых, такие конструкции сложно воспринимаются, поскольку поэзия ориентирована на образность и эмоциональность, а конверсивы, будучи логически обусловленными, менее выразительны. Во-вторых, поэты стремятся к метафоричности, в то время как конверсивные пары чаще всего прямолинейны и не способствуют созданию многослойных образов. В-третьих, акцент на эмоциональных состояниях делает логически выстроенные оппозиции неуместными, так как они могут отвлекать от основного содержания. В-четвёртых, ритмическая и звуковая организация стиха ограничивает использование конструкций, не вписывающихся в метрическую структуру. Наконец, индивидуальный стиль поэта и его языковые предпочтения также могут обуславливать отказ от конверсивных оппозиций в пользу более ассоциативных и выразительных форм.

Тем не менее, это не означает полного отсутствия конверсивных противоположностей в поэзии (возможно, они не встретились в проанализированных 1604 стихотворениях). Некоторые поэты могут сознательно использовать такие оппозиции для создания контраста или акцентирования определённых тем. Выбор языковых средств, синтаксических конструкций и структурных приёмов во многом определяется индивидуальным авторским стилем и художественными установками автора. Именно стиль и намерения диктуют, какие элементы текста будут подчеркнуты, какие — опущены, а также каким образом будет выстроено взаимодействие между формой и содержанием.

1.6. Антитеза на основе ассоциаций в поэзии XIX века

Связь, возникающая между различными событиями, фактами, объектами или явлениями в сознании человека и сохраняющаяся в его памяти, называется

ассоциацией. Ассоциация представляет собой спонтанное соединение элементов реальности, воспоминаний или воображаемых образов. Её основой является условно-рефлекторная реакция, активирующаяся в процессе мышления и способствующая формированию новых образов.

Ассоциативные процессы, основанные на спонтанном распространении возбуждения в коре головного мозга и проникающие на глубинные уровни сознания, создают связи между подсознанием и мыслями. Поскольку в подсознании хранится большое количество информации, не поддающейся прямому осознанию, ассоциации становятся одним из немногих способов взаимодействия с этим скрытым уровнем психики.

Ассоциативный контраст представляет собой один из самых сложных видов ассоциаций, поскольку он сложно поддается рациональному объяснению. Суть его в том, что один образ в сознании вызывает ассоциацию с противоположным по значению понятием. Так, например, при восприятии слова *день* у многих возникает ассоциация со словом *ночь*; *лето* — с *зимой*; *жара* — с *холодом*. Подобные контрастные ассоциации становятся источником антонимов в мышлении и речи [Карпенко 2000: 11].

Хотя выдающиеся мыслители древности, такие как Платон и Аристотель, уделяли внимание связям между различными явлениями в своих философских трудах, сам термин «*ассоциация*» появился значительно позже — в XVII веке, благодаря английскому философу Джону Локку. В своих работах он исследовал естественные связи между объектами, событиями и фактами, возникающие в человеческом сознании и закрепляющиеся в памяти.

Ассоциации — это продукт работы человеческого сознания. Мозг человека представляет собой высокоорганизованную информационную систему, способную обрабатывать поступающую информацию с помощью ряда когнитивных операций: анализа, синтеза, сравнения и сопоставления. В процессе этих операций в мозге формируются временные нейронные связи, способствующие выявлению общих или контрастных признаков между различными объектами и явлениями.

Например, когда человек видит какой-либо объект, зрительное восприятие поступает в мозг, который анализирует его и соотносит с уже существующими образами в памяти. Это и есть механизм формирования ассоциаций. Чем выше уровень интеллектуального развития человека, тем более сложные и разнообразные ассоциативные связи он способен устанавливать с одним и тем же объектом.

В лингвистике ассоциации могут базироваться исключительно на знании языка. Так, чтобы распознать антонимы в тексте, необходимо обладать знаниями о лексическом и семантическом составе языка. Однако, когда речь заходит об антитезе, одного лишь знания лексики недостаточно. В рамках антитезы противопоставления могут включать индивидуально-авторские антонимы, значимость которых определяется исключительно контекстом. Такие антонимы часто усиливаются за счёт синтаксических конструкций, интонационного оформления или морфологических средств, подчёркивающих контраст.

Именно поэтому при изучении антонимических отношений важно рассматривать лексику в тесной связи с синтаксисом и морфологией. Только комплексный подход позволяет выявить глубинные механизмы формирования противоположностей в языке и тексте.

В подтверждение сказанного можно привести примеры, демонстрирующие, как ассоциативное восприятие мира опережает наши рациональные, гносеологические знания. Часто человек интуитивно улавливает смысловую оппозицию, даже не осознавая логической структуры противопоставления. Это свидетельствует о том, что ассоциативные связи формируются на уровне предрефлексивного опыта, опираясь на врождённые и культурно усвоенные механизмы обработки информации.

В чье неизменное участие

Беспечно веровал бы я,

Случится ль ведро иль ненастье

На перепутье бытия? [Баратынский 1987: 18]

Исследуя художественные тексты, наше внимание привлёк контекст с противопоставлением слов *вёдро* и *ненастье*. Эти слова соединены сочинительным разделительным союзом, который, как правило, связывает однородные элементы с противоположным или чередующимся значением. Возникает вопрос: какова природа этих слов и в каких отношениях они находятся между собой?

Слово *вёдро* сегодня относится к пассивной лексике, что потребовало обращения к толковому словарю. Согласно С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой, *вёдро* — это праславянское по происхождению слово, ныне устаревшее, обозначающее ясную, хорошую погоду [Ожегов, Шведова 1997: 86]. В противоположность этому, *ненастье* означает плохую, дождливую погоду. Таким образом, становится очевидно, что эти слова являются антонимами, находящимися в отношении взаимоисключения — когда наличие одного состояния автоматически исключает другое.

В данном случае именно контрастная ассоциация и смысловые отношения исключения позволили нам выявить антонимию, неочевидную на первый взгляд. Это подчёркивает важность контекстного анализа при изучении семантических оппозиций, особенно когда один из элементов противопоставления принадлежит к пассивному или устаревшему пласту лексики.

Контрастные связи лежат в основе антонимии, поскольку антонимия возникает в соответствии с универсальными закономерностями мышления, делая её, в сущности, логической задачей: «мысли создают содержание, выраженное в языке». Ассоциативная оппозиция в языке, как отмечается в исследованиях, является вторичной по отношению к мысли [ПС 2007: 80]. Это указывает на то, что слова могут вступать в отношения противоположности даже до того, как эти связи будут закреплены в системе языка.

Смысловые отношения между словами подвижны и зависят от контекста, в котором они употребляются. Так, термины, описывающие явления природы, могут сохранять свою первоначальную семантическую связь, становясь антонимами — как, например, *осень* и *весна*, — или же утрачивать её: так, *метель*

и *капель* уже не выступают в устойчивой антонимической паре, но создают образный контраст между двумя сезонами. Это иллюстрирует, как языковая антонимия формируется на основе когнитивного восприятия, а не только на основе формальных признаков.

Антонимия может быть как жёстко зафиксированной — например, в парах *тепло – холод*, так и более гибкой, контекстуально обусловленной. Например, *дождь* и *солнце* могут восприниматься как противоположности, но с лексико-семантической точки зрения не являются строго антонимичными. В зависимости от контекста, они могут приобретать дополнительные оттенки значений и вступать в различные стилистические и поэтические оппозиции. Из этого следует, что язык — это динамичная система, отражающая сложность человеческого опыта, восприятия и мышления. Смысловые отношения между словами — включая антонимы — варьируются в зависимости от культурных, исторических и индивидуальных факторов. Это делает изучение антонимии не только лингвистической, но и когнитивной задачей, требующей учета как формальных, так и ассоциативно-семантических связей.

Не напрасно дедов слово

Затвердил народный ум:

«Что для русского здорово,

То для немца карачун!» [Вяземский 1982: 36]

Русскоязычному читателю интуитивно понятно значение слова *здорово*, которое выступает как предикатив и обозначает положительное состояние. Однако иначе обстоит дело со словом *карачун* — оно архаично и малоупотребительно в современном языке. При анализе поэтических текстов нас заинтересовал момент, в котором происходит сопоставление двух наций и приписываются им различные признаки. На интуитивном уровне возникает ощущение противоположности, однако для её подтверждения необходим семантический анализ.

Из определения словаря С. И. Ожегова: *карачун* — «в славянской мифологии злой дух, сокращающий жизнь и олицетворяющий смерть в раннем

возрасте, а также, по мнению ряда исследователей, божество нижнего мира, являющееся повелителем морозов, холода и мрака» [Ожегов, Шведова 1997: 284]. На первый взгляд, слово выступает в значении существительного, обозначающего мифологический персонаж. В таком случае, по законам грамматической согласованности, оно не могло бы быть противопоставлено слову *здорово*, так как *здорово* является категорией состояния, то есть предикативом.

Однако при более глубоком анализе выясняется, что в ряде контекстов, особенно в поэтических, слово *карачун* приобретает переносное значение — «внезапная смерть», то есть обозначает состояние, аналогичное другим категориям состояния в русском языке. В этом значении *карачун* может быть соотнесён по грамматической функции с *здорово*.

Таким образом, оба слова в рассматриваемом контексте выступают как предикативы, обозначающие состояния, но с противоположной семантической направленностью: *здорово* — состояние здоровья, благополучия; *карачун* — состояние смертельной опасности, внезапной гибели. Это позволяет трактовать их как контрастные антонимы, реализованные в поэтической антитезе.

Данный пример показывает, насколько важно учитывать не только словарное значение, но и контекстуальное употребление, особенно в художественном тексте, где слова могут приобретать дополнительные семантические и грамматические функции.

Индивидуальное восприятие противоположностей является субъективным и зависит от множества факторов, не связанных напрямую с языковой системой, таких как возраст, профессиональная деятельность, географическое положение, климат, социальное окружение и другие аспекты жизненного опыта, что подчёркивает Л. А. Новиков [Новиков 1973: 17–18]. В повседневном сознании противоположные явления нередко отождествляются с антонимами, однако такое восприятие не всегда соответствует лингвистическим критериям антонимии. В качестве примера Л. Новиков приводит наблюдение: для человека, живущего в условиях разнообразного ландшафта, естественным кажется противопоставление высоких гор и равнин. Однако для горняка, незнакомого с равнинными

пространствами, противоположность может быть воспринята как «гора — долина». Это демонстрирует, что противоположность в восприятии человека часто определяется опытом, а не строго научной категорией.

Понятие противоположности в языке следует отличать от ситуативной или ассоциативной противоположности, которая возникает в мышлении человека на основе его индивидуального опыта. Это различие указывает на то, что антонимия в языке — это не только объективная семантическая категория, но и отражение субъективного восприятия мира [Новиков 1973: 18].

Таким образом, ассоциативная противоположность представляет собой форму взаимодействия, при которой мышление откликается на определённое слово, выделяя другое — с противоположным значением. Этот процесс осуществляется на уровне сознания и зависит от интуиции, интонационного оформления, а также от знания синтаксических конструкций. Благодаря этому мы способны распознавать противоположные по значению слова даже в тех случаях, когда они нам ранее не встречались.

Важно подчеркнуть, что отношения противоположности проявляются исключительно в определённом контексте. Хотя они часто ассоциируются с антонимами, это не единственный возможный их признак. Анализ других видов смысловых связей между противоположными понятиями требует более глубокого лингвистического и когнитивного рассмотрения. Особо стоит отметить, что при изучении антитезы целесообразно учитывать не только лексическое наполнение, но и синтаксическую структуру высказывания, поскольку именно она может усиливать или ослаблять эффект противопоставления.

Выводы по 1 главе

Рассмотренные нами аспекты противоположностей позволяют глубже понять, как антонимия формирует наше восприятие мира и взаимодействие с ним. Существует несколько видов противоположностей:

Комплементарные и контрадикторные обозначают предельные оппозиции, между которыми невозможно наличие промежуточного звена. Примеры: *жизнь – смерть* (лексические антонимы), *верь – не верь* (однокорневые антонимы).

Контрарные противоположности — это логико-семантические отношения, в которых допустимы варианты противопоставления, формирующие синонимический ряд антонимов. В русской поэзии XIX века такие противоположности представлены, например, в парах: *прошедшее — настоящее — будущее — грядущее*, *вчера — сегодня — завтра*, где не всегда возможен чёткий подбор однозначного антонима. Эти ряды часто реализуются в стилистическом приёме антитезы — **парадиастоле**.

Векторная противоположность отражает противоположные направления действия или движения, часто выражаемые глаголами, наречиями, прилагательными, предлогами. Такие противоположности представляют цикличность, начало и конец действия, субстрат и результат, и могут быть организованы с помощью конструкций с союзами «*то... то...*», «*и*», а также бессоюзно. Анализ векторных противоположностей требует изучения антитезы типа **антиметабола**. В русской поэзии XIX века они выражаются через перечислительные, последовательные, сравнительные отношения.

Конверсивная противоположность передаёт относительно противоположные значения, рассматриваемые с разных точек зрения, например: *купить* — «приобрести за деньги» и *продать* — «отдать за деньги». Эти пары типичны для разговорной речи, что объясняет их редкое употребление в поэтическом дискурсе.

Ассоциативная противоположность возникает как отклик мышления на слово с выделением ментального антипода. Этот процесс происходит на уровне сознания, активируя интуицию, интонацию и синтаксические знания. Осмысление ассоциативной антитезы, как формы безморфемной антонимии, требует: 1) более глубокого анализа и культурного контекста, так как включает в себя более абстрактные и многозначные идеи, нежели простые антонимы; 2) понимания слов

и умения интерпретировать их в контексте; 3) способности видеть связи между ними, анализировать, сопоставлять и делать выводы, развивая критическое мышление и способность к глубокому анализу.

Таким образом, несмотря на сложность восприятия, осмысление ассоциативной антитезы открывает новые горизонты для интерпретации и понимания текста, что делает её ценным элементом литературного анализа. Функция ассоциативных противоположностей в тексте заключается, прежде всего, в выявлении окказиональных антонимов, отражающих индивидуальную авторскую картину мира.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ЭКСПРЕССИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИИ АНТИТЕЗЫ В СИСТЕМЕ АНТОНИМОВ

2.1. Функционально-структурная классификация антонимов в русской поэзии XIX века

Структурная антонимия служит основой для антитезы и подразумевает наличие слов или выражений, противоположных по смыслу и обладающих сходной структурой. Исследование антонимии и антитезы осуществлялось с различных сторон: были рассмотрены основы антонимического соотношения, его философские и логические предпосылки (Е. Н. Миллер, *«Что такое язык? Гносеологический аспект»*, 1988; Б. Т. Ганеев, *«Противоречия в языке и речи»*, 2004; предприняты попытки классификации антонимов (Л. А. Новиков, *«Логическая противоположность и лексическая антонимия»*, 1966; Л. А. Введенская, *«Словарь антонимов русского языка»*, 1982; Ю. Д. Апресян, *«Синонимические средства языка»*, 1995; Л. В. Артешина, *«Изучение антонимов как средство формирования понятия «системные отношения в лексике»»*, 1997; Дж. Лайонз, *«Лингвистическая семантика»*, 2003); проведена структурная классификация антитезы (Л. А. Корнилова, *«Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале русского языка)»*, 2011); определены лингвистические признаки, характеризующие антонимичность (Л. Ю. Максимов, *«Антонимия как один из показателей качества прилагательных (на материале русского языка)»*, 1958; В. Н. Комиссаров, *«Семантическая характеристика слов-антонимов»*, 1961; Я. И. Гельбл, *«Антонимия и антитеза»*, 1964; А. А. Алехина, *«Фразеологическая антонимия в современном английском языке»*, 1968; Р. З. Гинзбург, *«Структура антонимов»*, 1986; Л. А. Новиков, *«Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике)»*, 1973; О. С. Ахманова, *«Словарь лингвистических терминов»*, 2004; а также выделены классические контексты

применения антонимов (В. А. Сазонова, «Антонимы как средство выражения контраста в языке художественной речи (на материале прозы А. П. Чехова), 2002).

Антонимы играют важную роль в языке и мышлении, помогая человеку структурировать знания о мире через создание чётких контрастных категорий. Это не только облегчает восприятие и запоминание информации, но и способствует более глубокому пониманию различных концептов.

Психологические исследования показывают, что дети часто осваивают значения слов, сравнивая их через противоположности [Jones 2002: 12]. Например, ребёнок может сначала выучить слово «горячий», а затем понять его антоним — «холодный». Такие когнитивные схемы формируют представления о мире, позволяя сравнивать и противопоставлять различные объекты, состояния и качества. В культурном контексте антонимы также играют важную роль, позволяя выражать идеи, эмоции и оценки. Так, в литературе антонимические пары могут использоваться для создания контраста между персонажами или ситуациями, что делает повествование более выразительным.

Антонимия охватывает разнообразные отношения между словами. Л.А. Новиков выделил несколько видов антонимов в своей классификации, основываясь на различных аспектах их семантики и употребления:

1) разнокорневые (или «лексические антонимы»): *высокий — низкий, рождение — смерть, правда — ложь, любить — ненавидеть, бранить — хвалить* и т.п. [Новиков 1973: 159].

На стене кругом

Пишу стихи кругом.

Браню кого придется,

Хвалю кого хочу [Лермонтов 1985: 38]

Слово «бранить» в данном контексте означает порицать или осуждать кого-либо или что-либо. В то же время слово «ругать», выступая как лексический антоним к «хвалить», обозначает негативную оценку, противоположную положительной, выражаемой словами «хвалить», «высказывать одобрение»,

«восхвалять» или «прославлять» [Ожегов, Шведова 1997: 486]. Эти слова выступают лексическими антонимами, обозначая противоположные действия и эмоциональные реакции.

В отрывке из произведения М. Ю. Лермонтова «Одиночество» наблюдается противопоставление смерти и рождения. Эти два понятия представляют собой крайние точки жизненного цикла человека и символизируют начало и конец жизнедеятельности. Такое противопоставление не только подчеркивает контраст между жизнью и смертью, но и порождает глубокие философские размышления о сущности бытия, его быстротечности и неизбежности. М. Ю. Лермонтов намеренно сопоставляет эти антонимы — смерть и рождение — используя сравнительный союз, однако делает это не в пользу положительных явлений. Анализ произведений поэта неоднократно подтверждает, что пессимистический взгляд на жизнь является характерной чертой его творчества. Например:

*Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о **рождении** моем* [Лермонтов 1985: 86] ...

2) Однокорневые (или грамматические) антонимы представляют собой пары слов, образованных путем добавления аффиксов — приставок или суффиксов — к общему корню. В таких случаях противоположное значение не выражается изменением корня, а достигается за счет аффиксальной морфологии (например, не-, без-, с-, ре-, де-, анти- и др.). Структурная классификация грамматических антонимов тесно связана с частями речи и морфологическими процессами, применяемыми для формирования антонимических пар.

Однокорневые антонимы особенно распространены среди глаголов, так как они выражают динамические действия и изменения состояний, что создает благоприятные условия для образования противоположных значений с помощью приставок. Примеры таких глаголов, обозначающих перемещение или изменение положения, *вбегать* — *выбегать*, *вносить* — *выносить*, демонстрируют, как приставки создают антонимию. Аналогично образуются пары глаголов,

указывающих движение внутрь и наружу (въезжать — съезжать) или начало и конец действия (заиграла — отыграла).

В прилагательных однокорневые антонимы формируются с помощью префиксов и префиксоидов: *не-, без-, анти-, контр-* и других. Такие пары, как интересный — неинтересный и человеческий — античеловечный, показывают, что антонимия проявляется не только в действиях, но и в характеристиках и качественном описании.

Что касается существительных, префиксоиды *микро- и макро-, моно- и поли-* также способствуют образованию антонимичных пар, например, *микромир — макромир, полигамия — моногамия* [Новиков 1973: 194]. Данные примеры демонстрируют, как язык структурирован для создания контрастов, и как аффиксоиды служат мощным инструментом формирования новых значений и антонимов.

Вот повести конец моей;

Судите: былъ иль небылица [Лермонтов 1985: 85].

Существительное «быль» относится к действительности, тогда как «небылица» обозначает противоположное понятие, связанное с вымыслом и выдумкой. Это противопоставление, образованное с помощью приставки «не-», формирует антонимическую пару, широко распространённую в русском языке, которая подчёркивает контраст между реальностью и фантазией. Антонимия, создаваемая посредством аффиксов, не только обогащает язык, но и способствует более точному и многогранному выражению смыслов, отражая богатство и сложность языковой системы.

3) Энантиосемия (или «внутрисловная антонимия») — это языковое явление, выражаемое с помощью синтаксических и лексических средств контекста, при котором одно и то же слово приобретает противоположные значения в зависимости от употребления. Примером служат фразы «*одолжить деньги кому-нибудь*» (дать займы) и «*одолжить деньги у кого-нибудь*» (взять займы), а также глагол «*заговорить*», который может означать как «начать говорить», так и «утомить разговорами». В рамках энантиосемии проявляется

особый феномен омоантонимии — многозначность слова с противоположными значениями в зависимости от контекста [Новиков 1973: 193].

Например, слово *«отболеть»* может означать *«выздороветь после долгой болезни»* (отболел простудой и вышел на службу) или *«умереть вследствие болезни»* (отболел, сердешный, помер) [Корюкина 2014: 17]. К энантосемии можно отнести и такие слова, как *бесценный* — «не имеющий никакой цены» и «имеющий очень высокую цену»; *вывести* — «уничтожить» и «создать» (вывести новый сорт); *завязать* — «начать» и «закончить» («завязать отношения» / «завязать с алкоголем»); *залечить* — «вылечить» и «ухудшить состояние из-за лечения» («врачи залечили рану» / «врачи залечили до смерти») и т.п.

Таким образом, антонимы основаны на концепции противоположности, отражающей философские и логические основы того, как слова могут приобретать диаметрально противоположные значения. Словообразовательные аффиксы играют ключевую роль в формировании антонимов, способствуя созданию новых слов с противоположным значением, что имеет большое значение для понимания лексической и грамматической антонимии. Семантика также занимает важное место в структурной классификации антонимов: дифференциальные признаки позволяют выделить уникальные характеристики каждого класса, обеспечивая более чёткое понимание взаимосвязей между словами и передаваемых ими значений.

2.2. Функциональность лексических антонимов в русской поэзии XIX века

Лексические антонимы — это слова одной части речи, обладающие противоположным лексическим значением, но при этом связанные между собой по смыслу. Они используются для создания контрастных образов, сравнений, ярких противопоставлений и передачи реальных оппозиций в языке. В различных сферах человеческой деятельности слова с противоположным значением активно

применяются для выражения индивидуальных и социальных характеристик человека, его чувств и восприятия внутреннего и внешнего мира. В литературе и поэзии антонимы часто выступают в роли антитезы — стилистического приема, основанного на контрасте и выразительности речи через противопоставление понятий, мыслей и образов. Например:

*Свершилось! **Мертвые** отпеты,
Живые прекратили плач* [Некрасов 1965: 294].

Субстантивированные существительные, связанные отношением перечисления — «**мертвые**» и «**живые**» — располагаются в двух крайних точках противоположности, обозначая наличие и отсутствие жизни.

*Блажен **болтающий** поэт,
И жалок гражданин **безгласный!*** [Некрасов 1965: 261]

Причастие «**болтающий**» стилистически не свойственно поэтической речи, поскольку несет негативную оценку — бессодержательный разговор говорящего. В качестве антонима к нему приведено прилагательное «**безгласный**» в значении «не высказывающий своего мнения», «не смеющий протестовать», «лишённый речи», «безмолвный». Однако в контексте присутствует и другая пара антонимов — «**блажен**» и «**жалок**», что указывает на наличие сложной антитезы [Корнилова 2011: 242]. Анализируя творчество Н.А. Некрасова, мы неоднократно убеждаемся, что в своих произведениях писатель приписывает все пороки безнравственным людям, которые при этом чувствуют себя как в родной стихии.

***Болтала** лихорадочно, несвязно...*

*Торжественно **молчала** по часам* [Некрасов 1965: 72].

В данном контексте к глаголу «болтала» приведён антоним «молчала», тогда как в предыдущем — «**безгласный**». Это позволяет говорить о наличии синонимического ряда антонимов. В поэтическом тексте возможна замена семантически близкого слова-антонима, которая не приводит к утрате актуальности антонимического противопоставления. Таким образом формируются антонимичные синонимические ряды. Н. А. Некрасов в своей поэтической речи использовал именно такие антитезы для создания яркой

экспрессии: в одном случае поэту важно было подчеркнуть, что его герой робкий, не высказывающий своего мнения и не смеющий протестовать, а в другом — показать изменчивость характера девушки.

В роли антонимов в русском языке могут выступать и местоимения — например, **«мной» и «тобой»**, поскольку они выражают крайние противоположности. Однако более резкий контраст создают сравнения, такие как **«холодный мрак могилы» и «объятия любви»**. Следовательно, при исследовании феномена антонимии контекст приобретает ключевое значение. Без учёта контекстуальных факторов антонимы утрачивают значительную часть своей экспрессивной силы и коммуникативной насыщенности. В таких условиях бинарное противопоставление становится более статичным и однозначным, что усиливает восприятие высказывания как строго дихотомического. Например:

Не говори, что дни твои унылы,

Тюремщиком больного не зови:

Передо мной – холодный мрак могилы,

Перед тобой – объятия любви [Некрасов 1965: 230].

Использование противопоставлений в поэзии способствует созданию яркого и запоминающегося образа, являющегося одним из наиболее эффективных приёмов для вызова определённых впечатлений. Этот приём отражает важную операцию человеческого мышления, которая выражается в языке через использование антонимов. Антонимы играют ключевую роль в формировании антитезы, подчёркивая контраст между противоположными понятиями. Такая стилистическая фигура помогает акцентировать внимание на главных идеях и эмоциях, придавая тексту глубину и выразительность. Поэт воспринимает окружающий мир через призму контрастов и сравнений, что свидетельствует не о противоречиях, а о единстве его восприятия реальности, например:

Тогда забуду ль я о днях, когда-то милых,

*Забуду ль всё, что, верно, **помнишь** ты,*

Иль с горечью пойму, что я забыть не в силах,

И в бездну брошусь с высоты [Апухтин 1991: 53].

«Забуду» и «помнишь» — лексические антонимы, с помощью которых поэт через контрастное изображение действительности раскрывает душу и характер героя. В данном случае наблюдается не только семантическое, но и грамматическое противопоставление между формами 1-го и 2-го лица.

Нами проведённый лексико-текстологический анализ русской поэзии XIX века позволил сделать следующие выводы: контекст противопоставления является ключевым элементом анализа использования антитезы в языке, благодаря которому различаются разнообразные языковые конструкции. В этих конструкциях антонимы встречаются с постоянной регулярностью и могут принадлежать к любой части речи. Антонимы могут классифицироваться по разным принципам, включая логические, семантические, грамматические и структурные аспекты. Каждая из этих классификаций позволяет глубже понять природу антонимов и их функциональность в языке.

2.3. Функциональный потенциал однокорневых антонимов в русской поэзии XIX века

С точки зрения структуры слов, образующих антонимические пары, выделяют разнокорневую (лексическую, собственно лексическую) антонимию, например: *день — ночь, добро — зло*, и однокорневую, например: *счастье — несчастье, вооружённый — безоружный*. Такие антонимы называют грамматическими или лексико-грамматическими [Новиков 1973: 159]. Существуют различные точки зрения учёных по вопросу однокорневых антонимов, образующихся за счёт добавления приставок. Л. А. Булахановский утверждает, что в таких парах не возникает «истинной противоположности». Учение Н. Д. Шмелева акцентирует внимание на более широком понимании антонимии, выходящем за рамки только разнокорневых слов. По его мнению, важно учитывать и те слова, которые образуются с помощью отрицательного префикса *«не-»*, поскольку они также выполняют функцию антонимов, даже если семантически основаны на одном и том же корне [Шмелев 1977: 35]. Эта

категория антонимов заслуживает особого внимания, особенно в контексте современного русского языка, где такие пары достаточно распространены и важны в речевой практике. Ю. Д. Апресян считает, что главное значение приставки «не-» — значение отсутствия, в котором она образует антонимы типа *Anti*² [Апресян 1970: 8–10]. Л. А. Новиков же рассматривает их как неполные, слабые антонимы.

При однокорневой антонимии слова становятся противоположными не за счёт различия корневых частей, как это происходит в разнокорневой антонимии, а благодаря использованию словообразовательных аффиксов, называемых антоморфемами [Бартошович 1983: 42]. Такая особенность может также проявляться через добавление приставки, которая изменяет первоначальное значение слова на противоположное.

Исследование показало, что в поэзии наиболее распространены глагольные антонимы, поскольку глагол как часть речи характеризуется значительным разнообразием антоморфемных образований, например:

*Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять* [Фет 1956: 47]

«*Ты отстрадала, я еще страдаю*» противопоставляются как завершённость и незавершённость действия: глагол *страдать* означает испытывать страдание, а с присоединением приставки *от-* образуется противоположное значение — *отстрадать* означает провести какое-либо время в страданиях, закончить, перестать страдать [Ожегов, Шведова 1997: 771, 481]. На уровне грамматики здесь также наблюдается противопоставление прошедшего и настоящего времени, что отражается в грамматической антитезе.

Однокорневая антонимия возникает в результате деривации и представляет собой продукт словообразования, то есть включает в себя антонимическую пару производящего и производного слов. Контраст достигается путём противопоставления одного действия другому.

С функциональной точки зрения действия соединения и разъединения создают противопоставления, такие как *расплести* и *заплести*. Например:

*Много с ней скоротал невозвратимых ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел* [Некрасов 1965: 75].

Исследование показало, что для слов *расплетал* — *заплетал* невозможно подобрать другое противопоставление, и поэтому относить их к неполноценным антонимам было бы ошибкой. Использование в контексте глаголов несовершенного вида указывает на неоднократность действия, что свидетельствует об их продолжительной природе.

*Всех завел, провел, вывел,
С кем сойтись пришлось,
И, пока не оплешивел,
Брал процент с волос:* [Некрасов 1965: 32]

При исследовании нас заинтересовал пример однокоренных антонимов — *завел*, *провел* и *вывел*, которыми Н. А. Некрасов небрежно характеризует личность ростовщика. Толковый словарь С. И. Ожегова даёт следующие определения: *завел* (начальная форма — заводить) — заставлять зайти, войти куда-либо; в данном случае ростовщик заставляет войти в долги; *провел* (проводить — имеет восемь значений) в данном тексте используется вторичное значение — вести кого-либо, где-либо, мимо кого-либо или чего-либо; разговорное выражение — обманывать кого-либо, хитрить; *вывел* (выводить) — идти рядом, заставлять выйти откуда-либо, в переносном, разговорном значении — уничтожать, искоренять [Ожегов, Шведова 1997: 199, 110, 606].

Анализируя данный контекст, можно прийти к выводу, что писатель употребляет значения слов в производном, то есть вторичном значении, противопоставляя *завел* — *вывел*, а между ними — эмоционально окрашенное слово *провел*. Таким образом достигается высшая степень экспрессивности.

Рад бежать бы от них, — но куда убежать?

*О, они не дадут отдохнуть
И неслышно закрадутся в душу, как тать,
И налягут кошмаром на грудь [Надсон 1965: 131].*

Антонимические оппозиции, соответствующие разным денотатам, могут классифицироваться с точки зрения направленности и ненаправленности действия. Примером такой оппозиции служит пара **бежать** (продвигаться вперёд, быстро перемещаться) и **убежать** (уходить, удаляться откуда-либо бегом). Экспрессивность текста усиливается через риторический вопрос героя, отражающий его внутреннюю безысходность: «**Но куда убежать?**»

Исследуя однокорневые антонимы, мы пришли к следующим выводам: — однокорневые антонимы не являются чуждыми для русской поэзии XIX века и встречаются даже чаще, чем лексические (разнокорневые) антонимы. Их частота обусловлена морфологической гибкостью русского языка, позволяющей с помощью приставок формировать противоположные значения при сохранении образной и ритмической выразительности;

— считать однокорневые антонимы слабыми или неполноценными некорректно, поскольку во многих случаях именно наличие антонимичных приставок обеспечивает формирование противоположного значения, особенно в тех случаях, когда лексически оформленные антонимы отсутствуют (например, *бить — не бить, давать — не давать, бежать — убежать*), что подтверждает многоуровневую природу антонимии в языке.

— в русской поэзии XIX века преобладают однокоренные глаголы, выражающие разнонаправленность, градуальность, а также положительную или отрицательную оценку действия и поступков;

— использование однокоренных глаголов просторечного стиля, таких как *завёл, провёл, вывёл*, позволяет достичь высокой экспрессии текста, поскольку противоположности, расположенные в пределах одного семантического поля, воспринимаются читателем более естественно и ярко.

2.4. Экспрессивная функция лексико-грамматической (межчастеречной) антонимии

Вопрос о степени морфологического сходства слов-антонимов остаётся одним из наиболее дискуссионных в исследовании антонимии. Уже в 1970-е годы учёные, такие как Л. А. Бортэ (*«О грамматическом статусе "смешанных классов слов"»*, 1979), В. Д. Девкин (*«Взаимозамена противоположных функций»*, 1987), Е. И. Диброва (*«Антонимичная парадигма»*, 2001), Н. Ю. Донченко и Э. И. Родичева (*«Поэтические структуры антонимии»*, 2000), обратили внимание на существование антонимических отношений не только между словами одной части речи, но и между словами, принадлежащими к разным грамматическим классам. Э. И. Родичева в своей работе *«К проблеме антонимии»* подчёркивает, что формирование антонимической пары не требует обязательного совпадения грамматической структуры слов [Родичева 1968: 285].

Создание межчастеречных антонимических оппозиций объясняется семантической и грамматической несимметрией, характерной для многих слов. Несмотря на различие в категориально-грамматических значениях (например, предметность, признаковость, процессность), слова разных частей речи могут обладать общими семантическими признаками, выраженными через одноимённые категориально-лексические семы. Межчастеречные антонимы противопоставляются в силу наличия антонимичных частных лексических сем, однако основой для их соотнесения служат именно категориально-лексические семы, обусловленные грамматическими характеристиками соответствующих частей речи. Учет этих семантико-грамматических параметров необходим для понимания механизмов возникновения и функционирования различных типов межчастеречных оппозиций в языке.

Л. А. Введенская подчёркивает, что слова с противоположным значением могут встречаться в различных лингвистических категориях, однако для того, чтобы считаться антонимической парой в строгом лингвистическом смысле, противопоставленные слова должны принадлежать к одной и той же части речи:

например, существительные (*шум — тишина, закат — рассвет*), прилагательные (*высокий — низкий, добрый — злой*), глаголы (*светает — темнеет*), наречия (*рано — поздно, вверх — вниз*) [Введенская 2005: 256]. Этот принцип применим на уровне языковой системы. Однако в контексте литературного произведения возможно обнаружение противопоставлений между словами, относящимися к разным грамматическим классам, что свидетельствует о наличии контекстуальной антонимии, обусловленной прагматикой и образной структурой текста. Такие случаи следует рассматривать как проявления контекстуальных антонимов, формируемых в рамках конкретного высказывания, а не как системные антонимические пары.

В книге «Антонимия в русском языке» Л. А. Новиков отмечает, что противоположность между объектами, явлениями или словами может проявляться в зависимости как от языковых факторов (контекст, акценты, средства выражения и т. д.), так и от внеязыковых условий (ситуация, возраст, профессиональная принадлежность, жизненный опыт). Он рассматривает межчастеречную антонимию как разновидность речевой антонимии, подчёркивая, что степень различия между антонимами определяется конкретной ситуацией противопоставления [Новиков 1966: 71]. В свою очередь, Е. Н. Миллер утверждает, что антонимия представляет собой категорию содержания, позволяющую устанавливать отношения противоположности между любыми номинативными единицами с антонимичными значениями, независимо от их грамматической формы или способа выражения [Миллер 1981: 80].

Различия в семантических основах обуславливают значительное разнообразие лексических значений, что может создавать затруднения в восприятии антонимов у носителей, не обладающих языком на уровне родного. Данный факт подчёркивает важность учета семантической и когнитивной сложности при изучении антонимических пар. В связи с этим мы поддерживаем концепцию, допускающую возможность существования лексических антонимов между словами, принадлежащими к различным частям речи. Такое расширение традиционного понимания антонимии позволяет более полно отразить сложные и

многогранные отношения противопоставления в языке, выходящие за рамки классических пар прилагательных или существительных.

В поэтической речи, с целью создания эмоционально-экспрессивного настроения у читателя, поэты часто прибегали к приёму, при котором противопоставлялись не только слова одной части речи, но и элементы разных грамматических категорий: одной части речи противопоставлялась другая, одному слову — словосочетание или даже целое предложение, как это видно из приведённых ниже примеров:

*Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых **сильные и сытые** земли
Отнять у **бедняков голодных** не могли* [Некрасов 1965: 131].

Субстантивированное прилагательное «**сильный**» выступает во вторичном значении — как «обладающий влиянием, властью, авторитетом», «значительный по положению или роли», и противопоставляется существительному «**бедняк**» — «неимуций, бедный человек», дополнительно охарактеризованному как голодный, что усиливает экспрессивность и контрастность данного противопоставления.

*А посреди могил **немых**
Найдутся **громкие** могилы* [Некрасов 1985: 269].

Сочетание в одном предложении двух противоположных понятий — «**немой**» и «**громкий**» — вызывает особый интерес, поскольку здесь явно проявляется метафорический смысл. Известно, что мертвецы не говорят, и их могилы воспринимаются как немые, затаённые, не раскрывающие тайн. Однако если среди них встречаются «**громкие могилы**», то прилагательное «**громкие**» употреблено в переносном значении — как скандальные, широко известные, получившие огласку.

В творчестве Н. А. Некрасова представлены все разновидности антонимии, и данный отрывок служит ярким примером межчастеречной антонимии, например:

Вне карт не знал, не слышал и не видел

Он ничего, - но помнил каждый приз...

Прижимистых и робких ненавидел,

*Но к **храбрецам**, готовым на ремиз,*

*Исполнен был глубокого **почтения*** [Некрасов 1985: 37]

Прилагательные **«прижимистый»** (скупой, жадный до денег, склонный в денежных делах или практических расчетах притеснять кого-либо) и **«робкий»** (несмелый, боязливый, опасливый) противопоставлены существительному **«храбрец»** (храбрый человек, смельчак) [Файзуллина 2024: 11]. Наличие в контексте противительного союза, который противопоставляет и сопоставляет эти признаки, даёт основание считать их антонимами, хотя данные пары не отражены в антонимических словарях.

Следующая пара противопоставлений выражает положительные и отрицательные чувства: слову **«ненавидел»** противопоставлено целое предложение **«исполнен был глубокого почтения»**. Вне контекста эти единицы не могут рассматриваться как бинарные антонимы; для этого необходимы все элементы содержания предложения: пунктуация, интонация и последовательность слов, которые формируют целостное противопоставление.

Таким образом, межчастеречные оппозиции широко распространены в поэзии, где служат средством создания определённого стилистического эффекта. В поэтических текстах межчастеречная антонимия чаще всего проявляется через субстантивированные прилагательные, обозначающие отвлечённые понятия. По морфолого-синтаксической структуре чаще противопоставляются конструкции типа **«слово + слово»** или **«слово + словосочетание»**. Использование поэтами метафор и метонимий способствует повышению экспрессивности текста. Следуя Л. А. Новикову и Е. Н. Миллеру, мы считаем, что антонимы, принадлежащие к разным частям речи, следует рассматривать как квазиантонимы.

2.5. Экспрессивность антонима между словом и словосочетанием

Антонимические связи в поэзии можно наблюдать не только между отдельными словами, но и между различными словосочетаниями. Исследования Л. А. Введенской, А. Г. Гюльмагомедова, В. Л. Смирнова, А. М. Эмировой, М. И. Сидоренко, Л. А. Грязновой и В. Б. Синюк посвящены антонимическим отношениям между словом и свободным словосочетанием, а также между словом и фразеологизмом [Меркурьева 1996: 7]. В работах этих авторов проанализированы слова и выражения, а также слова и фразеологические обороты с антонимическими элементами. Такие конструкции могут использоваться для создания выразительного стиля, что показано в приведённом ниже примере:

А что любовь ей дала, кроме бед,

Кроме печали и муки?

Смолоду-стыд, а на старости лет –

Ужас последней разлуки! [Некрасов 1985: 191]

Противительно-сопоставительными отношениями связаны следующие антонимы: наречию «**смолоду**» противопоставлено словосочетание «**на старости лет**», а существительному «**стыд**» — словосочетание «**ужас последней разлуки**». Эти слова вне контекста не воспринимаются как антонимы, однако наличие противительного союза создаёт бинарность и рассматривается как антитеза.

Переживая старину.

Душа болит. Не в залах бальных,

Где торжествует суета,

В приютах нищеты печальных

Блуждает грустная мечта [Некрасов 1985: 270].

Грамматические конструкции, союзы и их смысловые элементы, а также конструкции с противопоставлением демонстрируют широкий спектр разнообразных синтаксических форм. В следующем примере представлены

оппозиционные словосочетания: *не в залах бальных* (в значении роскошной, богатой, сытой жизни) противопоставлено словосочетанию *в приютах нищеты*. Тем самым приводится пример социального неравенства в обобщённом виде — как «богатый» и «нищий». Эти словосочетания являются антонимами, и их можно рассматривать как бинарности, однако внести их в словарь антонимов затруднительно, поскольку необходимо учитывать контекст.

Вероятно, именно поэтому создание полного словаря антонимов остаётся нерешённой задачей: мы можем включить лишь часть слов как антонимы, но у антонимов есть свойство проявляться как бинарности именно в контексте, чему способствуют противительные и сопоставительные союзы, пунктуация и интонация.

Перекрёстное расположение антитезы может использоваться как приём яркого выражения экспрессивности — хиазм, например:

Я для него забыл весь мир,

Для сей минуты незабвенной [Лермонтов 1985: 26].

«*Забыл весь мир*», то есть утратил воспоминания о земном шаре со всеми его прелестями, противопоставлено «*минуте незабвенной*». При описании эмоционального отношения к высказыванию в центре внимания оказывается структура текста с использованием стилистической фигуры — хиазма. Этот приём автор применил для передачи эстетической функции языка, выражения субъективного отношения к миру, а также своего эмоционального состояния и чувства по отношению к ситуации. В результате была создана высокая экспрессивность текста.

В поэтической речи для создания яркого контраста возможно употребление фразеологизмов, как в приведённом ниже примере:

И когда бедняжка с горя захворала,

Свез ее в больницу... навещал сначала,

А потом уехал – словно воду канул [Некрасов 1985: 247].

Слову «*навещал*» в значении «*наведываться*», «*наносить визиты*» противопоставлено выражение «*воду канул*» в значении «*бесследно исчезнуть*».

Эти бинарные пары соединены противительным союзом, что позволяет рассматривать их как антитезу или контекстуальные антонимы. Конкретный отбор содержания и реализация экспрессивных средств зависят от мотивов и целей автора: у слова *навещать* есть несколько не прямых антонимов — *отсутствовать, игнорировать, пройти мимо* и другие, но данные слова не звучали бы так экспрессивно, красиво и поэтично. Поэтому автором был выбран именно фразеологизм.

Приведённые выше примеры можно рассматривать как авторские контекстуальные антонимы, изучение которых вызывает трудности у людей, не владеющих русским языком как родным. Большинство из этих нетипичных оппозиций относятся к общепоэтическим приёмам, намеренно используемым авторами для создания экспрессивности речи и яркого контраста. В связи с этим возникает вопрос: насколько справедливо считать, что все авторские антонимы сводятся к языковым, и можно ли считать наличие противительных союзов основанием для признания слов антонимами? По нашему мнению, считать их антонимами нельзя, поскольку вне контекста они не образуют истинных противоположностей, а в контексте могут выступать как антитеза за счёт присутствия таких компонентов, как союз, пунктуация и интонация.

2.6. Синтаксические антонимы

Важное значение в рамках синтагматических связей занимают противоположные отношения, характерные для синтаксических конструкций русского языка. Это проявляется в возможности создания антонимических противопоставлений между элементами различных уровней, которые дополняют друг друга при описании противоположных ситуаций. Изучение антонимии в синтаксисе включает анализ языковой составляющей синтаксической семантики. Такой анализ основывается на понимании того, что синтаксис обладает семантическим содержанием, поскольку каждая синтаксическая единица несёт определённый смысл.

В лингвистике проблема синтаксической антонимии относительно мало изучена. В этом контексте заслуживают внимания труды российских учёных Т. Б. Фастовской (*«Антонимичность в системе сложносочинённых предложений в современном английском языке»*, 1988), М. С. Пестовой (*«Антонимия как объект теоретического исследования»*, 2014), Н. Б. Боевой (*«Грамматическая антонимия в современном английском языке»*, 2001), которые исследовали данное явление на материалах романо-германских языков. В этих работах охарактеризована лингвистическая сущность антонимии, а также проанализирована синтаксическая антонимия в словосочетаниях, простых и сложных предложениях, связных текстах, выявлены её лингвистические единицы.

Рассматривая предложение как центральную единицу синтаксиса, следует учитывать, что антонимия предложений возможна и строится на противоположности синтаксических значений при одинаковом лексическом наполнении, а также на несинтаксической основе — включении в состав предложений с одинаковыми синтаксическими значениями лексических антонимов.

Исследователь синтаксической антонимии В. И. Кононенко в своей диссертации *«Системно-семантические связи в синтаксисе»* описывал разновидности антонимов, представленных в словосочетаниях с корреляционными предложно-падежными формами, обладающими одинаковым лексическим содержанием, но различающимися антонимичными предлогами [Кононенко 1976: 18], например:

Под крестом - моя могила;

На кресте – моя любовь! [Кольцов 1986: 127]

Непроизводный предлог *«под»* употребляется при указании предмета, места, лица и т. п., ниже которого направлено действие или движение, тогда как предлог *«на»* используется для обозначения предмета, на поверхность (или на верхнюю, внешнюю сторону) которого направлено действие или движение с целью расположения, размещения кого-либо или чего-либо на нём. Эти предлоги

— «под» и «на» — выражают разнонаправленные движения, что свидетельствует о наличии векторных противоположностей.

Экспрессивность контексту придают сопоставления, например, как «могила» и «любовь», причём речь ведётся от лица умершего. Такие противопоставления с помощью векторных предлогов выражают контекстуальные экспрессивные бинарности в поэтической речи.

В работах Г. В. Валимовой («Функциональные типы предложений») и Ю. Н. Власовой (диссертация «Проблемы синтаксической синонимии в современном английском языке») подробно рассматриваются различные синтаксические конструкции, антонимичность которых основана на выражении отрицания. Авторы анализируют, как в рамках функционального синтаксиса противопоставляются утвердительные и отрицательные предложения, а также исследуют способы выражения отрицания на уровне структуры предложения. Особое внимание уделяется синтаксическим синонимам, которые, несмотря на идентичность семантической нагрузки, различаются по форме и функции за счёт наличия или отсутствия отрицательных компонентов. Исследование Валимовой и Власовой способствует более глубокому пониманию механизмов построения отрицательных предложений и их роли в коммуникативной практике современного языка.

*Без смерти **жизнь не жизнь**: и что она? Сосуд,
Где капля **меду** среди **полыни**;
Величествен сей понт! Лазурный царь пустыни,
О солнце! Чудно ты, среди небесных чуд!* [Батюшков 1987: 148]

Выражение «**жизнь — не жизнь**» не несёт слабое противопоставление [Новиков 1973: 17], скорее означает, что без смерти жизнь не имела бы ценности: всё казалось бы медом, если бы не было полыни. Мед и полынь, как самые сладкий и горький продукты, в словарях антонимов выступают как противоположности, выполняя функцию замещения.

*Со всей Европой эту встречу
Мог русский выдержать один!*

И он не отстоял отчизны,

Но поле битвы отстоял [Глинка 1957: 58]

В противопоставлении «*отстоял — не отстоял*» маркером усиления экспрессивности выступает противительный союз «но», который закрепляет антонимы в сравнении: «не отстоял отчизны, но поле битвы отстоял».

Р. Мартен в книге «*Инференция, антонимия и парафраза*» исследовал синтаксические антонимы предложения, антонимичность которых обусловлена изменением залоговой формы предикативного ядра при сохранении неизменного расположения актантов. В частности, рассматриваются пары предложений, в которых активная и пассивная конструкции выступают как взаимно антонимичные, несмотря на идентичность семантических ролей субъектов и объектов.

Не вечный для времен, я вечен для себя:

Не одному ль воображенью

Гроза их что-то говорит?

Мгновенье мне принадлежит,

Как я принадлежу мгновенью! [Баратынский 1987: 87]

Повторение однокоренных слов и взаимоциклический процесс называется конверсией — явлением, при котором предметы меняются свойствами. Это помогает создать тонкие смысловые связи и углубить образ персонажа или описываемого объекта. Такой приём позволяет автору формировать богатую семантическую сеть вокруг определённых концепций, способствуя более живому и выразительному языковому оформлению.

Из рассмотренных выше примеров можно сделать вывод, что синтаксическая антонимия включает конструкции, взаимосвязанные и имеющие одинаковый лексический состав, но отличающиеся по грамматическому значению (синтаксический параллелизм). Кроме того, она проявляется в повторении одного из элементов, вызванном присутствием отрицания в одной из парных частей, а также в изменении семантических функций парных элементов, что формально выражается в их перестановке.

2.7. Социоантонимы в русской поэзии XIX века

Современный этап исследований в области социоантонимии показывает, что практически не существует работ, кроме трудов Н. Б. Боева-Омелечко: *«О понятии социолингвистической антонимии»* (2012) и *«Бинарная оппозитивность социолингвистической картины мира (на материале современного английского языка)»* (2017), в которых рассматриваются политические термины-антонимы.

Под социоантонимами мы будем понимать противоположности, встречающиеся в социуме. Социум — это группа лиц, объединённых общими морально-этическими нормами, общность людей группового типа. К групповым общностям относятся, например, семьи, родовые и семейно-родственные, социально-классовые, национально-этнические, территориально-поселенческие общности.

Поскольку социоантонимы не отражены в словарях, данные слова-противоположности рассматриваются как контекстуальные антонимы, которые в обычном употреблении не выражают противоположных значений.

Многие учёные исследовали проблему контекстуальных антонимов. В частности, В. Г. Костомаров отмечал, что контекстуальные антонимы — это слова, которые не являются антонимами, когда стоят отдельно, однако приобретают антонимические признаки в конкретном словесном ряду [Костомаров, Максимов 2003: 52]. Л. А. Новиков определял контекстуальные антонимы как «контекстуально-образные» или «приблизительные, квазиантонимы» [Новиков 1973: 75]. Д. Н. Шмелёв называл их «контекстно противопоставляемыми словами» [Шмелёв 1964: 24]. В работе Н. М. Шанского подчёркивается, что контекстуальные антонимы — это пары слов, которые не являются антонимами в рамках языковой системы, но при определённых условиях начинают взаимодействовать друг с другом по смысловому принципу, аналогичному антонимическим связям [Шанский 1973: 86].

Как видно из вышеприведённых высказываний, все учёные единогласно не признавали контекстуальные антонимы вне контекста, хотя не отрицали

смысловых отношений в тексте. Мы же в данной работе, опираясь на семантико-синтаксические признаки, постараемся раскрыть примеры антогонизма в социуме, встречающиеся в русской поэзии XIX века.

Рассмотрим примеры социоантонимов в поэзии:

Девиз мой: интерес существенный во всем!

И как их различать? Хороших нет эстетик,

*А **практик** я плохой – я больше **теоретик*** [Некрасов 1965: 114].

По роду деятельности квазиантонимами в данном контексте выступают слова **практик** (тот, кто приобрёл специальные знания и опыт путём практической деятельности) и **теоретик** (человек, занимающийся теоретическими вопросами в какой-либо области знания). Наличие противительного союза **а** и тире лишь усиливает контрастные признаки этих слов.

Не спорю, батюшка, полезно всё в науке,

И ваша кочерга с достоинством займет

В ученом сборнике достойные страницы...

*Но если **дилетант-читатель** предпочтет*

***Ученой кочерге** пустые небылицы,*

Ужели он неправ? [Некрасов 1965: 118]

Следующий социоантоним — «**дилетант-читатель**» (человек, занимающийся какой-либо деятельностью без должных знаний и профессиональной подготовки) — противопоставлен «**ученой кочерге**», в которой скрывается метафора, обозначающая малограмотного человека. В высказывании «**дилетант-читатель предпочтёт ученой кочерге пустые небылицы**» мы узнаём почерк Н. А. Некрасова.

Когда я в хижине моей

Согрет под стеганым халатом

*Не только **графов и князей** –*

***Султана** не признаю братом!* [Дельвиг 1986: 126]

Высшие сословия (в данном контексте) — графы, князья и султан, демонстрирующие высшую социальную иерархию знатности, —

противопоставлены хижине. Наш герой не признаёт авторитетов, находясь на своей территории — в хижине (небольшом, небогатом доме), что придаёт контексту дополнительную экспрессивность. Здесь можно говорить о скрытых приёмах, таких как метонимия, где под «*хижиной*» подразумевается небогатый человек, а под *титулами* — богатый. Поэтому данные противопоставления можно рассматривать как квазиантонимы. Скрытые антонимы выявляются во взаимодополняющих отношениях синтаксических конструкций.

В ходе исследования социоантонимов нами было выявлено, что наличие противительных союзов и тире лишь усиливает контрастные признаки. Под социоантонимами скрывается глубокий смысл, выражаемый через метафору и метонимию, что расширяет предметную область исследований, связанных с анализом антонимических рядов и их функциональных свойств. Это отражает как научные, так и практические потребности, способствуя более глубокой интерпретации языка и его структуры.

2.8. Функциональность энантиосемии в речи

Ещё одна разновидность антонимии — энантиосемия — является относительно редкой и малопродуктивной формой антонимии в поэтической речи. Энантиосемия (др.-греч. *en* — внутри, *antios* — противоположный, *sema* — знак), или внутрисловная антонимия — это способность слова (или морфемы) выражать антонимические значения. Этот термин означает, что одно и то же слово может передавать противоположные идеи или концепции.

Исследование энантиосемии сталкивается с проблемой, заключающейся в том, что это явление известно научному сообществу уже давно (термин «энантиосемия» был введён В. Шерцлем в 1883 году), однако до сих пор не существует единого мнения. Некоторые учёные рассматривают энантиосемию как внутрисловную антонимию, где различия в синтаксическом или лексическом сочетании слова в его противоположных значениях служат формальным выражением (Л. А. Новиков, Р. А. Будагов, А. К. Ганькин, К. И. Гельбл, ...

Т. Г. Пономаренко, О. М. Соколов, Е. П. Ходакова). Другие же трактуют энантиосемию как вид омонимии (Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, Е. В. Терентьева) или особое явление полисемии (Ф. С. Бацевич, Л. Е. Бессонова, Т. А. Космеда, Н. К. Салихова, О. И. Смирнова).

Последние исследования указывают на то, что энантиосемия является явлением, находящимся на границе между полисемией и антонимией, поскольку языковые единицы с энантиосемичным характером обладают общим выражением, двумя содержательными планами и антонимическими отношениями между ними [Кравцова 2006: 15]. Л. Р. Махмутова в диссертации «Основные типы энантиосемии в современном русском языке» рассматривала энантиосемию как отдельное семантическое отношение языковых единиц [Махмутова 2009: 16]. Мы же, следуя Л. А. Новикову, рассматриваем энантиосемию как разновидность внутрисловной антонимии.

И. Н. Горелова описывает энантиосемию как уникальный пример сложного взаимодействия между системами противоположностей, многозначности и омонимии, представляющий собой перекрёсток этих языковых явлений.

Энантиосемия более характерна для разговорно-бытовой речи, поскольку обладает ярко выраженным экспрессивным значением. Семантический перенос, связанный с изменением эмоционального оттенка одного и того же слова, порождает множество возможностей для употребления каламбуров, шуток, анекдотов и парадоксальных высказываний. Эти особенности энантиолексем открывают широкие горизонты для создания комического эффекта в речи.

Различают лексическую и окказиональную энантиосемию. Так например, к лексическим относится слово *бесценный*, которое можно рассматривать и как дорогой, и как дешевый в выражении *бесценный подарок*; *вывести* как начало и конец действия, например, *вывести деньги с платформы* и *вывести новый сорт винограда*; *завязать* — начать (*завязать отношения*) и завершить, закончить; *залечить* можно рассматривать и как вылечить и как убить: *залечить рану* и *залечить до смерти*; *одолжить долг* можно рассматривать как взять и дать в долг; *прослушать* — в значении внимательно выслушать от начала до конца

(*прослушал лекцию*) и в значении пропустить, не услышать (*прослушать беседу*); *просмотреть* — внимательно разглядывать, ознакомиться (*просмотреть книгу*) и не заметить что-либо из-за невнимательности (*просмотреть ошибку*); *славить* (*прост.*) — воздавать хвалу кому-нибудь, чему-нибудь (*славить геройские подвиги*) и распространять дурные слухи о ком-нибудь, чем-нибудь (*ославить кого-то*). Таких слов в русском языке небольшое количество, около 400 единиц.

Разговорный стиль — просторечие, сленг, термины, жаргоны и диалекты — создаёт благоприятную среду для развития энантиосемии. Речевая коммуникация, свободная от строгих норм и правил, характерных для письменной речи, стимулирует эволюцию слов, позволяя им приобретать противоположные значения. В то время как в других стилях и видах речи жёсткие языковые нормы могут препятствовать подобным изменениям.

Возникновение энантиосемии в разговорной речи связано с изменением эмоциональной окраски слова, его использованием в ироническом ключе с противоположным значением, а также с наличием нескольких значений в составе морфем, что порождает случайные энантиолексемы. Одной из форм окказиональной энантиосемии является антифразис, который в риторике часто рассматривается как стилистический приём антитезы.

И. В. Пекарская отмечает, что термины «антифразис» и «астеизм» не должны включаться в определение энантиосемии, поскольку последняя относится к категории языковых образов, тогда как первые два явления связаны с речевыми построениями. При энантиосемии два различных значения сосуществуют в одном и том же выражении, тогда как при антифразисе и астеизме слово получает значение, противоположное своему обычному употреблению в речи [Пекарская 2003: 305].

О. Н. Егорченко предлагает объединить эти фигуры под общим термином «семантический конденсатор», который отражает их как разновидности языковых конструкций, представляющих собой конструкции «два в одном» и «одно вместо другого» [Егорченко 2006: 14].

Таким образом, энантиосемичные преобразования могут затрагивать практически любые слова в тексте, которые вне контекста не имеют противоположного значения, но приобретают его в определённой ситуации за счёт переносного употребления, например:

Неподкупен - как Иуда,

Храбр и честен – как Фальстаф [Некрасов 1965: 55].

Всем известен библейский персонаж Иуда, который за 30 сребреников предал Христа, а также герой В. Шекспира Фальстаф, отличающийся своей робостью и хвастовством. Зная характерные черты этих героев, мы понимаем, сколько сарказма и иронии вложено в строки, где Иуде и Фальстафу приписываются противоположные, несвойственные им качества. Такое употребление слов создает эффект контраста и служит примером энантиосемии в художественной речи.

Изучение энантиосемии показывает, что этот феномен обладает многогранностью и непрерывно эволюционирует, привлекая внимание специалистов в области языкознания. Исследования выявляют, что источниками данного явления могут выступать как внутренние языковые процессы, так и внешние социально-психологические факторы. Развитие лексической энантиосемии обусловлено человеческой склонностью к дуалистичному мышлению: способности анализировать целое, расчленять его на противоположности и выявлять связи между ними, а также неоднозначностью отдельных морфем. Объединение характеристик полисемии, омонимии, антонимии и конверсии подтверждает, что энантиосемия является ярким примером категории контрастности. Особенности лексической энантиосемии, её генезис и функционирование, а также системность и закономерность явления позволяют рассматривать её как универсальное свойство языка.

Энантиосемия характерна прежде всего для разговорной речи, нежели для поэтической, поэтому в русской поэзии XIX века она встречается относительно редко и, как правило, проявляется лишь в виде окказиональной энантиосемии. Семантический перенос, связанный с изменением эмоционального оттенка одного

и того же слова, создаёт множество возможностей для использования каламбуров, шуток, анекдотов и парадоксальных высказываний. Такие особенности энантиолексем расширяют горизонты создания комического эффекта в речи. В русском языке лексическая энантиосемия преимущественно представлена прилагательными и глагольными формами.

Выводы по 2 главе

Обобщая вышеприведённые мнения, следует подчеркнуть, что антонимы основываются на принципе противоположности и имеют глубокие корни в философии и логике. Понимание антонимов выходит за рамки простого определения как слов с противоположным значением и включает анализ морфологических и словообразовательных аспектов. Словообразующие аффиксы играют ключевую роль в формировании антонимов, позволяя создавать новые слова и оттенки значений. Знание процессов словообразования значительно обогащает язык и помогает изучающим русский язык как иностранный глубже понимать его структуру и богатство. Осознание механизмов образования антонимов способствует не только расширению словарного запаса, но и улучшению речевой коммуникации. Таким образом, исследование антонимии — как лексической, так и грамматической — является важным аспектом для глубокого понимания антитезы и её стилистических особенностей.

Функционально-семантический анализ русской поэзии XIX века позволил сделать ряд важных выводов. Прежде всего, контекст противопоставления выступает ключевым элементом при изучении использования антонимов в языке. Именно контекст помогает выявить разнообразие языковых конструкций, где антонимы встречаются регулярно и могут относиться к разным частям речи. Антонимы поддаются классификации по различным принципам — логическим, семантическим, грамматическим и структурным, — каждая из которых способствует более глубокому пониманию природы антонимов и их функциональной роли в языке.

Однокоренные антонимы не чужды русской поэзии XIX века и встречаются здесь даже чаще, чем лексические антонимы. Считать их слабыми или неполноценными было бы ошибкой, поскольку некоторые слова без антонимичных приставок не способны образовать противопоставления (например, *бить* – *не бить*, *давать* – *не давать*, *бежать* – *убежать*). В русской поэзии XIX века преимущественно представлены однокоренные глаголы, обозначающие разнонаправленность, градуальность, а также положительные или отрицательные действия и поступки.

Антонимы, принадлежащие разным частям речи, противопоставлены друг другу благодаря наличию в их значениях противоположных семантических компонентов. Для анализа их сходства и различий используются категории лексического и грамматического значения, присущие каждой части речи. Учитывая эти категории, можно лучше понять природу и разнообразие антонимических связей между словами разных классов.

Антонимию между словом и словосочетанием можно рассматривать как авторские контекстуальные антонимы. Большинство приведённых нетипичных оппозиций относятся к общепоэтическим приемам, намеренно используемым авторами для создания экспрессивности речи и яркого контраста. Окказионализмы нельзя считать антонимами, поскольку вне контекста они не способны образовывать противоположности. Благодаря наличию в тексте элементов противопоставления — порядка слов, союзов, пунктуации, интонации — квазиантонимы в контексте могут рассматриваться как антитеза.

В исследовании социоантонимов нами было выявлено, что противительные союзы и тире лишь усиливают контрастные признаки. Под социоантонимами скрывается глубокий смысл, выраженный через метафору и метонимию, что расширяет предметную область исследований, направленных на изучение определённых антонимических рядов и их функциональных характеристик.

Энантисемиа редко встречается в поэзии, поскольку, во-первых, сложно выразить мысль в ограничениях стихотворного размера и рифмовки, а во-вторых, стилистически она зачастую не соответствует поэтической речи. Семантический

перенос, связанный с изменением эмоционального оттенка одного и того же слова, порождает множество возможностей для употребления каламбуров, шуток, анекдотов и парадоксальных высказываний. Эти особенности энантиолексем открывают широкие горизонты для создания комического и иронического эффекта в речи. В русском языке лексическая энантиосемия представлена преимущественно прилагательными и глаголами. В русской поэзии XIX века фиксируется преимущественно окказиональная энантиосемия.

ГЛАВА 3. СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЙ И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТИТЕЗЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

3.1. Антитеза в русской поэзии XIX века

Использование фигур и стилистических приемов придает поэзии яркость и глубину, позволяя авторам передавать сложные эмоции и идеи. Основоположником современных концепций экспрессивности считается Шарль Балли, который считал, что основной функцией экспрессивности является воздействие на слушателя и вызов у читателя определённого эмоционального отклика. Экспрессивность — важный аспект языка, позволяющий выразить эмоциональную окраску и оценку происходящего [Москвин 2006: 351]. Экспрессивные средства языка, такие как метафоры, гиперболы, эпитеты и интонация, усиливают впечатление от сообщения и создают более яркий и запоминающийся образ в сознании слушателя или читателя.

Наше исследование касается двух ключевых подходов к изучению экспрессивности в языкознании: функционально-стилистического и лексико-семантического. Лексико-семантический аспект, с акцентом на компонентный анализ и коннотации, представляется более актуальным, так как изучает социально-психологические оценки слов. Анализ антитезы включает оба подхода, что позволяет глубже понять выразительность и стилистическое значение языковых единиц.

Оценочные и экспрессивные значения некоторых лексических единиц либо возникают, либо выражаются ярче благодаря изобразительно-выразительной фигуре речи — антитезе. Антитеза — мощный инструмент языка, который позволяет подчеркнуть контраст между двумя идеями или образами. Она акцентирует внимание на различиях, создавая более яркие и запоминающиеся образы, что и составляет её функциональную ценность. Использование антитезы

широко распространено в литературе, поэзии, ораторском искусстве и даже в повседневной речи.

Интерес к исследованию антитезы и контраста в поэзии XIX века обусловлен не только эстетическими, но и когнитивными аспектами восприятия текста. Антитеза, как фигура речи, позволяет авторам создавать многослойные образы и углублять смысловую структуру произведений. Использование противоположных понятий усиливает эмоциональное воздействие на читателя, подчёркивая внутренние конфликты и дихотомии, присущие человеческому опыту. Контраст широко применяется в поэзии русских поэтов XIX века, помогая выделить различия между явлениями, характерами и чувствами, что придаёт произведению особую выразительность и глубину.

А. С. Пушкин, например, мастерски использует антитезу для передачи дуализма чувств и мыслей, создавая динамичные и многогранные образы. У М. Ю. Лермонтова контраст часто служит средством выражения экзистенциальных кризисов и внутренней борьбы героев, позволяя читателю глубже понять их психоэмоциональное состояние. Социальные и философские противоречия эпохи находят отражение в контрастах, встречающихся в произведениях А.Н. Радищева, Е.А. Баратынского и Н.А. Некрасова.

А. Н. Гвоздев в работе *«Очерки по стилистике русского языка»* отмечает, что антитеза является эффективным инструментом описания персонажей, объектов и событий через их параллельное рассмотрение с противоположными элементами. Эстетическая ценность этой фигуры заключается в усилении смыслового воздействия обеими её сторонами, что придаёт мысли дополнительную силу [Гвоздев 2018: 77]. Благодаря контрасту читатель или слушатель становится более восприимчив к основной идее, поскольку противопоставление способствует выделению ключевых моментов и эмоций.

В поэзии антитеза основана на чётком противопоставлении единиц, которые можно рассматривать как антонимы, а чаще — как квазиантонимы (окказионализмы). Антитеза может быть представлена как в простой форме (с

одним компонентом), так и в сложной (с несколькими компонентами) [Егорченко 2006: 8].

В литературе антитеза используется для достижения широкого круга художественных целей: она служит инструментом подчёркивания контрастных черт внешности персонажей, их эмоционального состояния, противоположных черт характера, мировоззрения, а также для усиления драматического или философского звучания текста.

Исследователи, занимающиеся изучением антитезы, отмечают, что она чаще всего реализуется в рамках структурированных синтагматических противопоставлений, формируя разнообразные контрастные отношения на уровне текста. Одним из характерных структурных вариантов оппозиции является использование сочинительного союза *и*, который может выражать как соединение, так и контраст в контексте. Например:

Живот и смерть в руке имея:

«По воле, – рекл, – щажу злодея [Радищев 1992: 173];

Не жизни жаль с томительным дыханьем,

Что жизнь и смерть? А жаль того огня,

Что просиял над целым мирозданьем,

И в ночь идёт, и плачет, уходя [Фет 1956: 52].

В приведённых предложениях слова **«жизнь»** (происходящее от древнерусского «живот», означающего «жизнь») и **«смерть»** выступают как антитеза. Слово **«жизнь»** является многозначным, однако в данном контексте понимается как физиологическое существование человека или животного, тогда как **«смерть»** — это прекращение жизни. Антонимы, использованные в этих выражениях, относятся к одному типу абстрактных существительных, обозначающих контрадикторную противоположность, но в синтаксических связях проявляют различия. В первом примере (А. Н. Радищев) союз «и» выполняет функцию соединения, объединения противоположностей, тогда как во втором примере (А. А. Фет) он выражает отношение приравнивания: для поэта нет

разницы между жизнью и смертью, что отражает безразличие и охлаждение к жизни. Экспрессивность достигается за счёт использования антонимов, которые в тексте выполняют функцию вопросительного значения.

И я, в глуши сосед случайный

*И твой случайный **враг и друг*** [Надсон 1962: 211].

Когда моей ланитой внемлю

Пыланию твоих ланит,

*Мне радость **небеса и землю***

И золотит, и серебрит; [Бестужев 1958: 162]

Зачем ты призван в мир?

К чему твои страданья,

***Любовь и ненависть**, сомненья и мечты*

В безгрешно-правильной машине мирозданья

И в подавляющей огромности толпы? [Надсон 1962: 118]

Другие синтагматические оппозиции представлены в следующих примерах: «**враг и друг**», «**небеса и земля**», «**любовь и ненависть**». Эти слова выступают как противоположные, но здесь ситуация иная: они обозначают два одновременно происходящих процесса, события, явления или отношения, выражая перечисление.

***Я** в свет изшел и **ты** со мною;*

На мышцах нет моих заклеп;

Свободною могу рукою

Прияти данный в пищу хлеб [Радищев 1992: 174].

«**Я**» и «**ты**» в словарях антонимов не приведены как антонимы, поскольку их отношения носят чисто семасиологический характер и основаны на противопоставлении понятий. Местоимение «я» противопоставлено местоимению «ты» и связано с ним отношением совмещения.

Использование антитезы в тексте обладает богатой и многообразной функциональной спецификой. Она выполняет важные задачи: способствует психологическому осмыслению объективной и субъективной реальности, а также играет характерологическую роль в различных вариантах художественного выражения. Контраст, являющийся одним из ключевых элементов семантико-стилистической структуры поэтического текста, проявляется через множество противопоставлений и служит объектом глубокого анализа.

В лирическом произведении можно выделить два основных вида контраста: лексико-семантический, основанный на противопоставлении лексических и фразеологических единиц, а также грамматических структур; и стилистический контраст, объединяющий различные стилистические элементы в одном контексте. В лирическом тексте ключевую роль играют контрастная семантика и смысловые противопоставления, отражающие авторское понимание жизни и его языковое видение мира. Лексико-семантический контраст в поэзии проявляется в разнообразных формах и не ограничивается традиционными приемами, такими как антитеза и оксюморон. В рамках нашего исследования было изучено 15 разновидностей антитезы (не включая собственно антитезу) — стилистических фигур, построенных на принципе противопоставления. В следующих параграфах будут рассмотрены приемы, основанные на противопоставлении смысловых отношений и контрасте. Приемы представлены в алфавитном порядке.

3.2. Акроте́за как проявление отрицания в антитезе

Акроте́за представляет собой конструкцию, в которой одно свойство акцентируется за счёт исключения другого, создавая противопоставление. Существуют два типа структуры акроте́зы: 1) А, но не Б и 2) Не Б, а А [Введенская 1971: 153]. В лингвистике нет единого мнения о синтаксической природе акроте́зы: одни рассматривают её как простые предложения, другие — как сложные или «слитные». Противительные союзы («а», «но», «да» и др.) играют ключевую роль, подчёркивая противопоставления. Все такие конструкции

должны быть двухчастными и могут классифицироваться на сопоставительные и противоположные предложения в зависимости от грамматических особенностей и значений.

Рассмотрим пример акротезы, типичный для поэзии XIX века, приведённый Н. А. Некрасовым:

Что подлец, кто без копейки,

А не тот, кто без души [Некрасов 1985: 32]

Относительное местоимение «*кто*» в данном примере сопоставляется с указательным «*тот*». Это сопоставление относится к одной категории, в которой выражается предпочтение: человек без денег оценивается как более благоприятный, чем бездушный ростовщик. Выбор предпочтительного персонажа, здесь — ростовщика, осуществляется путём отрицания предыдущего персонажа. Обычно в таких конструкциях логическое напряжение акцентируется на втором элементе, придавая ему большее значение.

Сравнительные конструкции с союзами «а» и «же» осуществляют сопоставление явлений, которые, несмотря на различия, сосуществуют параллельно и не исключают друг друга, например:

И встречному теперь я бросить рад скорее

Не дерзкий зов на бой, а ласковый привет [Надсон 1962: 56].

Данный отрывок иллюстрирует ироничное сочетание смелого приглашения и утончённого приветствия, что достигается при помощи союза «а». В паре безморфемной антитезы [Корнилова 2011: 243] слово «*дерзкий*», которое может означать грубость, неуважение, вызывающее поведение или бесстыдство, не имеет прямой противоположности в виде слова «*ласковый*», обозначающего мягкость, приятность и ласковость. Тем не менее, оба эти прилагательных обладают дополнительным метафорическим значением, что даёт возможность их противопоставлять. Отрицание в данном контексте служит не для исключения одного из значений, а для его уточнения и расширения возможностей выбора.

Окказиональные антонимы (антитеза) в поэзии XIX века создают выразительные контрасты, усиливающие эмоциональную нагрузку текста.

Противительные союзы, такие как «но», «а», «однако», способствуют выявлению этих антонимов, подчёркивая их оппозиционные отношения и создавая динамику в произведении. Это позволяет поэтам ярче выражать мысли и чувства, формируя многослойные образы и смысловые параллели:

Какой внезапною тревогой

Звучат все эти голоса!

Не пес, а бес четвероногой [Тютчев 1986: 261].

В этой строфе Пес выступает в роли антагониста Беса, что подчёркнуто использованием конъюнкционного союза. Это сопоставление обусловлено не только внешней схожестью Беса с собакой (согласно древним легендам, бес — злой дух, обладающий четырьмя лапами, хвостом и рогами), но и противоположными качествами обоих персонажей: собака — верный спутник человека, в то время как бес — изменник, отвлекающий людей от правильного пути. Эти различия в качествах и образуют основу для их сопоставления. В ходе глубокого анализа акротезы мы неоднократно сталкивались с подобными нестандартными сопоставлениями, характерными для поэтического творчества.

Это не бес, искустель людской,

Это, увь! – современный герой! [Некрасов 1965: 220]

В данном примере отсутствует союз, который обычно соединяет две части предложения. Подсознательно мы вставляем этот союз, чтобы связать или противопоставить два высказывания. Злому духу приписываются положительные человеческие качества — *храбрость, доблесть и самоотверженность*, что выражает ироничное отношение к времени и людям. В таких предложениях часто используются слова с противоположным значением в предикативных частях. Отсутствие союза «а» позволяет смягчить категоричность утверждения. При этом однородные члены предложения обычно ближе по смыслу друг к другу, чем в иных случаях.

Мы им владели неохотно,

Грозили редко и скорей

Не арестантский, а почетный

Держали караул при ней [Тютчев 1986: 271].

«*Не арестантский, а почетный*» отражает дихотомию в отношениях через формулу «*не Б, а А*». Писатель использует конструкцию с отрицанием и позитивным утверждением, которая усиливает контраст и делает противопоставление более наглядным. Слово «*арестантский*» связано с заключёнными или местом их временного пребывания, тогда как «*почётный*» подразумевает человека, пользующегося уважением и заслуженным признанием. В этих сочетаниях прилагательные вызывают разные ассоциации, однако формула «*не Б, а А*» создаёт чёткую контекстуальную разницу.

Анализ лирических произведений XIX века показал, что наиболее часто встречающейся формой акротезы является структура «*Не А, а Б*». Эта конструкция служит для точного определения и несёт не только эстетическую, но и значимую семантическую нагрузку. В случае конструкции «*А, а не Б*» второй элемент не всегда обязателен — его роль, как отмечает Л. А. Введенская, заключается в выделении и подчёркивании конкретного признака. Выбор между этими двумя вариантами зависит от контекстуального приоритета: что важнее — утверждение или отрицание? Если доминирует первое, то утверждение приобретает большую значимость по сравнению с отрицанием. В таком случае важен сам факт наличия признака, тогда как отрицание выступает как дополнительный элемент, усиливающий основное утверждение.

Концепция акротезы связана с избыточностью речи и предполагает, что отрицание одной модели ведёт к актуализации другой, создавая многогранность представления материала. Это проявляется через амплификацию — когда одно и то же утверждение подается под разными углами, что позволяет глубже осмыслить информацию. Акротеза создаёт эффект диалогичности, давая автору возможность вести разговор с воображаемым оппонентом. Такой приём помогает подчеркнуть контраст между разными взглядами и мнениями, делая высказывание более выразительным и интерактивным. Таким образом, акротеза не только отрицает одну позицию, но и утверждает другую, формируя динамику обсуждения.

3.3. Аллойозис как прием сопоставления по контрасту

Аллойозис — это особая форма антитезы, характеризующаяся противопоставлением объектов или понятий по одному или нескольким признакам. Этот приём представляет собой детальное сопоставление противоположных характеристик, что позволяет глубже раскрыть контраст и подчеркнуть различия между объектами. Благодаря этому усиливается смысловая насыщенность высказывания и ярче проявляется контраст. Аллойозис может сопровождаться союзами и интонацией, что способствует созданию выразительности в сложных синтаксических конструкциях. Этот приём позволяет установить сложные ассоциативные и смысловые связи, обогащая содержание предложения.

В аллойозисе сравнение играет ключевую роль, выступая основой для познания и анализа различных явлений. Оно позволяет устанавливать связи между объектами, что имеет важное значение для гносеологии, логики и лингвистики. Изучение сравнительных отношений в предложении предполагает комплексный анализ синтаксиса, семантики и словообразования. Каждый поэтический пример демонстрирует уникальные способы выражения сравнений, подчеркивая индивидуальность стиля автора и особенности его выразительных средств. Это способствует более глубокому пониманию того, как язык используется для передачи сложных смыслов и эмоций. Например:

Опостылит земля – и леса, и поля,

Прежде милые, после нам уж не милы [Вяземский 1982: 37].

Аллойозис строится на противопоставлении антонимов, что позволяет выделить различия между концепциями. В примере с наречиями времени — «*прежде*» и «*позже*» — мы видим, как временные периоды до и после определенного события выстраиваются в контрастном сопоставлении. Дополнительное использование пар антонимов — «*милые*» и «*не милые*» — лишь усиливает эту дихотомию. Такой приём и есть сущность аллойозиса.

Чтобы показать разницу между аллюйозисом и сравнением, рассмотрим пример из басни И. А. Крылова «Лев и человек»: *«Быть сильным хорошо, быть умным ещё лучше вдвое»*. Здесь акцент делается на положительных качествах и их относительной значимости. В отличие от аллюйозиса, где используются противоположные слова, сравнение в данном случае подчёркивает сходство, а не разницу, например:

К глупым полон благодати,

К умным беспощадно строг [Вяземский 1982: 84].

Между антонимами *«глупый – умный»* существуют отношения сопоставления. Такое противопоставление подчёркивает абсурдность социальных норм и несправедливость в обществе. Отрицательное качество *«глупость»* в данном контексте может восприниматься с некоторой долей благожелательности, что создаёт парадокс и усиливает критику существующих стандартов. Это ставит под сомнение объективность оценки человеческих качеств и их последствий. Аллюйозис в этом тексте служит выражением обиды и несправедливости жизни, где предпочтение отдается зачастую весьма отрицательным личностям. Грамотное использование антонимов способствует многогранному раскрытию персонажей, передаче авторской оценки, повышению выразительности и привлечению внимания читателя.

С тобой размеры изучая,

Я думал, каждому из нас

Судьба назначена иная:

Ты ярко блестяешь, я угас [Апухтин 1991: 86].

Пары противоположных слов способны выражать как различия, так и аналогии. В приведённом примере, где *«ты сияешь»* противопоставляется *«я тускнею»*, мы наблюдаем контрастные состояния: первое слово подчёркивает яркость и активность, тогда как второе — угасание и бездействие. Такие лексические пары способствуют более глубокому пониманию значений слов и их функциональной роли в языке.

Рассмотрим примеры из произведений Н. А. Некрасова, в которых ярко проявляются контрастные образы, отражающие различные социальные слои и эмоциональные состояния, например:

Столица наша чудная

Богата через край.

Житье в ней нищим трудное,

Миллионерам – рай [Некрасов 1965: 10].

Структурно-семантический подход к анализу русской поэзии XIX века выявляет антитезу, отражающую социальное неравенство, на примере пары «миллионер» — «нищий». Эта оппозиция акцентирует контраст между социальными статусами, подчёркивая влияние материального положения на судьбу человека и общественные взаимоотношения. Пара «миллионер» и «нищий» представляет собой крайние социальные положения, что усиливает противопоставление и позволяет глубже понять социокультурный контекст эпохи. Эти слова создают бинарную оппозицию, выражая разрыв между богатством и бедностью. Дополнительными антонимами, поддерживающими обобщённую структуру контраста, выступают «трудное» и «рай». Первое символизирует страдания, лишения и трудности, тогда как второе ассоциируется с комфортом, счастьем и благословением. Таким образом, эта система контрастов отражает широкий спектр человеческого опыта, подчёркивая последствия социального неравенства и его влияние на жизнь людей.

Растрига, самозванец сей –

Уже не воин, а писатель [Вяземский 1982: 120].

В данном случае образное сравнение с противительным союзом «а» создаёт контекстуальные антонимы. Хотя сами слова не являются антонимами в традиционном понимании, их противопоставление в конкретном контексте выявляет контрастные значения, усиливая выразительность и многозначность поэтического текста. Это позволяет глубже осмыслить социальные и эмоциональные противоречия, заложенные в произведении. Противопоставление профессий — «воин» и «писатель» — подчёркивается использованием

противительного союза «а», который акцентирует различие между активной физической деятельностью воина и умственным трудом писателя. Такая бинарная оппозиция позволяет рассматривать их как две противоположные стороны одного социального контекста, что углубляет анализ различных видов человеческой деятельности и их значения в обществе.

Два стана давно уж стоят пред тобой;

О помощи молят тебя их уста,

Один за Аллаха, другой за Христа; [Апухтин 1991: 56]

Бессоюзные конструкции могут передавать бинарную семантику, используя противопоставление для выделения контраста между частями. Отсутствие соединительных слов в таких конструкциях позволяет усилить противоположные идеи, объединяя их через смысловое соотнесение. Противопоставление проявляется и в числительных, особенно если они произносятся с перечислительной интонацией и служат для обозначения противоположных понятий, например — ислама и христианства.

В приведённом примере два субъекта — «один за Аллаха» и «другой за Христа» — представляют собой две различные религиозные традиции, каждая из которых обладает уникальными представлениями о божественном. Использование числительных в данном контексте формирует чёткое противопоставление, где Аллах и Христос символизируют разные теологические и культурные мировоззрения, а также связанные с ними нравственные принципы и социальные структуры [ЭФиС 2006].

Таким образом, создаётся бинарная оппозиция, которая служит основой для осмысления и анализа различий между двумя религиями, их исторического контекста и влияния на общества, в которых они распространены. Антитеза здесь выступает эффективным инструментом демонстрации противоречий и различий в мировоззрениях, а числительные, употребленные с перечислительной интонацией, усиливают это противопоставление, подчёркивая значимость каждой из представленных сторон.

Что лучше десять оправдать виновных,

*Чем одного **невинного** казнить* [Апухтин 1991: 202].

Пары противоположных понятий — «*оправдать* — *казнить*» и «*винный* — *невинный*» — не только противостоят друг другу, но и могут быть дополнены сравнительным союзом «*чем*» и сравнительным наречием «*лучше*». Это создаёт более сложные отношения, позволяя углубить анализ контрастов между двумя состояниями или аспектами, подчёркивая различия в моральной и правовой оценке поведения и ситуаций.

Нежно мать цветами

Украшала, холя,

Нашу колыбель? Все, что сердцу мило,

Чем оно страдало,

*Чем **живет и жило**,*

Здесь вся жизнь его. Струны есть живые [Вяземский 1982: 101].

Видо-временные формы глаголов позволяют выделить различия в действиях или состояниях субъектов с учётом времени и аспекта, что актуализирует не только хронологические, но и смысловые оттенки. Временные отношения в сравнительных конструкциях могут отражать различные аспекты: одновременность, предшествование или следование действиям, упомянутым в основной предикации, способствуя созданию более сложных и многослойных нарративов, которые могут выражать цикличность, повторяемость или противопоставление событий, происходящих в разных временных рамках. В приведённом примере — «*живет и жило*» — противопоставление настоящего и прошедшего времени глаголов служит эффективным приёмом для передачи концепции цикличности действий. Использование времен глаголов в сравнительных конструкциях помогает не только подчеркнуть различия между настоящим и прошлым, но и показать, как определённые действия и состояния повторяются или трансформируются со временем.

Та же все любовь. В рубище убогом

Мать — любви сыновней

Пред людьми и богом

*Та же друг и мать.
 Чем она **убоже**,
 Тем для сердца сына
 Быть должна **дороже**,
 Быть должна святей* [Вяземский 1982: 290].

Для выявления сравнительных отношений в предложении используются формальные признаки, такие как сравнительный союз «чем» в основной части, а также наличие прилагательных с противоположным значением — **«убоже»** (очень бедный, жалкий) и **«дороже»** (стоящий дорого) — в зависимой части, которые указывают на противопоставительные отношения. Совместное использование сравнительных союзов и антонимов в контексте свидетельствует о наличии сопоставительных и противопоставительных связей, проявляющихся в приёме аллойозиса.

Аллойозис формирует контекст, основанный на сопоставлении и противопоставлении, что значительно усиливает выразительность текста. Такой приём не только акцентирует различия и противоположности, но и способствует более глубокому осмыслению обсуждаемых тем, как наглядно демонстрируется в приведённом примере:

*Вне карт не знал, не слышал и не видел
 Он ничего, - но помнил каждый приз...
Прижимистых и робких ненавидел,
 Но к **храбрецам**, готовым на ремиз,
 Исполнен был глубокого почтения* [Некрасов 1965: 10].

Пары антонимов могут быть представлены как отдельными словами, так и словосочетаниями, что расширяет арсенал выразительных средств и способствует более многогранному анализу текста. Так, слова **«прижимистый»** (экономный, сдержанный в расходах) и **«робкий»** (нерешительный, боязливый) противопоставлены **«храбрецу»** (храброму человеку, действующему решительно и без страха). Аналогично противопоставлены их чувства — **«ненависти»** (глубокая неприязнь к кому-либо) и **«уважения»**.

Таким образом, аллойозис — приём, основанный на контрасте и сопоставлении противоположностей. Он акцентирует внимание на различиях и противоречиях между двумя или несколькими элементами, создавая выразительное и эффектное сопоставление. В отличие от тропа сравнения, который подчёркивает общие признаки, аллойозис стремится выделить уникальные качества противопоставляемых объектов или понятий, что делает его более резким и заметным. Чаще всего аллойозис проявляется в сложных предложениях, где противоположные слова или фразы располагаются параллельно, что помогает читателю или слушателю легче воспринимать контраст и сосредоточиться на ключевых идеях. Параллельная структура создаёт ритм и гармонию, делая высказывание более запоминающимся и впечатляющим.

3.4. Аллеотета как прием противопоставления однокоренных слов

Изучение грамматических тропов тесно связано с актуальными задачами повышения эффективности речевого общения и введения в речевую практику ярких, богатых выразительными возможностями форм. Исследуя противопоставления в языке, учёные пришли к выводу, что антонимия представляет собой многогранный феномен, охватывающий не только лексические, но и грамматические элементы языка. В этом контексте выделяются противопоставления на уровне слов, морфем и синтаксических конструкций.

Термин «аллеотета» встречается в литературе как обозначение грамматической противоположности или как особый вид грамматической антитезы. Аллеотета (др.-греч. ἀλλότης — различие, изменение) — фигура речи, основанная на противопоставлении форм слова или его корней, где компоненты этой фигуры — словоформы одного слова, противопоставленные только своими грамматическими значениями [Хагазеров 2006: 56].

Данный термин изучен в работах по «Общей риторике» Т. Г. Хагазерова и Л. С. Шириной, в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской

речи» (автор статьи — А. П. Сковородников), а также в «Риторике» Т. Г. Хагазорова и И. Б. Лобанова.

Например, суффиксы с уменьшительно-пренебрежительным оттенком могут противопоставляться конструкциям без суффикса и относиться к разряду грамматических антитез:

Но в выборе ее и вкус, и мысли тонки:

Такие женихи другим невестам клад,

А ей они на взгляд

Не женихи, а женишонки! [Крылов 1982: 32]

Грамматическая антитеза обладает яркой экспрессивностью, информативностью: при каждом примере антитезы вносится новая информация, путем опровержения первичной [Боева 2001: 174] как в данном примере. В данном контексте выражение **«не женихи, а женишонки»** изображают капризность, высокомерие и требования к избранникам. Противопоставление происходит за счет противительного союза **«а»**, а также уменьшительно-ласкательным суффиксом **«онк»**, что выражает эмоции и оценки девушки к избранникам. В таких противопоставлениях сравниваются две разные формы одного слова, так как суффиксы, выражающие субъективное отношение, определяют форму слова. Следовательно, они не создают новое слово, а просто изменяют грамматическое значение этого слова. Использование разных словоформ, включая суффиксы и корни, позволяют создать выразительные конструкции, которые подчеркивают эмоциональную окраску и субъективное восприятие говорящего.

Частичное повторение корня не только способствует формированию контрастов, но и усиливает акцент на тех характеристиках, которые вызывают эмоциональный отклик. Суффиксы, выражающие субъективное отношение, добавляют дополнительный слой значимости, который может сигнализировать о чувствах говорящего, как восхищение, осуждение или ирония.

Достичь экспрессивности текста можно за счет противопоставления, где форма слова с суффиксом может передавать субъективное восприятие, в то время как базовая форма более нейтральна, например:

*Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит бог, как мы судили [Тютчев 1986: 28].*

Противопоставление может выражаться временными оппозициями, когда настоящее время противопоставляется прошедшему. Употребление глагола несовершенного вида в настоящем времени, например «судит», придаёт повествованию стилистический эффект «оживления», подчеркивая, что действие продолжается и актуально до настоящего момента. Такая форма позволяет говорящему выделить значимость и актуальность описываемых событий для конкретной речевой ситуации. Грамматическая форма настоящего времени изъявительного наклонения противопоставляется форме прошедшего времени изъявительного наклонения. В данном случае наблюдается проявление грамматической метафоры, которая функционирует на периферии временной системы — чаще всего это так называемое «настоящее историческое», посредством которого автор стремится актуализировать события прошлого.

Грамматическая метафора подкрепляется лексическими и контекстуальными средствами, указывающими на время совершения действия, интересующего говорящего, например:

*От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши **расцвести**,
Погрузишься ты в сон не пробудный,
Будешь нянчить, работать и есть [Некрасов 1965: 78].*

Глаголы «**отцветети**» — «**кончить цвести**» и «**расцвести**» — «**начать цвести**» представляют собой антонимы, выражающие начало и конец действия. В данном отрывке автор акцентирует внимание на конце цветения, отсутствуя

начало, что символизирует горечь тяжёлой, «чёрной» работы и создаёт контраст между этапами действия.

Проведённое семантико-структурное исследование показало, что грамматическая антитеза, или аллеотета, в поэзии может выражаться через разные средства: суффиксы, передающие противопоставление, сопровождаемые частичным повтором корня, что характерно для выражения эмоционального отношения говорящего к предмету; темпоральные изменения глаголов, отмечаемые лексическими и контекстуальными показателями, указывающими на время действия, актуальное для говорящего; а также приставки, создающие контраст между действиями.

3.5. Альтернатеза как прием чередования отношений

Альтернатеза — это стилистический приём, основанный на противопоставлении двух антонимов, часто выраженных в последовательных частях высказывания. Этот приём помогает подчеркнуть контраст и значительно усиливает выразительность текста. В таких конструкциях одновременно утверждаются и отрицаются различные идеи. Альтернатеза акцентирует внимание на чередовании и смене действий или событий, создавая динамичный эффект и выделяя ключевые моменты повествования. Благодаря этому приёму текст становится более ритмичным, а эмоциональное напряжение — заметнее.

Часто для выражения альтернатезы используются разделительные союзы, такие как «*то..., то...*» или «*либо... либо...*», которые подчёркивают чередование и контраст между антонимичными элементами. Это не только структурирует высказывание, но и усиливает восприятие противопоставлений, делая их более выразительными.

Рассмотрим несколько примеров альтернатезы из русской поэзии XIX века:

Над ним столичные давно

Острые то глупо, то умно [Некрасов 1965: 272] ...

Использование прилагательных *«глупо»* и *«умно»* в оценке поступков или ситуаций отражает их противоположные семантические значения: *«глупо»* характеризует действия как бессмысленные и свидетельствующие о недостатке разума, тогда как *«умно»* подчёркивает наличие рассудительности и продуманности. В произведениях Н. А. Некрасова союзы *«то..., то...»* служат для подчёркивания чередования эмоций господ по отношению к обездоленным — порой они испытывают жалость, порой презрение. Такое противопоставление создаёт выразительный контраст, демонстрирующий непостоянство и противоречивость их чувств.

То потрясающие звуки,

То замирающие вдруг...

Как бы в последний ропот муки,

В них отозвавшись, потух! [Тютчев 1986: 37]

Действительное причастие *«потрясающий»* в данном примере выражает начало действия, вызывающего сильные эмоции, тогда как *«замирающий»* указывает на его затухание или завершение. Такое чередование создает динамическое напряжение, подчёркивая контраст между волнением и последующим спокойствием.

Следующие примеры привлекают внимание своей явной последовательностью и тем, что глаголы в них не выражают завершённости действия, акцентируя процесс и продолжительность происходящего, например:

В знакомой сакле огонек

То трепетал, то снова гас [Лермонтов 1985: 207].

Семантика слова *«трепетать»* обозначает лёгкое колебание или дрожь, часто связанную с эмоциями страха или восторга. Это слово несёт в себе активность и жизненность, передавая состояние внутреннего волнения. В противоположность ему слово *«гаснуть»* означает прекращение действия, угасание, символизируя завершение и затухание. Эти два глагола формируют яркое контрастное противопоставление: между динамикой и эмоциональной насыщенностью с одной стороны и спокойствием, уходом или затуханием — с

другой. Использование разделительных союзов «или», «либо», «то..., то...» в подобных конструкциях даёт возможность представить разные альтернативы или варианты развития событий. Кроме того, такие союзы часто вносят оттенок неопределённости и предположения, создавая гибкость восприятия и позволяя автору играть со смыслом, усиливая выразительность высказывания.

То вдруг помчится легче птицы,

То остановится, глядит –

И влажный взор ее блестит [Лермонтов 1985: 170].

Однородные сказуемые могут выражать незавершённые, длящиеся во времени действия, особенно при использовании глаголов несовершенного вида. Они подчёркивают процесс, который происходит, а не его конечный результат. Слово «*помчится*» обозначает начало действия, связанного с движением на большой скорости. Этот глагол акцентирует динамику, энергетику и стремительность, подразумевая, что действие уже началось и развивается быстро. В свою очередь, слово «*остановится*» означает завершение действия, прекращение движения. Оно выделяет момент окончания движения и подчёркивает конечность процесса.

Следует отметить, что потребность в более сложных структурах и выразительных средствах речи создаёт возможность для последовательного применения антонимов. Такой подход формирует циклические конструкции, где одно слово плавно сменяется другим, создавая волновой эффект и усиливая контраст.

То себя он ненавидит:

То собой он дорожит;

То полюбит, то разлюбит;

За миг жизни век дрожит [Кольцов 1986: 83].

Непостоянство людей может выражаться через отношения чередования. Чтобы подчеркнуть изменчивость человеческой природы, автор намеренно использует антонимы, усиливая контраст действий. «*То себя он ненавидит, то дорожит собой*» — то есть разочарован в себе, то бережёт себя. «*То полюбит,*

то разлюбит» — эти перемены отражают смену жизненных ценностей, интересов, настроения и мыслей.

Нет, песнь его грозней гремящей тучи,

*Как божий гнев, **то мрачный, то огнистый*** [Тютчев 1986: 53].

И надо всем вершины ледяные

То бледные, то огненно-живые! [Тютчев 1986: 56]

Чередование, выраженное качественными прилагательными, такими как **«мрачный»** — исполненный печали, наводящий грусть, безрадостный, угрюмый — и **«огнистый»** — светящийся, искрящийся огнем, — может использоваться для описания непрерывно повторяющегося процесса, в котором одно состояние сменяет другое до достижения определённого предела. Такое взаимодействие между антонимами создаёт динамическую картину, позволяя акцентировать внимание на цикличности изменений.

Темны просторного храма углы;

*Длинные окна, **то полные мглы,***

То озаренные беглым мерцанием,

Тихо колеблются с робким бреканьем [Некрасов 1965: 199].

Слова **«мгла»** и **«тьма»** в контексте могут представлять собой оппозицию, тогда как их противоположность — наличие света — выражается такими понятиями, как «мерцание» или «колеблющийся свет». Такой подход позволяет рассматривать их в рамках альтернатезы, когда противоположные смыслы чередуются, создавая динамическую картину изменений.

То там, то тут, полуодеты,

Из окон женичины глядят [Некрасов 1965: 271].

Местоименные наречия **«там»** и **«тут»** противопоставляются по пространственному значению: **«там»** указывает на удалённое место, а **«тут»** — на пространство, близкое к говорящему. Использование чередующегося союза **«то..., то...»** вместе с противоположными словами создаёт эффект альтернатезы. В данном случае такие повторения подчёркивают контраст между двумя

состояниями или местами, что делает их более выразительными и усиливает значимость различий.

О божье!

Твой рассказ о купце разрывал

Нам сердца: по натуре бурлацкой,

Он то ноги твои целовал,

То хлестал тебя плетью казацкой [Некрасов 1965: 328].

Творчество Некрасова отличается яркими контрастами, которые подчёркивают историко-социальные, нравственные и эмоциональные аспекты жизни. В его произведениях часто противопоставляются разные слои общества, а также конфликт идеала и реальности, что придаёт его поэзии глубину и актуальность. Действия «целовал» и «хлестал» образуют яркую дихотомию: первое слово ассоциируется с положительными чувствами и нежностью, тогда как второе — с агрессией и негативными эмоциями. Такое противопоставление раскрывает широкий спектр человеческих отношений и эмоций, отражая как любовь, так и ненависть.

Она то ластится, как змей,

То жжёт и плещет, будто пламень,

То давит мысль мою, как камень —

Надежд погибших и страстей

Несокрушимый мавзолей! [Лермонтов 1985: 186]

Использование в противопоставлениях нежных, возвышенных чувств и жестоких, разрушительных эмоций создаёт глубокий драматизм и усиливает психологическую напряжённость при анализе контекстуальных антонимов в произведениях М. Ю. Лермонтова. Глаголы «ластиться», «нежно лнуть» и «ласкаться» символизируют мягкость, заботу и любовь, тогда как «жжёт», «предавать огню» и «давить» олицетворяют агрессию, разрушение и страдание. Такое контрастное использование лексики подчёркивает внутренний конфликт главного героя — Демона, который испытывает страсть и любовь к Тамаре, но одновременно противостоит своим разрушительным инстинктам и агонии,

которые он приносит в этот мир. Таким образом, контекстуальные антонимы выступают не только как средство выразительности, но и как важный элемент формирования центральной темы произведения — напряжения между чувством и деструктивной силой, что составляет функциональный потенциал альтернатезы.

Выводы исследования демонстрируют, что использование конструкции «*то..., то...*» позволяет автору передавать смену эмоций, состояний или действий. В русской поэзии XIX века глаголы часто служат средством передачи чередования процессов, поскольку они более динамично выражают изменения и переходность действий. Это придаёт стихам живое и эмоциональное звучание. Тожественное синтаксическое построение, или параллелизм, усиливает выразительность поэтической речи и создаёт ритмическую гармонию. Такой приём акцентирует внимание на ключевых идеях и чувствах, делая текст более запоминающимся и насыщенным эмоционально. Параллелизм способствует созданию эффекта повторяемости и усилению контраста, что особенно важно в поэзии.

3.6. Антанагога как прием компенсации противоположностей

Для нейтрализации негативной информации поэты русской литературы использовали речевую фигуру антитезы — **антанагогу** (от греч. *antanago* — противопоставлять) [Хагазеров 2009: 86]. Этот приём помогает эффективно смягчить негатив, заменяя его положительными аргументами и создавая контекст, в котором противоречивые утверждения сопоставляются. Таким образом достигается ослабление недовольства и акцентирование достоинств, например:

Сумка с виду хоть мала -

Много в ней добра и зла:

Часто рядом там лежит

И банкротство и кредит [Гребенка 1903: 87];

Аллофронность высказывания определяет его парадоксальность, которая, в свою очередь, позволяет представить негативную информацию, например, «*сумка*

мала», в нейтральном или даже позитивном ключе — как много в ней добра и зла, что компенсирует её размер. Противоположность здесь выражена антонимами «*мало*» и «*много*». Приём антанагоги заключается в том, что предмет, представляемый проблемой, одновременно предлагает позитивную точку зрения (или решение) на предыдущее негативное утверждение. Например:

Душа сама собою стеснена,

Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,

Находишь корень мук в себе самом,

И небо обвинить нельзя ни в чем [Лермонтов 1985: 40].

Функция антанагоги заключается в том, что она обозначает такое положение дел, при котором последующая ситуация ставит первичной ситуации некий предел. Отношения противопоставления строятся на антонимах «*жизнь*» и «*смерть*», а также на противительном союзе «*но*», усиленных сравнениями — «*жизнь ненавистна*» и «*смерть страшна*». Один элемент отрицается, а другой утверждается, ограничивая первый и тем самым уменьшая влияние или значимость отрицательного момента. Например:

Ничего! Гони во все лопатки,

Труден путь, да легок конь,

Дожигай последние остатки

Жизни, брошенный в огонь [Некрасов 1965: 165].

Лексическую основу антанагоги чаще всего составляют антонимы, в данном случае — «*труден*» и «*легок*». Большую роль играет позиция слов: негативное стоит в начале, а позитивное возмещает его, что смягчает негативное отношение к дороге. Такое сопоставление отрицательного и положительного моментов рядом друг с другом пытается опровергнуть или уравновесить отрицательный аспект.

Из проведённого исследования можно сделать вывод, что стилистико-риторический приём антанагога использует негативное и позитивное утверждения в конструкциях с союзами ССП и БСП, представляя сначала негативную информацию, а затем её разрешение. При правильном применении эта стратегия обеспечивает убедительный и продуманный подход к коммуникации как в

письменной, так и в устной речи. Антанагога — это метод объединения позитивных взглядов с целью смягчения негативных аспектов идеи, человека или объекта. Негативные оценки, делающие идею нежелательной или трудной, смягчаются введением равноценных позитивных аргументов, что позволяет рассматривать всю идею в более благоприятном свете, подчёркивая положительные стороны, которые перевешивают негатив.

3.7 Антиметабола как прием лексического повтора противоположностей

При изучении отношений противопоставления особое значение приобретает позиция расположения антонимов. **Антиметабола** (от греч. ἀντί — «против» и μεταβολή — «перемена», «изменение») — это стилистический приём, разновидность антитезы, основанная на лексическом повторе [Введенская 1971: 154]. В некоторых современных источниках по риторике и стилистике антиметабола рассматривается как сочетание антитезы с хиазмом или как разновидность хиазма. Однако под антиметаболой мы понимаем именно наличие антитезы в тексте, при которой соседние части противопоставляются друг другу, в то время как в хиазме такого противопоставления может не быть. Поэтому считать антиметаболу разновидностью хиазма было бы ошибочно.

Цель применения антиметаболы поэтами — придать тексту афористичность, облегчить его запоминание и усилить воздействие на читателя, эффектно и лаконично сопоставляя противоположные позиции, например:

Орел отвечает, наскуча вздором тем:

«Ты права, только не совсем.

Орлам случается и ниже кур спускаться:

Но курам никогда до облак не подняться!» [Крылов 1982: 46]

Противительные-ограничительные отношения реализуются в антонимичных парах, таких как «*спускаться*» и «*подняться*». Перекрёстное повторение одних и тех же слов усиливается сравнением «*как орёл и куры*», что придаёт

высказыванию афористичность и закрепляет его в речи как устойчивое выражение. Семантические признаки антитезы подчёркиваются противительным союзом «но», на основе которого формируется противопоставление. Антиметабола эффективно передаёт эмоциональное состояние, создавая определённый ритм и динамику в высказывании. Известно, что в баснях всегда используется аллегория: под «курами» и «орлами» скрываются конкретные личности, что выражает оценочное отношение автора к ним. В данном случае поучительная функция антиметаболы проявляется через средства обучения — знакомство с картиной мира и правилами поведения и мышления.

Титан ли ты, чье сердце снедью врана,

Иль сам ты вран, терзающий титана! [Тютчев 1986: 54]

Экспрессивная функция поэзии усиливает содержание текста, делая его интригующим для читателя и придавая произведению художественные, эмоциональные и интеллектуальные свойства. Образы Титана — древнегреческого гиганта, сражавшегося с богами, и врана (устаревшее обозначение ворона) выступают в роли антитезы. Противопоставление этих слов строится на метафоризации образов исполина и крошки. Перекрестное расположение слов, связанных отношением взаимоисключения, требует однозначного ответа: «*Титан ли ты, чье сердце — пища для ворона, или вран, терзающий титана?*» Этот приём придаёт высказыванию афористичность и служит дополнительным инструментом привлечения внимания к противопоставленным образам.

Перекрёстное расположение антонимов усиливает выразительность текста, придавая ему афористичность и особую выразительную завершённость, например:

Она была как нищая бедна,

И беден был он так же, как она [Некрасов 1965: 48].

Перестановка элементов исходной формы по принципу зеркальной симметрии, а также сравнение «*как нищая бедна*» и «*беден был он так же, как*

она» повышают экспрессию текста. Антонимия выражается в родовом признаке глагола — словах **«была»** и **«был»**, а также в местоимениях **«он»** и **«она»**.

Со всей Европой эту встречу

Мог русский выдержать один!

*И он не **отстоял** отчизны,*

*Но поле битвы **отстоял*** [Глинка 1957: 48].

Антиметабола — это разновидность антитезы, усиленная корневыми повторами, основанными на однокорневых антонимах. Наличие общего корня у противопоставленных антонимов служит дополнительным признаком антиметаболы. Эта стилистическая фигура предполагает повторение слов или фраз в обратном порядке для создания контраста или усиления акцента. Пример **«не отстоял — отстоял»** иллюстрирует данный принцип, поскольку оба слова имеют общий корень **«стоял»**, что усиливает эффект противопоставления. В составе синтаксической конструкции эти слова построены перекрёстным образом: в первой части ССП — **«не отстоял отчизны»**, а во второй — **«поле битвы отстоял»** — представлен обратный порядок, дополненный обстоятельствами **«отчизны»** и **«поле битвы»**. Таким образом, мысль сначала развивается по восходящей линии, а затем — по нисходящей, причём связана она противительно-возмездительным отношением.

Тобой любимым быть прекрасно!

*Прекраснее – **тебя любить!*** [Кольцов 1986: 67]

Антиметабола выступает стилистической основой речевого жанра в тех случаях, когда отрывок текста с перекрёстным лексическим повтором является самостоятельным высказыванием, обладающим грамматической и смысловой целостностью. Этот риторический приём часто используется для создания выразительности и контраста в речи. Как отмечалось выше, приём заключается в перекрёстном повторении слов или фраз с противоположными значениями. Это позволяет не только подчеркнуть контраст между двумя идеями, но и создать запоминающийся образ в сознании слушателя или читателя. Примеры антиметаболы можно найти в ораторском искусстве, литературе, поэзии,

например: *«быть любимым и тебя любить»*. Отношения противопоставления дополнительно усиливаются с помощью сравнительной степени прилагательного *«прекраснее»*.

Исследование показало, что антиметабола является редкой стилистической фигурой в русской поэзии XIX века, хотя её использование отмечается у некоторых авторов, стремящихся к выразительности и глубине содержания. Этот приём основан на повторении одной и той же группы слов или фраз в обратном порядке, что создаёт контраст и подчёркивает значимость высказывания. Важным аспектом антиметаболы является её способность привлекать внимание читателя или слушателя за счёт неожиданности и игры слов. Такой приём обогащает текст не только стилистически, но и по смыслу, позволяя автору передать сложные идеи и эмоции с помощью лаконичных и запоминающихся формулировок.

Примеры антиметаболы в поэзии демонстрируют, как эта фигура усиливает ритмическое и мелодическое восприятие произведения, делая его более афористичным и глубоким. Поэты, использующие антиметаболу, подчёркивают смысловые противоположности, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию и предлагая читателям акценты для размышлений.

3.8. Антифразис как прием выражения комплимента в форме порицания

Антифразис (от греч. *antiphrasis* — противоположный по смыслу) представляет собой троп, при котором выражение используется в противоположном значении — часто с целью иронии или сарказма [Хазагеров 2009: 78]. Это позволяет выразить похвалу или критику в непрямой форме. Подобная манера речи может добавить остроты в общение, вызвать улыбку или подчеркнуть контраст между ожидаемым и действительным.

Антифразис широко используется в художественной литературе, драматургии и повседневной речи. Противоположное значение слов возникает на фоне несоответствия их прямого значения и контекста. Хотя антифразис появился

в античной риторике как средство иносказательного выражения иронии, интерес к этому тропу заметно возрос с развитием средств массовой информации.

Идейно-эмоциональная ироническая оценка действительности была свойственна философии древних мыслителей, в частности Сократа. Риторическая фигура получила широкое распространение в античной комедии и сатирических жанрах литературы. В современном медийном пространстве антифразис используется для создания иронии и усиления выразительности речи, что позволяет привлечь внимание аудитории и придать высказыванию эмоциональную окраску. Это особенно важно в условиях, когда прямая оценка может быть нежелательной или недостаточной. Многозначность и глубина смысла, достигаемые с помощью антифразиса, делают его эффективным инструментом в публицистике и современной коммуникации, позволяя формировать отношение к объекту на уровне подтекста.

Исследование антифразиса и его места в риторике остаётся актуальным, поскольку данный троп играет важную роль в анализе литературных и разговорных текстов, а также в изучении культурных особенностей общения. Антифразис часто рассматривается как форма иронии, особенно когда используется для создания комического эффекта. Исследователи подчёркивают его тесную связь с иронией, поскольку оба приёма основаны на контрасте между буквальным и подразумеваемым значением.

Тем не менее антифразис можно считать более конкретным тропом, тогда как ирония представляет собой более широкое понятие. Ричард Шерри отмечал различие между антифразисом и иронией, подчёркивая, что антифразис сосредоточен на использовании слов в противоположном смысле, в то время как ирония охватывает более широкий спектр выразительных средств, включая интонацию и контекст [Sherry 1961: 112]. Это различие помогает глубже понять различные способы использования языка для выражения насмешки или критики.

Например, в басне И. А. Крылова «Разборчивая невеста» антифразис используется для подчёркивания иронии ситуации. Заглавие произведения на первый взгляд может показаться нейтральным или даже положительным, однако

по мере прочтения раскрывается истинный смысл: высокомерие и тщеславие героини приводят к нежелательным последствиям. Такое использование языка не только позволяет автору выразить критику в адрес общества, но и побуждает читателя задуматься о последствиях собственных поступков и жизненных выборов.

В стихотворении Н. А. Некрасова «Нравственный человек» поэт использует термин «*нравственный*» для характеристики персонажа, который на деле проявляет противоположные качества — цинизм, алчность и безнравственность. У героя на всё находится оправдание: каждый его грех, в его собственных глазах, уже искуплён, что открывает путь к новым прегрешениям — и так до бесконечности. Тем не менее он искренне считает себя высоконравственным человеком, борющимся с аморальными поступками окружающих — жены, дочери, друга, слуги. Это создаёт глубокий иронический контраст, демонстрируя, как ложные моральные нормы могут искажаться в обществе и использоваться для самооправдания.

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Благодарность» антифразис подчёркивает ироничное отношение автора к самому понятию благодарности. Лирический герой «*благодарит*» судьбу за страдания, лишения и горечь, которые на самом деле причинили ему боль. Ирония возникает за счёт очевидного противоречия между формой обращения и подлинным содержанием чувств. Он говорит о благодарности, но в действительности выражает презрение к жизни и её трагическим обстоятельствам. Это усиливает эмоциональную нагрузку стихотворения, заставляя читателя задуматься о сложной природе человеческих переживаний и о том, как истинные чувства могут быть скрыты за внешней оболочкой слов.

За все, за все тебя благодарю я:

За тайные мучения страстей,

За горечь слез, отраву поцелуя, за месть врагов и клевету друзей;

За жар души, растроченный в пустыне,

За все, чем я обманут был...

Устрой лишь так, чтобы отныне

Недолго я еще благодарил [Лермонтов 1985: 94].

Антифразис является эффективным литературным приёмом, позволяющим создать ироничный или саркастический контраст между словами и их подлинным значением, что придаёт произведению особую выразительность. Этот троп широко используется в поэзии, прозе и других жанрах художественной литературы. Антифразис может служить средством усиления комического эффекта, подчёркивая несоответствие между ожиданиями и реальностью. Это делает речь более эмоциональной, яркой и запоминающейся.

В контексте юмора и сатиры данный приём помогает критиковать общественные явления или человеческие недостатки, привлекая внимание читателя к их абсурдности или парадоксальности. С помощью антифразиса автор может завуалированно выразить свою позицию, не прибегая к прямой критике.

Примеры использования антифразиса можно найти и в творчестве А. С. Пушкина. Так, в «Сказке о попе и о работнике его Балде» поп, нанимающий Балду за «три щелчка по лбу в год», представляется внешне благочестивым и «божьим человеком», однако в действительности проявляет жадность, трусость и несправедливость. Использование слова *«поп»* с ироническим оттенком и последующее раскрытие истинных черт персонажа формируют антифразис, создающий комический эффект и подчёркивающий моральный урок сказки.

Мы знаем: вечная любовь

Живет едва ли три недели [Пушкин, 1985, с. 27].

Данный пример антифразиса заключается в саркастическом толковании выражения *«вечная любовь»* в противоположном смысле с целью создания ироничного эффекта. Так, выражение *«вечная любовь»* (в значении бесконечной по времени) противопоставляется ироничному утверждению о том, что она *«едва ли живёт три недели»*. Такой приём позволяет А. С. Пушкину не только высмеять мимолётность романтических увлечений, но и выразить более глубокие размышления о природе любви и человеческих эмоций. Ироничное, а порой и обидное отношение автора к скоротечным чувствам, которые он называет

«вечными», создаёт выразительный контраст между ожиданиями и реальностью, подчеркивая непостоянство человеческой натуры и иллюзорность идеализированных представлений о любви.

Спешу поздравить с неудачей:

Она – блистательный успех [Тютчев, 1986, с. 24].

Приём антифразиса позволяет говорить об одном, подразумевая совершенно противоположное, что часто используется для подчёркивания абсурдности ситуации или поведения. Например, в ироничном выражении «*блистательный успех*» при полном отсутствии каких-либо достижений акцентируется явное несоответствие между словами и действительностью. Это создаёт комичный или саркастический эффект, заставляя читателя или слушателя задуматься о подлинном смысле сказанного.

В заключение можно сказать, что антифразис отражает способность языкового выражения не только передавать информацию, но и создавать многозначный, ироничный и глубокий смысл. При помощи антифразиса авторы могут критически осмысливать реальность, высвечивать абсурдность ситуаций или высмеивать пороки общества. Это делает его эффективным средством выражения эмоций и идей, обогащающим литературный язык и открывающим новые горизонты для интерпретации текста.

Таким образом, антифразис является неотъемлемой частью как литературного, так и повседневного общения. Он позволяет более тонко и глубоко выражать мысли и чувства, а также косвенно передавать читателю нравственные уроки и моральные истины, избегая прямолинейного поучения.

3.9. Амфитеза как проявление отношений соединения

Амфитеза — это стилистический приём, при котором одновременно утверждаются противоположные характеристики или явления, создавая тем самым более полное и многомерное представление о предмете или ситуации [Введенская 1971: 158]. Как отмечает Л. А. Введенская, данный приём позволяет

охватить не только крайние признаки, но и промежуточные, тем самым подчёркивая многогранность и сложность описываемого объекта. Таким образом, амфитеза способствует передаче смысловой комплексности, которая могла бы быть утрачена при использовании однозначных или односторонних выражений.

Он и счастлив и грустит,

Нашим песням молча вторит [Вяземский 1982: 65].

Повторяющийся усилительный союз «и» соединяет два противоположных слова, одно из которых является кратким прилагательным (*счастлив* — полный счастья, такой, которому благоприятствует удача, успех), а другое — глаголом несовершенного вида (*грустит* — испытывать чувство грусти) [БТС 2000: 1297, 232]. Такая конструкция указывает на незавершённость и неоднократность действия, отражая внутреннее состояние героя. Союз «и» в данном контексте выражает семантику одновременности, при этом объединяемые им элементы автор воспринимает как равнозначные, несмотря на их содержательное противоречие.

Это соединение противоположных эмоций с помощью одного союза создаёт выразительный контраст, позволяя читателю глубже прочувствовать психологическую неустойчивость и внутреннюю раздвоенность героя. Таким образом, союз «и» служит не просто грамматическим средством, но и стилистическим инструментом, раскрывающим сложную эмоциональную палитру персонажа.

Подобный приём можно наблюдать и у М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Дума», где лирический герой одновременно выражает усталость от жизни и тоску по недостижимому идеалу. В строках: «*И ненави́дим мы, и любим случайно...*» использование союза «и» между противоположными действиями подчёркивает внутренний конфликт поколения, его моральную неопределённость и утрату ценностных ориентиров.

И ненави́дим мы, и любим мы случайно,

Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви [Лермонтов 1985: 72].

Ненавидеть (испытывать ненависть к кому-либо, чему-либо) — **любить** (чувствовать глубокую привязанность, быть преданным кому-либо или чему-либо) находятся в антонимических отношениях. Однако даже такие разнонаправленные, предельные по смыслу действия под влиянием повторяющегося союза «и» нейтрализуются, оказываясь в чередующихся и взаимодополняющих связях. Повторяющийся союз ослабляет антонимическое напряжение и придаёт выражению оттенок эмоциональной раздвоенности, подчеркивая неустойчивость чувств. Семантическое значение противоположных слов в выражении «**ни злобе, ни любви**» сближается с понятием «**ничем**», указывая на эмоциональное опустошение, равнодушие или внутреннюю пустоту.

Автор описывает поколение, лишённое подлинных чувств, способное на любовь и ненависть лишь «случайно». Союз «и» в первой строке объединяет противоположности, указывая на хаотичность и бессистемность переживаний. Во второй строке конструкция с «**ни..., ни...**» окончательно нивелирует оба чувства, обнажая внутреннюю пустоту и нравственную апатию. Таким образом, антонимичные понятия перестают противопоставляться и превращаются в выражение эмоционального «**ничто**» — утрату способности к подлинному переживанию.

*Гнетущий жизни мрак порою разгоняло,
Что жить с любовью равной помогало
И бедняку, и богачу* [Апухтин 1991:116].

Повторяющийся союз «и» соединяет противоположные социальные сословия, приводя их к своеобразной нейтрализации и уравниванию. Результатом такого объединения становится обобщающее слово «**всех**», которое охватывает обе группы. Два контрастных понятия — **бедняк** (бедный, неимущий человек) и **богач** (человек, обладающий богатством) — в данном контексте приписываются одному и тому же объекту: **бедняк + богач = всех**. Таким образом, противоположные социальные категории перестают выступать как отдельные и конфликтующие, а воспринимаются как единое целое, отражая целостность и многогранность общества.

Мне снилось в юности: орел-громометатель

От Мелеса меня играючи унес

На край земли, на край небес

*Вещая: ты **земли и неба** обладатель* [Батюшков 1987: 70].

Крайние противоположности — **земли и неба** — в приведённом примере представляют собой семантическую противопоставленность. Однако благодаря повторяющемуся союзу «и» они не выступают в роли антонимов, так как при использовании данного сочинительного союза устанавливаются соединительные отношения. Это объединение подразумевает обладание всем и целостным, то есть **земли + неба = всего**.

Рассудок: но его что нам вещает глас?

*Что **жизнь и смерть** равны для нас* [Батюшков 1987: 137].

Важно осознавать, что понятие языковой антонимии строится на принципе семантической противопоставленности, предполагающем существование пары слов или фраз с противоположными значениями. В данном контексте амфитезу формируют контрадикторные антонимы — понятия **жизнь и смерть**, которые выступают как лексические предельные противоположности. Однако наличие соединительного повторяющегося союза ведёт скорее к тождеству этих понятий, нежели к их противопоставлению.

Ах! Дайте мне коня;

Туда помчит он быстрым бегом

*И **день и ночь** меня!* [Батюшков 1987: 68]

Амфитеза позволяет заменить два противоположных понятия одним словом, тогда как антитеза основана на контрасте между ними и такой замены не допускает. Когда авторы художественных произведений используют приём амфитезы, противоположные по значению слова в определённых синтаксических конструкциях приобретают семантику «все» или «всё». Так, семантика выражения «и день, и ночь» равнозначна значению слова «сутки».

В приведённом ниже примере — «*и я, и ты, и целый свет*» — несмотря на наличие противоположных понятий, контраст не создаётся, поскольку это выражение равнозначно слову «*все*»:

Богатство, честь и власти,

Болезнь и нищета, несчастья и страсти,

И я, и ты, и целый свет, -

Все призрак!» - «Сновиденье!» [Батюшков 1987: 138]

Результаты проведённого анализа поэтической речи позволяют сделать следующие выводы:

1. Эмоционально-экспрессивную окраску придаёт обилие антонимических единиц, которые играют ключевую роль в создании контрастов в поэзии.
2. При определении амфитезы важно учитывать смысловые отношения антонимов и семантику их соединения, поскольку амфитеза основана на контрасте и параллелизме значений, что усиливает выразительность высказывания.
3. Амфитеза строится как пара однородных членов предложения со значением противопоставления. При повторяющихся союзах антонимы связаны отношением чередования, а при одиночном союзе «и» — соединительными отношениями, где антонимы теряют своё противоположное значение и выступают устойчивым компонентом синтаксических конструкций, приобретая семантику «*все*» / «*всё*».
4. Формами стилистического функционирования антонимов являются фигуры противопоставления, нейтрализации, противоречия, чередования, отождествления и другие.

3.10. Апофонема как прием скрытого поучения в антитезе

Один из способов выражения противоположности идей — **апофонема** (греч. *apo* — без, *phoneta* — звук), являющаяся структурно-семантическим

видом антитезы — скрытым, неявным учением, представленным в тексте через антитезу. Апофонема чаще всего встречается в пословицах и баснях.

Некоторые исследователи, включая Т. Г. Хазагерова и И. В. Труфанова, отмечают, что апофонема может выполнять функцию стилистико-риторического приёма, усиливая выразительность высказывания и привлекая внимание к ключевым идеям. Рассмотрение апофонемы как инструмента формирования речевого жанра подчёркивает её роль как средства достижения определённых риторических целей, при этом сама по себе она не определяет жанр.

Сравнение с речевыми жанрами позволяет увидеть, как апофонема может использоваться в разных контекстах — от публичных выступлений до литературных произведений. Однако, в отличие от жанра, обладающего более устойчивыми чертами и традициями, апофонема может адаптироваться и изменяться в зависимости от конкретной ситуации.

На наш взгляд, апофонема — это прежде всего стилистико-риторический приём, что подчёркивает её роль как гибкого инструмента в арсенале оратора или автора. Это подчёркивает важный аспект понимания речи как динамического явления, где различные элементы, включая апофонемику, взаимодействуют для достижения коммуникативных целей.

Апофонема — это стилистический приём, используемый для передачи мудрости, нравственных принципов и духовных установок, целью которого является предоставление читателю опыта и уроков прошлых поколений, а также помощь в осмыслении жизни и принятии рациональных решений.

Сложность приёма апофонемы в поэзии заключается в её назидательном характере и построении на отношениях противопоставления. Для того чтобы привести пример, необходимо выписать весь текст и проанализировать произведение целиком. Поэтому мы остановили свой выбор на баснях И. А. Крылова и И. И. Дмитриева, поскольку в баснях проще выделить отрывки с поучением.

В данном исследовании мы решили привести только несколько ярких примеров, например:

*Волк, полуночный тать,
Схватил козленочка. «не смей его терзать, -
Воскликнул Лев, - пусти!» И волк ему послушен.*

Подлец всегда свиреп; герой великодушен [Дмитриев 1967: 82].

В анализируемом контексте слова *подлец* и *герой* даны как антонимы: «**подлец**» — подлый, низкий, безнравственный человек, негодяй; «**герой**» — человек, совершивший подвиги мужества, доблести и самоотверженности. Однако из контекста становится ясно, что слово *герой* используется в обратном, ироничном смысле, поэтому эти образы лишь стилистически-экспрессивно различаются друг от друга, возвеличивая одного и уничижая другого, хотя на самом деле оба являются подлецами.

Апофонема выделяется своим основным признаком — противопоставлением антонимов, поскольку её главная цель заключается в усилении различий между противоположностями, что в итоге служит основой для выражения моральных убеждений. Например:

*Увы! в юдоли слез неверен каждый шаг;
От злобы, от беды когда и где в покое?
Опасен **крупный** враг,
А **мелкий** часто вдвое* [Дмитриев 1967: 18].

Противопоставление антонимов **крупный** — **мелкий** отражает явные различительные признаки, усиливая их отношение сопоставления с помощью наречия *вдвое*. В данном высказывании через мораль передаются важные жизненные уроки, осмысливаются собственные поступки, что придаёт поучительный характер апофонеме.

Наружность иногда обманчива бывает:

Иной как зверь, а добр; тот ласков, а кусает [Дмитриев 1967: 36].

Употребление синтаксического параллелизма — «*иной как зверь, а добр; тот ласков, а кусает*», сравнения «*как зверь*» и нанизывание антитез — «*зверь, а добр*», «*тот ласков, а кусает*» — отражает главное противоречие между «*быть*» и «*казаться*», заставляя читателя задуматься о том, что истинные

намерения человека далеко не всегда очевидны. И. И. Дмитриев предостерегает читателей от поспешных выводов и неверных суждений о тех, кто на самом деле пытается принести благо. Мораль этой басни призывает не судить по внешности душевные качества и характер человека, не отмахиваться от нищих стариков, в каком бы обличье они ни являлись, а проявлять милосердие и душевную чуткость.

***Бедняк**, не евши день, от глада*

Лил слезы и вздыхал;

***Богач** от сытости скучал,*

Зеваючи средь сада.

Кому тяжелее? Чтоб это разрешить,

Я должен мудреца здесь слово приложить:

***От скуки** самое желанье отлетает,*

***А горести** слезу надежда оттирает* [Дмитриев 1967: 96].

Назидание часто включает в себя моральные уроки, этические предписания и важные суждения о жизни — принципы и ценности, которые помогают человеку стать гармоничным и этически осознанным существом. Противопоставление действий бедняка и богача преподносится в виде контраста, а следствие этих действий — в форме нравоучительного вывода.

Таким образом, апофонема — это стилистико-риторический приём, основанный на антитезе, целью которого является назидание и передача морали. Поучительный вывод помогает не только расширить кругозор и обогатить ум, но и формирует нравственные ценности, развивает эмоциональную и духовную сферы человека. Использование апофонемы особенно эффективно в публичных выступлениях, дебатах и при написании эссе, когда необходимо подчеркнуть ключевые моменты, привлечь внимание аудитории и акцентировать основную идею или вывод. Апофонема не только усиливает эмоциональную составляющую высказывания, но и способствует более логичному и структурированному изложению мыслей, подчёркивая важность и значимость утверждения, придавая ему выразительную эмоциональную окраску. В таких случаях она выступает

своеобразным мостом между различными аргументами, помогая создать более убедительное и насыщенное высказывание.

3.11 Диатеза как прием утверждения среднего признака в антитезе

Учёные, занимающиеся изучением антонимов, неоднократно подчёркивали, что синтагматический контраст усиления создаёт эффект дополнительной экспрессии, акцентируя отсутствие крайних противоположностей и усиливая эмоциональную окраску высказывания. Например, фраза **«ни ненавидя, ни любя»** создаёт яркий контраст и выражает полное отсутствие этих эмоций или наличие промежуточных чувств.

*Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет, вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя [Радищев 1991: 156].*

Антонимы **«любить»** и **«ненавидеть»** в указанном примере демонстрируют не только полярные качества, но и подразумевают существование промежуточного состояния — безразличия. Это состояние может не быть явно обозначено, однако его присутствие позволяет читателю глубже понять эмоциональное состояние лирического героя. Такой приём создаёт пространство для интерпретации и даёт возможность самостоятельно осмысливать межстрочные значения, в данном случае — безразличие.

Термин **«диатеза»** используется для обозначения приёма, который подчёркивает состояние «между» через отрицание крайних признаков [Введенская 1971: 156]. Этот приём акцентирует внимание на тонкостях чувств и состояний, создавая воспринимаемую глубину и многозначность языка.

*Но мой герой – хоть он и шел за веком –
Больных влияний века избежал
И был таким, как должно, человеком:*

Ни тощ, ни толст [Некрасов 1965: 35].

Саша проснется –бежит на гумно.

Солнышко нет – ни светло, ни темно [Некрасов 1965: 209].

Темно. Ни холодно, ни знойно

Так ровно-ровно дышит грудь [Некрасов 1965: 274].

Выражение «*ни тощ, ни толст*» создаёт образ человека, не слишком худого и не слишком толстого (в словаре отсутствует термин, обозначающий нормальный вес человека). Поэт, используя выражение «*ни тощ, ни толст*», не просто отрицает крайние качества, но подчёркивает существование некоего «нейтрального» или «среднего» состояния, отражающего более сложные и изменчивые аспекты человеческой природы. Отказ от чёткой категоризации позволяет читателю почувствовать многогранность образа и задуматься о том, что между крайностями существует множество оттенков, передающих широкий спектр эмоций и состояний.

Выражение «*ни светло, ни темно*» можно интерпретировать как описание состояния сумерек — промежуточного состояния света, охватывающего переходный момент между днем и ночью. Сумерки, будучи полутемными, отражают сложность восприятия света и тьмы, а также характерное для этого времени ощущение неопределённости и переходности.

Примеры «*ни холодно, ни знойно*» и их интерпретация через промежуточное состояние «*тепло*» подчёркивают контраст, однако в поэтическом языке стоит задача создать более выразительное, образное и эмоциональное сообщение. Поэт, избегая прямых обозначений, использует антонимы, чтобы вызвать чувственную зависимость и создать определённую атмосферу.

Тяжелый год – сломил меня недуг,

Беда застигла, -счастье изменило, -

*И не щадит меня **ни враг, ни друг*** [Некрасов 1965: 232].

Он был похож на вечер ясный:

Ни день, ни ночь, - ни мрак, ни свет [Лермонтов 1985: 76].

Час разлуки, час свиданья –

Им ни радость, ни печаль [Лермонтов 1985: 193].

Напрасно! Мертвым не приснится

***Ни грусть, ни радость** прошлых дней* [Лермонтов 1985: 193].

Фраза «**ни враг, ни друг**» иллюстрирует чёткое противопоставление, затрагивая крайние полюса — *враждебность и дружбу*. Такое выражение создаёт состояние неопределённости, поскольку подразумевает, что человек или ситуация не относятся ни к одной из этих крайностей, что открывает пространство для различных интерпретаций. Таким образом, «**ни враг, ни друг**» визуализирует концепцию нейтралитета или безразличия, где субъект оказывается вне бинарных категорий.

В примерах «**ни день, ни ночь**», «**ни мрак, ни свет**», «**ни радость, ни печаль**», «**ни грусть, ни радость**» наблюдается взаимоисключающая позиция антонимов, создающая состояние неопределённости и пустоты, близкое по смыслу к понятию «ничто».

Проведённый анализ подчёркивает важное различие в употреблении конструкции «**ни X, ни Y**». Не все варианты этой конструкции выражают промежуточное состояние или градацию; некоторые примеры служат для обозначения состояния нейтральности, равнозначности или абсолютного отрицания. Так, выражения «**ни враг, ни друг**» и «**ни радость, ни печаль**» демонстрируют не просто отсутствие однозначного состояния, а полное исключение как одного, так и другого, создавая ощущение пустоты или неопределённости.

Таким образом, контрарные и контрадикторные противоположности вносят существенный вклад в понимание функционирования антонимов в тексте и усиливают его смысловую нагрузку. Контрадикторные оппозиции могут не только предполагать наличие промежуточного звена, но и утверждать взаимоотрицание. Контрарные оппозиции обозначают полярные значения, которые могут сосуществовать в рамках определённой шкалы, позволяя включать промежуточные состояния.

Это свидетельствует о сложности и многообразии языка, где одно и то же выражение может приобретать разные значения в зависимости от контекста. Следовательно, при анализе антонимических выражений и стилистических фигур важно учитывать не только грамматические конструкции, но и семантические оттенки слов, чтобы глубже понять эмоциональную и смысловую нагрузку текста. Такой подход позволяет проникнуть в структуру языка и раскрыть скрытые слои значения, которые могут быть упущены при поверхностном анализе.

3.12. Дизъюнктеза как прием альтернативы антитезы

Противоположности и противоречия составляют ядро литературного изобразительно-стилистического приёма антитезы. Одной из малоизученных разновидностей антитезы является приём дизъюнктеза, который исследуется в работах Н. Д. Арутюновой, В. А. Сазоновой, Е. С. Корюкиной на материале русского языка. Суть **дизъюнктезы** заключается в использовании антонимов, связанных разделительными союзами для усиления семантической поляризации и подчёркивания выбора между альтернативами в высказывании. Стилистическая конструкция дизъюнктезы в исследуемых языках выглядит следующим образом: *«либо А, либо Б», «или А, или Б»* [Егорченко 2006: 14].

Хотя дизъюнктеза известна ещё с античных времён, широкое распространение она получила в трудах математиков — Дж. Буля (*«Математический анализ логики»*, 1847) и О. Моргана (*«Формальная логика...»*, 1847), которые заложили основы логики высказываний и логики классов,

сформировали первую развитую систему алгебры отношений. В логике отношение взаимоисключения (дизъюнкция) означает, что два понятия не могут существовать одновременно или быть истинными одновременно.

В логике и математике такие отношения создаются с помощью сочинительных союзов «или», «либо», где одна из альтернатив обязательно истинна. В отличие от формальной логики, в языке приём дизъюнктезы строится исключительно на противоположных по значению антонимах, в которых реализуются взаимоисключающие отношения. Особенностью этого приёма является усиление полярности значений, что делает выбор между противоположностями особенно острым и выразительным.

Рассмотрим примеры из русской поэзии XIX века:

И первый счастлив, но такой

Я праздный отдал бы покой

За несколько мгновений

Блаженства иль мучений [Лермонтов 1985: 38].

Разделительно-предположительные отношения выражаются через слова-антонимы «**блаженство**» (высокая степень счастья, наслаждение) и «**мучение**» (страдание, мука, состояние того, кто испытывает боль). Союз «или» в данном контексте подчёркивает неопределённость бинарных чувств, при этом оба противоположных состояния остаются желанными для поэта. Такая конструкция усиливает напряжённость и эмоциональную глубину высказывания, демонстрируя сложность человеческих переживаний и их двойственную природу.

Бесследно все – и так легко не быть!

При мне иль без меня – что нужды в том? [Тютчев 1986: 273]

Вопросительная интонация является одним из средств выражения разделительно-предположительных отношений, которая, поддерживая или формируя значение неопределённости, одновременно выражает поиск ответа и неясность ситуации. Антонимичные отношения в подобных конструкциях могут проявляться через сочетания с предлогами и местоимениями, например, «при

мне» или «без меня», что подчеркивает противопоставление и неопределённость позиции субъекта.

Разделительные союзы могут выражать неизвестность, неуверенность или сомнение, например:

*Скажи, **не люблю иль люблю** я тебя,*

Для перлов прекрасной и жизнь не щадя [Лермонтов 1985: 29].

После того как юноша побывал на морском дне, чтобы достать ожерелье для своей возлюбленной, он задаётся вопросом: *«Настолько ли я люблю её, что готов даже рискнуть жизнью?»* Неуверенность героя выражается через разделительные отношения исключения. Для передачи сомнения автор выбирает простой вариант отрицания — *«не люблю иль люблю»*, избегая более резких слов, таких как *«ненавидеть»*, так как, во-первых, использование *«ненавидеть»* звучало бы слишком грубо и не поэтично, а во-вторых, это слово связано с сильными психическими состояниями, тогда как здесь сомнение только зарождается.

Антонимы, связанные разделительными союзами, служат выразительным инструментом для передачи сложных эмоциональных состояний и внутреннего конфликта героя. В подобных конструкциях подчёркиваются колебания, многозначность восприятия мира и себя в нём. Они позволяют читателю глубже проникнуть в переживания персонажа, ощутить его душевные сомнения и затруднения в понимании собственных чувств.

Разделительно-предположительные отношения помогают передать сложное эмоциональное состояние юного героя, наполненное тревогами, страхами, постоянными сомнениями и навязчивыми мыслями. Такой приём позволяет показать внутренний разлад, борьбу чувств и неопределённость выбора, что особенно ярко отражается в примерах, где противоположные понятия соседствуют, выражая полярные эмоции и внутренние противоречия. Например:

Встревоженный печальною мечтой,

Я плакал; но все образы мои,

Предметы мнимой злобы иль любви,

Не походили на существа земных.

*О нет! Все было **ад иль небо** в них* [Лермонтов 1985: 41].

Из контекста видно, что в какой-то момент автор решительно выражает своё возмущение или отчаяние, что подчёркивается восклицанием «*О нет!*». Однако далее он использует союз «*или*», который вновь вводит элемент сомнения и неопределённости, ставя под вопрос принадлежность мнимых существ — к подземному царству или всё же к небесам. Такой приём отражает внутреннюю колеблющуюся позицию героя.

*Равны концом **и час и век**;*

*Разлука с жизнью миг, **завтра или ныне**;*

Перуном ли угас, незримый ли протек;

***Царем или рабом** судьбине* [Жуковский 1999: 80].

В данном лирическом тексте присутствуют три пары антонимов, образующих сложную антитезу. Однако, поскольку нас интересует именно приём дизъюнктезы, рассмотрим две последние пары. Первая из них — архаичные антонимы *завтра* (завтра) и *ныне* (в настоящее время), которые обозначают временные отрезки и связаны между собой разделительно-временными отношениями. В данном контексте каждое из явлений исключается из временного плана, в котором мыслится их реализация. Вторая пара — *царь и раб*, находящиеся в взаимоисключающих отношениях. Эти противопоставления, подобно парам «*час и век*», «*завтра и ныне*», служат автору для подчёркивания неминуемости судьбы: человек, будучи частью природы, подчинён её физическим законам и не в силах изменить их; он появляется в мире в определённое время и место, и также случайно покидает его.

Против непобедимой, много зла

Она свершить готова, хоть могла

Составить счастье тысячи людей:

*С такой душой ты **бог или злодей*** [Лермонтов 1985: 44].

В процессе жизненного выбора, выраженного вопросом «*Кем стать, кем быть?*», всегда возникает множество альтернатив. Чем больше вариантов у

человека, тем сложнее ему принять решение, что порождает внутренний конфликт. Перед нашим героем разворачивается именно такая ситуация неопределённости: бог или злодей? Хотя эти слова формально не являются классическими антонимами, в данном контексте слово «*бог*» употреблено в переносном значении — как символ чистоты и непорочности, тогда как «*злодей*» — как образ безнравственного и порочного человека. Таким образом, мы имеем дело с окказиональными антонимами, создающими острое противопоставление и подчёркивающими драму выбора.

Следующий пример также связан с контекстуальными антонимами. Если в первом примере «*бог*» противопоставлялся «*злодею*», то в данном случае «*бог*» противопоставляется «*никому*». Кроме того, герой стоит перед выбором: «*Я — или бог, — или никто!*»:

Кто может, океан угрюмый,

Твои изведать тайны? Кто

Толпе мои расскажет думы?

Я – или бог – или никто! [Лермонтов 1985: 44]

Если в первом примере была неопределённость нашего героя, то во втором ему важно осознать, кем он является в этой жизни — всемогущим или бесполезным, беспомощным человеком. Но, как и в других примерах, противоположности «*Я — или бог — или никто*» связаны исключаящими отношениями. В этих примерах каждая часть дизъюнктивного суждения представляет собой противоположные варианты, и герою предлагается выбрать один из них.

Исходя из проведённого исследования в области семантических отношений, мы пришли к выводу, что дизъюнктеза строится на противоположных понятиях, соединённых сочинительными союзами «или», «либо». Основная роль дизъюнктезы — выражение альтернативы между антонимами. Разделительно-предположительные отношения в контексте могут отражать неизвестность, неопределённость, неуверенность, сомнения, поиск ответа в жизненных

ситуациях, а также передавать сложное эмоциональное состояние, двойственность объекта и внутриличностный конфликт.

3.13. Оксюморон как сочетание несочетаемого

Человек воспринимает мир через противопоставления и контрасты — такой способ мышления называется аллофрония. Это явление отражает противоречивость языка и речи, показывая, как язык формирует восприятие и понимание реальности через бинарные оппозиции, такие как добро и зло, хорошее и плохое. Аллофрония включает риторические и стилистические средства, которые улучшают выражение сложных идей и эмоций. Эти явления помогают создавать многослойные значения и подчёркивать противоречия в языке, которые выражаются, в частности, в оксюморе [Ганеев 2004: 14].

Оксюморон — это стилистический приём, состоящий в сочетании противоположных понятий. Ему присущ комический эффект и повышенная эмоциональность. Часто он преднамеренно используется писателями для создания эмоционально-экспрессивного эффекта, напрямую связанного с противоречием и противоположностью, что приводит к парадоксальному результату. Оксюморон применяется авторами для усиления выразительности и передачи глубины эмоций, часто вызывая удивление у читателя.

В поэме А. С. Пушкина «Полтава» оксюморон подчёркивает противоречивую природу героев и их внутренние конфликты. Он помогает создать ироничный контраст между внешними проявлениями и истинными чувствами, отражая сложность отношений и моральную неоднозначность действий персонажей. Это усиливает общее восприятие трагизма событий и личных невзгод героев:

И день настал. Встает с одра

Мазепа, сей страдалец хилый,

*Сей **труп** живой, ещё вчера*

Стонавший слабо над могилой [Пушкин 1985: 115].

Выражение «*труп живой*» создаёт парадокс, указывая на внутренний конфликт героя и его несовершенство, подчёркивая неодобрение и критику. Судя по этому выражению, можно заключить, что герой уже давно не юн. Это сочетание, объединяющее противоположные характеристики в одном объекте, является оксюмороном. Так, например, лексема «*живой*» означает «*имеющий признаки жизни, кажущийся реальным*», тогда как «*труп*» — «*мертвое тело человека или плоть животного*».

Оксюморон может использоваться автором для характеристики персонажа и выявления его недостатков. В данном отрывке, называя героя «*бесом благородным*», автор подчёркивает его лицемерие:

*Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что в сердцах* [Некрасов 1965: 61] ...

Использование оксюморона «*благородный бес*» создаёт сильный контраст между традиционным представлением о бесах как злом духе и качествами, не свойственными благородному человеку. Это сочетание позволяет углубить восприятие персонажа, показать его многогранность и противоречивую натуру, а также вызвать у читателя вопросы о моральных ценностях и сущности добра и зла.

Оксюморон может возникать за счёт однокоренных слов с противоположными значениями. В стихотворении Н. А. Некрасова «Наш век» можно встретить такие примеры, когда контрастные термины, например, «*человек*» и «*бесчеловечно*», подчёркивают противоречивость и сложность восприятия определённых явлений:

*Свет похож на торг, где вечно,
Надувать других любя,
Человек бесчеловечно
Надувает сам себя* [Некрасов 1965: 115].

Выражение *«человек бесчеловечно»* иллюстрирует оксюморон, объединяя противоречащие концепции. Оно подчёркивает возможность проявления жестокости и бездушия в действиях, исходящих от человека. Использование таких единиц, которые сохраняют одну морфологическую форму, но при этом представляют собой антонимы, создаёт эффект ослабления контраста и подчёркивает сложность и многослойность рассматриваемых явлений.

Оксюморон, как парная фигура речи, представляет собой сочетание противоположных или несовместимых понятий, которые в обычной речи не могут сосуществовать. Это намеренное использование противоречия создаёт особый стилистический эффект, позволяя глубже передать эмоциональную нагрузку и сложность описываемого явления. Чаще всего оксюморон используется для подчёркивания парадоксальности ситуации, нарушения привычных стереотипов мышления и привлечения внимания читателя или слушателя. Он помогает раскрыть многогранность человеческих эмоций и отношений, а также обострить восприятие социальных и моральных проблем:

Со всех сторон его клянут

И, только труп его увидя,

Как много сделал он, поймут,

И как любил он –ненавидя! [Некрасов 1965: 128]

Словосочетание *«любить ненавидя»* является ярким примером оксюморона, объединяющего два противоположных чувства — любовь и ненависть. Эти чувства традиционно воспринимаются как антонимичные и несовместимые, однако их совместное употребление создаёт особую эмоциональную глубину и подчёркивает сложность человеческих отношений. Такой оксюморон может отражать внутренние противоречия человека, одновременно испытывающего теплоту и неприязнь к одному и тому же объекту, либо указывать на запутанные и сложные чувства в контексте различных взаимоотношений. Это выражение эффективно демонстрирует, что эмоции могут быть многослойными и противоречивыми, а человеческая психология — крайне сложной и неоднозначной.

*И как зари румянец дальный
Иль дней былых **немая речь**,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свет* [Фет 1956: 98].

Ещё одним ярким примером оксюморона является выражение «**немая речь**». Это сочетание объединяет противоречивые понятия: «**немой**», означающий отсутствие звука или невозможность говорить, и «**речь**», подразумевающую обмен мыслями и чувствами через слова. Используя такое выражение, поэт А. А. Фет подчёркивает парадоксальность человеческих эмоций и коммуникации. Этот оксюморон создаёт мощный образ, который заставляет задуматься о том, как часто мы испытываем чувства, но не находим слов для их выражения:

Таким образом, экспрессивность оксюморона заключается в способности создавать яркие и запоминающиеся образы через объединение противоположных или противоречащих понятий. Это слияние позволяет не только выразить сложные эмоциональные состояния, но и привлечь внимание читателя или слушателя, заставляя задуматься о парадоксальности и многообразии человеческих чувств и переживаний. Оксюмороны в художественной речи становятся инструментами разрушения стереотипов, расширяя границы восприятия и побуждая искать новые интерпретации известных понятий. Оксюморон используется в поэзии для метафорического описания физиологических отклонений персонажей, аномалий в природе и парадоксальных явлений. Основой для оксюморона служит словосочетание, объединяющее контрастные значения. Для создания противоречивых образов и ассоциаций на структурно-морфологическом уровне чаще всего употребляются сочетания прилагательного с существительным или наречия с глаголом.

3.14. Парадиастола – фигура контраста синонимов

Исследование лексики и семантики контрастов опирается на их структуру и функцию, которые были подробно рассмотрены в лингвистике, но до сих пор не

получили полного научного обобщения и систематизации. В рамках данной работы предпринята попытка формирования универсальной лексико-семантической системы, в которой классификация контрастов строится на основе анализа их внешнего и внутреннего строения.

Парадиастола — это риторическая фигура, основанная на противопоставлении синонимов или понятий. Она акцентирует внимание на контрастах, придавая словам сопоставимые значения, как синонимические, так и антонимические. Эта фигура помогает выразить противопоставление и подчеркнуть смысловые оттенки в тексте. Парадиастола активно используется в художественной и ораторской речи, особенно в заключительных частях высказываний, отражая упорядоченный контраст между двумя идеями.

Такие лингвисты, как Л. А. Введенская, Л. А. Новиков и В. А. Иванова, подчёркивали взаимосвязь между синонимией и антонимией, отмечая, что их взаимодействие обогащает выразительность речи и способствует более глубокому пониманию сравниваемых концептов. Синонимические отношения проявляются в контексте и требуют анализа смысловых связей и структур, поскольку значение синонимов может меняться в зависимости от контекста их употребления, а также от синтаксических конструкций. Это позволяет выявить различия и смысловые акценты, которые влияют на интерпретацию и восприятие текста. Например:

*Пустынник был **неговорлив**;*

*Мишук с природы **молчалив**: [Крылов 1982: 106].*

Синонимы могут различаться не только по значению, но и по стилистической окраске. В качестве примера можно привести слова «**неговорлив**» и «**молчалив**», которые имеют схожее лексическое значение и могут использоваться в одном контексте, передавая при этом слегка различающиеся смысловые оттенки: «**неговорлив**» чаще встречается в разговорной речи, тогда как «**молчалив**» обладает более нейтральной или литературной стилистической окраской.

Слияние различных стилей в пределах одного контекста может быть обусловлено авторским намерением выразить определённую оценку по

отношению к предмету обсуждения. Такое смешение позволяет достичь как эмоциональной выразительности, так и образности высказывания.

Использование синонимов помогает избежать лексических повторов, тем самым придавая тексту стилевое разнообразие и обеспечивая его плавность и гармоничность. Это особенно актуально в художественной литературе и других творческих жанрах, где важны ритм, образность и эмоциональное воздействие.

Следует также отметить, что тщательный подбор синонимов способствует более точной передаче авторских мыслей и эмоций. В работах Д. Э. Розенталя и И. Б. Голубя подчёркивается, что синонимы не только оживляют речь, но и усиливают её выразительность, позволяя варьировать настроение и атмосферу текста [Голуб 2005: 112].

Это особенно заметно в поэтических произведениях, где каждое слово имеет особую значимость. В поэзии синонимы не только вносят разнообразие, но и добавляют словам коннотативный смысл, что в итоге обогащает читательский опыт. Например:

Почти у всех во всем один расчет:

*Кого то лучшие **проведет***

*И кто кого хитрей **обманет*** [Крылов 1982: 189].

Использование таких синонимов, как «**проведёт**» и «**обманет**», не только обогащает текст, но и позволяет автору передать тонкие смысловые и эмоциональные оттенки. Каждое из этих слов придаёт высказыванию свою собственную коннотацию и экспрессивную окраску. Так, «**проведёт**» может подразумевать более лёгкую, непринуждённую форму обмана, почти с оттенком игривости, тогда как «**обманет**» звучит более резко и предполагает злонамеренное действие. Таким образом, использование синонимов способствует формированию градационно-сопоставительных отношений, позволяя автору передавать более сложные идеи и чувства, а также удерживать внимание читателя. Подобное противопоставление делает текст более динамичным и насыщенным, подчёркивая мастерство автора в выборе лексических средств и формируя более глубокое, многослойное восприятие произведения.

Довольно толст, довольно тучен

Наш полновесистый герой.

Нередко весел, чаще скучен,

Любезен, горд, сердит порой [Лермонтов 1985: 24].

Выражения **«нередко весел»** и **«чаще скучен»** функционируют как синонимичные по значению конструкции, чьё противопоставление создаёт напряжение в характеристике героя. Упоминание о том, что персонаж **«часто весел»** и одновременно **«часто скучен»**, указывает на переменчивость его настроения, что может свидетельствовать о внутреннем конфликте или эмоциональной нестабильности.

Недостаток согласованности в использовании синонимов и антонимов в данном контексте формирует эффект контрастности, который автор может сознательно использовать для подчёркивания сложности личности героя. Такое лексико-семантическое построение позволяет изобразить персонажа как внутренне противоречивого, эмоционально неустойчивого и, следовательно, более реалистичного и живого.

Частая смена эмоциональных состояний героя вызывает у читателя интерес и сопереживание, так как многогранность и неоднозначность образа способствует более глубокому восприятию персонажа. Таким образом, использование слов с различными логико-семантическими значениями в пределах одного высказывания не только привлекает внимание, но и углубляет понимание характера, придавая ему объём, психологическую достоверность и выразительность.

Использование паронимов может значительно усилить эффект контрастного противопоставления в тексте. Такие слова создают эффект языковой игры, позволяют акцентировать внимание на различиях в значениях и передавать сложные эмоциональные или смысловые оттенки. Например: **«Я по-прежнему верю, — я верую теперь»** [Тургенев 2015: 542]. Работая с синонимами и паронимами, автор не только усиливает контраст, но и подчёркивает различия в значениях, что может служить выразительным средством для создания иронии, сатиры или акцентирования определённых аспектов сюжета. В приведённом

примере глаголы «*верить*» и «*веровать*» наглядно демонстрируют, как одна и та же идея может быть выражена через различные лексемы, обладающие разной степенью интенсивности и стилистической окраской.

Глагол «*верить*» воспринимается как более обыденный, общеязыковой, часто используемый в повседневной речи. В то же время «*веровать*» обладает более высоким эмоциональным зарядом, нередко ассоциируется с духовными или религиозными убеждениями и несёт более торжественный, возвышенный оттенок. Данное различие в экспрессивности позволяет автору точно подобрать слово, которое наиболее полно передаёт как его эмоциональное состояние, так и замысел. Таким образом, паронимы становятся не просто стилистическим украшением, а важным инструментом для углубления смысла и повышения выразительности текста.

Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,

Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит [Пушкин 1985: 17].

Противопоставление, основанное на временных контрастах между действиями «*охладил*» и «*заморозит*», позволяет ярко акцентировать изменения в отношениях и поведении героя. Эти два глагола, несмотря на семантическую близость, различаются по степени воздействия и временной протяжённости действия, а также по эмоциональной окраске. Глагол «*охладил*» передаёт ощущение временного, поверхностного и потенциально обратимого влияния — ослабления эмоций, утраты интереса или вдохновения. В противоположность ему, глагол «*заморозит*» подразумевает более интенсивное, глубинное и продолжительное воздействие. Он несёт в себе образ полного прекращения внутренней активности — будь то эмоциональной, креативной или психологической. В этом значении «заморозка» может символизировать окончательную блокировку чувств, отсутствие отклика, утрату вдохновения или эмоционального тепла.

Такое лексико-семантическое противопоставление подчёркивает внутреннюю динамику героя: от мимолётного отчуждения к устойчивому состоянию замкнутости; от временного творческого спада — к полной остановке

креативного процесса. Данный прием способствует более глубокому раскрытию психологического портрета персонажа, акцентируя внимание читателя на его внутреннем конфликте и эмоциональной сложности.

*Не **голос** чтется там, но сладостнейший **глас**;*

*Читают **око** все, хоть говорят все **глаз**;*

*Не **лоб** там, но **чело**; не **щеки**, но **ланины**;*

*Не **зубы** и не **рот** — **уста** там багряниты* [Тредиаковский 2009: 393].

Использование синонимов, акцентирующих различия и усиливающих выразительность текста, представляет собой важный приём в поэтическом дискурсе. Противопоставление таких слов, как «**голос**» и «**глас**», «**лоб**» и «**чело**», «**щёки**» и «**ланины**», не только подчёркивает присутствие архаизмов и влияния церковнославянской лексики, но и демонстрирует чёткое разграничение между двумя культурно-языковыми пластами — народно-разговорным и высокосторжественным [Корюкина 2016: 427]. Обращение автора к церковнославянизмам обусловлено стремлением сохранить традицию и желанием подчеркнуть эстетическую значимость и выразительный потенциал этой лексики в контексте поэтического жанра. Этот выбор формирует определённую стилистическую доминанту текста, насыщая его высоким, возвышенным звучанием.

При этом авторская позиция встраивается в широкую языковую дискуссию: в отличие от М. В. Ломоносова, ратовавшего за демократизацию языка и акцент на народно-разговорной лексике, поэт делает выбор в пользу архаической поэтичности, подчёркивая противоположный вектор развития литературного стиля.

Сравнительный анализ подобных пар синонимов показывает, что каждое слово несёт не только свой уникальный семантический оттенок, но и стилистическую нагрузку, которая отражает волю автора к созданию определённой интонации — от интимной до торжественно-приподнятой. Таким образом, использование лексем с различной стилистической окраской становится

не просто вопросом лексического выбора, а значимым элементом художественной стратегии и выражения авторской позиции.

Из этого следует, что взаимодействие различных стилей в поэзии Тредиаковского служит эстетическим целям и выполняет общественно-культурную функцию, отражая борьбу между традицией и новаторством — ключевую тему в развитии русского литературного языка.

Ничто и ты, закон! – подумает читатель, –

Когда не бодрствует, но дремлет председатель [Дмитриев 1967: 52].

Слова «*бодрствовать*» и «*дремать*» находятся в антонимических отношениях, однако в определённых контекстах их употребление может сближаться по смыслу — особенно при использовании отрицательной частицы. Это подчёркивает тонкость и гибкость семантической структуры языка, в которой значение слов нередко определяется не только их прямым значением, но и контекстом.

Так, выражения «*не бодрствует*» и «*дремлет*» могут описывать состояния пассивности или бездеятельности, однако передают различные степени этой пассивности. Глагол «*бодрствовать*» подразумевает активное, осознанное состояние, тогда как «*не бодрствует*» указывает на утрату этой активности, представляя переходное или промежуточное состояние — своего рода «затемнение» сознания. «*Дремать*» же описывает более глубокое расслабление, приближённое ко сну, и несёт в себе устойчивую характеристику сниженного уровня активности.

Этот семантический оттенок позволяет авторам варьировать эмоциональный фон и тон повествования, создавая более сложные, многослойные образы. Точное использование подобных лексических оппозиций усиливает выразительность текста и позволяет достичь тонкой передачи психологического состояния персонажей.

Таким образом, наблюдение за семантическими сближениями и расхождениями между словами играет ключевую роль в изучении языка и его выразительных средств. Это явление демонстрирует, как одно и то же слово

может обладать множеством значений и оттенков, что, в свою очередь, позволяет авторам создавать глубокие и многослойные иронические подтексты. Когда одно слово используется в разных контекстах, оно способно вызывать различные ассоциации и эмоциональные отклики.

В этом смысле ирония может возникать из противопоставления ожидаемого и реального значения слова, создавая эффект противоположности или игры слов. Наше исследование показало, что использование синонимов и антонимов в контексте парадоксала служит мощным средством создания контраста и подчеркивания смысловых оттенков текста.

Парадоксала, рассматриваемая как аспект антитезы, позволяет авторам более выразительно передавать противоречия и многогранные ощущения, акцентируя внимание на различиях в значениях слов. Упорядоченное сочетание синонимов и антонимов формирует богатый смысловой ряд, наглядно демонстрируя разнообразие эмоций и представлений о реальности.

Исследование также показало, что синонимы могут противостоять друг другу — при условии использования смысловых связей и противительных союзов, что способствует возникновению окказиональной антонимии.

3.15. Синкризис — прием симметрии сопоставительных отношений антитезы

В последнее время изучение эмоционально-экспрессивных категорий стало важной частью лингвистики, особенно в контексте прагматики и когнитивной лингвистики. Языковые средства — такие как лексика, синтаксис, стилистические приёмы и интонация — играют ключевую роль в передаче эмоций и выражении отношения автора к описываемой действительности.

Для создания яркого и экспрессивного контраста поэтами может использоваться такой вид антитезы, как синкризис. **Синкризис** — это стилистический приём, позволяющий создать выразительную и запоминающуюся конструкцию благодаря сочетанию контраста и параллелизма [Корюкина 2014:

115]. Он применяется для подчёркивания антонимичных значений, что, в свою очередь, углубляет смысловое восприятие текста.

Этот приём особенно эффективен в риторике, где важно произвести впечатление на слушателя. Упорядоченность и симметрия подобных конструкций заставляют задуматься о глубоком смысловом контрасте, который они представляют.

Необходимыми условиями синтаксических конструкций при использовании синкризиса являются: равное количество членов в каждой из конструкций; одинаковое синтаксическое отношение между членами внутри параллельных конструкций; единый порядок слов в элементах синтаксического повтора.

Первоначально приём синкризиса использовали софисты в своих риторических дискуссиях, выступая *за* и *против*, сравнивая различные положения с целью достижения кратчайшего и наиболее эффективного результата (Древняя Греция, вторая половина V — первая половина IV века до н.э.). Главной задачей данного приёма является выявление контрастных понятий, а также — посредством сравнения — возвеличивание или, наоборот, умаление личности и её действий. Например:

Царь почивает на престоле,

А *он* — забывшись- под столом [Языков 1988: 58].

В приведенном контексте фигуры «*царя*» и «*он*» (*пьяница*) противопоставлены прежде всего на уровне действия: царь «*почивает на престоле*», тогда как *пьяница* «*лежит, забывшись, под столом*». Наличие в тексте противительного союза «а» усиливает не только контраст между действиями, но и между их деятелями, что позволяет рассматривать данные образы как бинарные лексические единицы. Такое противопоставление обостряет восприятие и подчёркивает ироническую природу высказывания.

Боже! вина, вина!

Трезвому жизнь скучна,

Пьяному рай! [Языков 1988: 87]

Слова **«трезвый»** и **«пьяный»** находятся в отношениях противопоставления, однако в рассматриваемом предложении между ними установлена не только антонимия, но и сравнение.

Наличие такого сравнения в параллельно построенных синтаксических конструкциях указывает на использование приёма **синкризиса**. Он заключается в моделировании образа одного персонажа через сопоставление с другим — с целью либо их контрастного сравнения, либо выявления взаимосвязи между ними.

Чернит, румянит и белит,

***Веселых** плакать заставляет,*

***Печальным** петь велит* [Дельвиг 1986: 41].

В данном контексте речь идёт о моде, где автор предрекает юной Темире то, с чем ей придётся столкнуться по мере взросления и следования модным тенденциям. Мода заставит её совершать противоречивые действия, не соответствующие традиционным представлениям: *при веселье нужно петь и веселиться, при печали – плакать*, однако жертвы моды подчиняются иным предписаниям. Параллельно построенные предложения, содержащие как противопоставление, так и сопоставление, свидетельствуют о применении приёма синкризиса.

Но скажешь ты мне ласковое слово –

И горе куда-то унесло...

*Ты – **грозный** бич, карающий сурово,*

*Ты **светлый** луч, ласкающий тепло* [Апухтин 1991: 69].

Синкризис формируется с использованием как контрастных, так и параллельных принципов. В данном контексте наблюдаются элементы как синкризиса, так и оксюморона: в одном человеке сочетаются два противоположных характера — **«ты — грозный бич»** (жестокий, суровый) и **«ты — светлый луч»** (обладающий высокими моральными качествами; возвышенный, благородный). Такое соединение антонимичных качеств в одном образе подчёркивает внутреннюю сложность человека. Оно проявляется не только

в его поступках, но и в его отношении к миру — в мыслях, чувствах, убеждениях. Параллельность синтаксических конструкций усиливает выразительность противопоставления, а взаимодействие элементов синкризиса и оксюморона придаёт высказыванию философскую глубину и эмоциональную напряжённость.

*Великий вождь **вставал** с зарей для ратных дел,*

*А Клит **спал** часто по неделе. -*

«Все так! Да умер он, как вождь сей... на постеле» [Батюшков 1987: 268].

Взаимно построенные предложения находятся в отношениях противопоставления. Антонимы «**вставал**» (в значении «просыпаться») и «**спал**» выражают разнонаправленные бинарные понятия. В данном отрывке антитеза используется с целью сопоставления действий, которые, несмотря на противоположную направленность, приводят к одному и тому же исходу — смерти. Таким образом, автор стихотворения, указывая на бренность мира, с помощью этих антонимов выражает своё философское отношение к жизни, акцентируя внимание на её преходящем характере и неизбежности конца.

У меня в душе есть сила,

У меня есть в сердце кровь,

***Под** крестом – моя могила*

***Над** крестом- моя любовь!* [Кольцов 1986: 127]

Анафора, выраженная в повторении начальных строк, усиливается экспрессивностью за счёт наличия предлогов «**под**» и «**над**», которые обозначают оппозиционные пространственные отношения. Предлог «**под**» употребляется при указании предмета, места или лица, расположенных ниже, в то время как предлог «**над**» обозначает лицо, предмет или пространство, находящиеся выше или поверх чего-либо. Данные предлоги выражают разнонаправленные действия и создают пространственную оппозицию. Параллелизм синтаксических конструкций, возникающий на фоне анафоры, усиливает экспрессивность высказывания и служит средством выражения субъективного взгляда на действительность.

Путь – дорожка широка, да не длинна,

Разбегается в две стороны она:

*Как **налево** – на кладбище к мертвецам,
А **направо** – к закавказским молодцам* [Дельвиг 1986: 36].

Для подчёркивания положительных характеристик одного явления или предмета и отрицательных характеристик другого в тексте используются индивидуально-антонимичные образы. Так, например, в поэзии А. А. Дельвиг применяет антонимы «**налево**» и «**направо**» в контрастном сравнении, при этом к антонимам добавлены словосочетания «**как на кладбище к мертвецам**» и «**к закавказским молодцам**», что усиливает противопоставление и помогает сделать правильный выбор. Такой приём в поэтическом контексте служит средством выразительности и убеждения читателя, а в риторике выступает как метод манипуляции, посредством которого оратор достигает поставленных целей.

*Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
**Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам**»* [Пушкин 1985: 588].

К индивидуально-авторским сравнениям и противопоставлениям можно отнести резкий контраст в запахах новобрачных и покойников, выраженный в строке: «**Сладок мускус новобрачным, камфора годна гробам**». В словарях антонимов отсутствуют сведения о противопоставленных запахах, однако у А. С. Пушкина встречаются яркие примеры окказиональных синкризисов.

*Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна **не пригреет**,
Против милой жена **не утешит**»* [Пушкин 1985: 555].

Синтаксический параллелизм в поэтической речи усиливает эмоциональность высказывания, акцентирует внимание и подчёркивает связи между несколькими элементами. В рамках синкризиса он выполняет функцию сравнения бинарных противоположностей. Так, у А. С. Пушкина сопоставляются окказиональные антонимы: «**солнышко**» и «**луна**», «**милая**» и «**жена**».

Наше исследование показало, что синкризис в риторике известен давно и строится на сравнении противоположностей и использовании параллелизма. Этот приём применяется для представления одного персонажа или его действия через призму другого с целью сравнения или установления взаимосвязи между ними. В поэзии синкризис служит средством выразительности и направлен на убеждение собеседника, тогда как в риторике он выступает как метод манипуляции, с помощью которого оратор достигает своих целей. Наличие окказиональных антонимов свидетельствует о связи синкризиса с логикой, поскольку не все противоположности могут быть выявлены средствами лингвистики.

3.16. Синойкейозис как прием сходства в несходном в антитезе

Синойкейозис представляет собой сложный риторический приём, который может рассматриваться с разных позиций. Он близок к антитезе, однако, в отличие от традиционного противопоставления, акцент в синойкейозисе делается не на контрасте, а на связи и взаимодействии двух элементов, что создаёт новые смысловые оттенки. Как отмечает О. Н. Егорченко, синойкейозис характеризуется своей редкостью и оригинальностью, что может приводить к различным интерпретациям его природы и функций. Возможно, из-за своей уникальности синойкейозис вызывает разногласия: она рассматривается как «специфический тип сравнения, связанный с антитезой», «неожиданное сравнение, используемое в структуре сложного предложения», «вид антитезы, при котором противоположные понятия располагаются близко друг к другу, но их противопоставление не является главной целью» [Егорченко 2006: 14].

Синойкейозис (от греч. *synoikeiosis*, что означает «соединение») представляет собой уникальный тип сравнения, который предшествует контрасту [Корюкина, 2014: 149]. Основная особенность данного риторического приёма заключается в выявлении сходства между объектами, которые на первый взгляд кажутся несопоставимыми или не имеющими ничего общего. Для глубокого

понимания этого процесса важно определить, что именно делает сравнение неожиданным и какие элементы в нём играют ключевую роль. Например:

Ты богат, я очень беден;

Ты прозаик, я поэт;

Ты румян, как маков цвет;

Я, как смерть, и тощ и бледен [Пушкин 1985: 222].

Антонимы «**ты**» и «**я**» в данном контексте служат средством выражения сравнения. Оно усиливается через противопоставление образов: *ты обладаешь богатством, в то время как я нахожусь в крайней бедности, с точки зрения материального состояния; ты занимаешься прозой, а я поэзией – в плане своей деятельности; ты румян, а я бледен – по состоянию здоровья*. Путём такого контраста поэт стремится показать свою бессильность перед противоположным образом (царём), выражая жалость к себе и привлекая внимание читателя к своему положению, что и является целью приёма синойкейозиса.

Этот приём, основанный на сравнении, подчёркивает смысловой контраст и помогает выделить доминирующую концепцию или идею. Такие свойства синойкейозиса делают его эффективным инструментом выразительности языка и риторики, позволяя читателю или слушателю глубже прочувствовать атмосферу и настроение каждого момента.

Ты и убогая,

Ты и обильная,

Ты и могучая,

Ты и бессильная,

Матушка – Русь![Некрасов 1965: 398]

Выразительность контраста усиливается указанием на противопоставленные качественные признаки, характеризующие Русь с разных сторон: *убогая — обильная, могучая — бессильная*. Контраст создаётся внутри одного образа Руси, который одновременно содержит положительные и отрицательные черты. В результате перечисления возникает внутреннее противоречие.

В поэзии антитеза часто становится реакцией на события конкретного периода, а также формой выражения несогласия поэта с происходящими явлениями мира — что мы можем увидеть при чтении данного произведения.

У ней, родимой, требы многи:

Бедна по милости воров!

В ней пышны барские чертоги,

Но жалки избы мужиков [Некрасов 1965: 284].

Наличие антитезы в тексте может выполнять функцию сравнения. Такое сравнение часто выражается с помощью противительного союза, как, например, в строке: «*В ней пышны барские чертоги, но жалки избы мужиков*». Слово «*чертог*» означает пышное, великолепное помещение или здание, дворец (устаревшее значение), тогда как «*изба*» — это деревянный крестьянский дом. Противопоставление происходит через образы жилья, которые одновременно фиксируют социальный статус — барин против мужика. С нашей точки зрения, целью данного высказывания является сопоставление материального положения изучаемых противоположностей посредством использования лексических единиц — синонимов «*чертоги*» и «*избы*».

Дураков не убавим в России,

А на умных тоску наведем! [Некрасов 1965: 330]

При синойкейозисе сравнение осуществляется на двух уровнях — лексическом и синтаксическом. Лексический уровень представлен антонимами, такими как «*дурак*» и «*умный*», которые посредством противительного союза вступают в отношение сравнения. Признак, заимствованный синойкейозисом у антитезы, заключается в использовании основных компонентов — антонимов. При этом синойкейозис акцентирует внимание на различиях между антонимами и подчёркивает контраст в их значениях. В приведённом примере слово «*дурак*» подчёркивает негативные характеристики и выделяет резко отрицательное значение данного понятия.

Подводя итог, можно отметить, что антитеза является универсальным приёмом с разнообразными функциональными возможностями. Одной из

ключевых особенностей метода синойкейозиса является установление параллелей между словами-антонимами. Основная задача данного приёма — выявление смысловых различий между сопоставляемыми терминами и акцентирование преобладающего значения одного из противоположных понятий на основе проведённого сравнения.

Выводы по 3 главе

Семантико-структурный и экспрессивный анализ контрастов в поэзии принимает разнообразные формы и выходит за рамки традиционных приёмов, таких как антитеза и оксюморон. В рамках нашего исследования был проведён анализ пятнадцати различных видов антитез — стилистических приёмов, основанных на принципах противопоставления и контраста, которые входят в семантическую систему языка и предоставляют возможности для глубокого изучения их взаимодействия. Такой подход позволяет выявить выразительность контрастов в языке и литературе, а также проследить изменчивость и уникальность их применения. Для удобства анализа данные стилистические приёмы были систематизированы в алфавитном порядке.

Акротеза — приём, представляющий собой конструкцию двух типов: **1) А, но не Б** и **2) Не Б, а А**, в которой одно свойство акцентируется за счёт исключения другого, создавая противопоставление. Например, в выражении *«Что подлец, кто без копейки, а не тот, кто без души»* логическое ударение смещается на второй компонент, делая его более значимым и создавая контраст с его отрицанием. Такой приём позволяет избежать сложных сравнений и делает высказывание более запоминающимся. Следовательно, использование акротезы приводит к некоторой избыточности в речи, что усиливает экспрессивность высказывания.

Аллойозис — приём, основанный на контрасте и сопоставлении противоположностей. Аллойозис акцентирует внимание на различиях и

противоречиях между двумя или несколькими элементами, создавая выразительное и эффектное сопоставление. Например: *«К глупым полон благодати, к умным беспощадно строг»*. Такой приём подчёркивает творческий подход автора к построению высказываний и его способность передавать сложные концепты через контраст и сопоставление.

Аллеотета (др.-греч. *αλλοτης* — различие, изменение) — фигура речи, в которой компоненты состоят из словоформ одной и той же лексемы, но противопоставлены друг другу через различные грамматические значения. Например: *«Не женихи, а женишонки!»*. Аллеотета обладает яркой экспрессивностью и информативностью: в каждом примере антитезы вносится новая информация посредством опровержения первичной.

Альтернатеза — приём передачи чередования событий, действий и других элементов речи, основанный на антитезе. Для выражения альтернатезы используется разделительный союз *«то..., то...»*, который создаёт противопоставление, например: *«Острым то глупо, то умно»*. Параллельное синтаксическое построение придаёт тексту эстетическую привлекательность, повышая художественную ценность произведения, усиливает выразительность, создаёт эффект чередования, что делает текст более мелодичным и запоминающимся, упрощая его восприятие.

Для смягчения негативной информации применяется приём **антанагога** (греч. *antanago* — «выводить против»), суть которого заключается в компенсирующем уравнивании какого-либо утверждения противоположным аргументом. Например: *«Жизнь ненавистна, но и смерть страшна»*. Антанагога в поэзии помогает создать более уравновешенное представление о теме, снижая вероятность негативной реакции со стороны собеседника. Заменяя негативную информацию положительной, автор делает идею более привлекательной и убедительной, несмотря на её недостатки.

Антиметабола (от греч. *ἀντί* — «против» и *μεταβολή* — «перемена», «изменение») — стилистический приём, разновидность антитезы, основанная на лексическом повторе с изменением порядка слов. Например: *«Она была как*

нищая бедна, и беден был он так же, как она». Антиметабола создаёт эффект парадокса и побуждает к размышлениям, что делает её полезной в литературе, риторике и публичных выступлениях.

Антифразис — приём, позволяющий обойти прямое выражение мысли и создать ироничный или саркастический эффект, например: *«Неподкупен — как Иуда, храбр и честен — как Фальстаф»*. Антифразис даёт возможность автору скрыть истинные чувства и мнения, выражая критику или недовольство более мягким, ироничным способом.

Амфитёза (от древнегреч. *amphi* — «с обеих сторон») — стилистический приём, объединяющий два противоположных признака и отражающий их взаимосвязь. Пример амфитёзы включает утверждения, которые одновременно подчёркивают как положительные, так и отрицательные аспекты одного явления, например: *«И ненавижим мы, и любим мы случайно»*. Этот приём позволяет передать сложные эмоции и идеи, создавая пространство для различных интерпретаций, выходящих за рамки простого деления на «хорошо» и «плохо». Амфитёза помогает показать, что явление или ситуация имеют как положительные, так и отрицательные стороны, что делает аргументацию более сбалансированной и способствует глубокому осмыслению высказанного.

Апофонема — структурно-семантический приём антитезы, подразумевающий наличие скрытого или неявного поучения, выраженного через контрастные идеи. Данный приём позволяет донести моральную или философскую мысль до читателя посредством противопоставления без прямого указания на неё. Например: *«Иной как зверь, а добр; тот ласков, а кусает»*. Через назидание апофонема передаёт важные жизненные уроки, принципы и ценности, способствующие развитию человека как гармоничного и этически осознанного существа.

Слияние противоположных слов с помощью союза *«ни X, ни Y»* создаёт эффект выразительного контраста, акцентирующего внимание на среднем свойстве и отвергающего крайние варианты. Этот приём называется **диатеза** — инструмент, усиливающий ключевые мысли, например: *«Ни ненавидя, ни любя»*.

Функция диатезы в поэзии заключается в сравнении двух противоположных понятий, что помогает чётче обозначить среднее состояние или качество, а также передать сложные чувства или идеи, не поддающиеся описанию простыми терминами.

Дизъюнктеза — приём, заключающийся в достижении максимального противопоставления значений в высказывании путём выбора одной из альтернатив. Анализ структуры дизъюнктезы показывает, что противоположные понятия часто соединяются с помощью разделительных союзов: *«либо А, либо Б», «или А, или Б»*. Пример: *«Я праздный отдал бы покой / За несколько мгновений Блаженства иль мучений»*. В контексте такие разделительно-предположительные конструкции могут выражать неуверенность, неизвестность, двойственность восприятия, внутренний конфликт, а также поиск смысла в жизненной ситуации. Приём эффективно передаёт сложное эмоциональное состояние субъекта и подчёркивает амбивалентность описываемого явления.

Оксюморон — приём, основанный на соединении слов с логически несовместимыми значениями, например: *«Человек бесчеловечно / Надувает сам себя»*. Оксюморон используется для метафорического изображения внутренних противоречий героя, парадоксальных явлений природы или социальной действительности. Он служит выразительным средством, подчеркивающим абсурдность, иронию или трагизм описываемой ситуации.

Парадиастола — редкий стилистический приём, представляющий собой контрастное противопоставление синонимов. В рамках этой фигуры лексемы, обычно воспринимаемые как близкие по значению, используются для создания противопоставления. Например: *«Не голос чтется там, но сладостнейший глас»*. Тем самым запускается процесс переоценки ценностей и обнажаются едва уловимые различия между, казалось бы, тождественными понятиями.

Синкрисис — приём, основанный на построении параллельных словосочетаний или фраз, содержащих противоположные по значению элементы. Пример: *«Трезвому жизнь скучна, / Пьяному — рай!»*. Синкрисис строится одновременно на контрасте и параллелизме, позволяя сопоставить явления или

состояния через структурное и смысловое противопоставление. Он используется для выявления различий между персонажами, действиями или состояниями и подчёркивает их взаимосвязь.

Синойкейозис — это особый приём сравнения, основанный на антитезе. Примером может служить строка: *«Ты богат, я очень беден; / Ты прозаик, я поэт»*. Уникальность синойкейозиса заключается в том, что он демонстрирует сходство или внутреннюю связь там, где на первый взгляд преобладают различия. Посредством данного приёма акцентируется внимание на противоположностях, выявляется контраст значений, а также выделяется доминирующая сторона в паре сопоставляемых элементов. Таким образом, синойкейозис сочетает в себе элементы антитезы и параллелизма, служа не только для противопоставления, но и для создания сложной смысловой структуры, способной выражать многоплановые отношения между явлениями.

Наличие стилистических фигур, основанных на антитезе и рассмотренных в данной работе, свидетельствует о широком диапазоне функционально-семантических характеристик понятия антитезы в современном русском языке. Как показывает проведённое исследование, антитеза обладает высоким экспрессивным потенциалом, отражающимся как в характере отношений между её компонентами, так и в способах выражения этих отношений с помощью разнообразных языковых средств.

Предлагаемая в работе классификация стилистических приёмов, основанных на категории противоположности, охватывает основные разновидности антитезы и антонимии. Она способствует более глубокому пониманию источников и природы окказиональных антонимов, а также раскрывает механизмы их функционирования в тексте. Разработанная система типологизации антитезы направлена на восполнение существующего пробела в лингвистике, литературоведении и стилистике, а также может служить практическим инструментом для студентов филологических и журналистских факультетов.

Следует отметить, что представленная классификация не является исчерпывающей. Некоторые разновидности антитезы, такие как антитетон или дезинтификация, не зафиксированы в поэтической практике XIX века, но становятся характерными для литературы XX века, так как усиливается стремление поэтов к выражению сложных эмоциональных состояний и к поиску новых экспрессивных форм. Таким образом, изучение антитезы в поэтическом дискурсе XX века представляет собой перспективное направление дальнейших исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Возможности антитезы проявляются во взаимосвязи антонимии с приемами выражения противоположности. Выделяются следующие типы антонимии и соответствующие им приемы антитезы:

— **комплементарные** — лексические антонимы, встречающиеся во многих разновидностях приемов антитезы, таких как *акроте́за*, *алло́йозис*, *альтернатеза*, *антаного́га*, *антифразис*, *апофо́нема*, *диате́за*, *дизъюнкте́за*, *синкри́зис*;

— **контрадикторные** — однокорневые антонимы, отражающие прием антитезы *аллеотета*;

— **контрарные** — отражают прием антитезы *парадиастола*;

— **конверсивные** — отражают прием антитезы *антиметабола*;

— **векторные** — выражают разнонаправленность и цикличность действия, выявляемые в приеме антитезы *антиметабола*.

Кроме того, мы предлагаем учесть еще одну разновидность противоположности — **ассоциативную**, которая обнаруживается посредством знаний синтаксических конструкций и окказиональных антонимов.

2. Функционально-семантический потенциал антонимов проявляется в выражении лексических значений в рамках категории «противоположность». Контрадикторные противоположности представляют собой двуполярные явления — положительные и отрицательные — и выражаются посредством отвлечённых существительных, субстантивированных прилагательных, глаголов, деепричастий и предикативов. Комплементарные противоположности репрезентированы глаголами с семантикой действия и его отсутствия. Контрарные противоположности выражаются причастиями и наречиями с временным значением. Векторные противоположности представлены глаголами с циклической семантикой начала и конца действия, а также разнонаправленными действиями, соотносящимися с одним и тем же субъектом, что может свидетельствовать о психологической неустойчивости персонажей.

Конверсивная противоположность в поэтическом тексте не представлена, что обусловлено её разговорной природой, сложностью восприятия, а также особенностями ритма и структуры стихотворной речи. Ассоциативная противоположность выражается через отвлечённые существительные, чаще всего представленные архаизмами.

3. Исследуя семантико-структурный класс антонимов, мы пришли к следующим выводам. Однокоренные антонимы не являются чуждыми русской поэзии XIX века и встречаются чаще, чем лексические антонимы. Рассматривать однокоренные антонимы как «слабые» или неполноценные не соответствует действительности, поскольку в ряде случаев только наличие антонимичных приставок обеспечивает противопоставление (например: *страдать* — *отстрадать*, *заплетать* — *расплетать*, *бить* — *не бить* и др.).

Антонимы между разными частями речи противоположны за счёт наличия в их значениях противоположных семантических компонентов. Противопоставление между словом и словосочетанием может рассматриваться как авторские контекстуальные антонимы.

Большинство приведённых нетипичных оппозиций относятся к общепозэтическим стратегиям, намеренно используемым авторами с целью создания экспрессивности речи и яркого контраста. В ходе анализа социолингвистических квазиантонимов нами было установлено, что наличие противительных союзов и тире усиливает выраженность контрастных признаков.

Под социоантонимами скрывается глубинный смысл, реализуемый через метафору и метонимию, что, в свою очередь, расширяет тематический спектр лингвистических исследований: анализируются конкретные антонимические ряды и их функциональные характеристики.

Энантисемиа представлена примерами окказионального характера, что свидетельствует о гибкости антонимических связей и потенциале их индивидуально-авторского использования.

4. Особая роль в создании антитезы принадлежит синтаксическим средствам. Для поэзии, построенной на принципе противопоставления,

характерны устойчивые синтаксические модели, выражающие семантико-синтаксические отношения противопоставления, сопоставления, перечисления, разделения, соединения, возмещения и взаимозамещения.

Наиболее продуктивной синтаксической структурой в русской поэзии является сложносочинённое предложение с противительными союзами: *а, но, то... то..., или... или....*

5. Экспрессивный потенциал антитезы проявляется в активном использовании тропов — метафоры, метонимии, иронии, сарказма, а также в употреблении антонимов с отрицательной (негативной) семантикой в препозиции (в частности, у М. Ю. Лермонтова) и приёмах словесной игры. Эти средства обеспечивают максимальную экспрессивность поэтической речи, способствуют созданию ярких и запоминающихся выражений, усиливают контраст аргументации, что делает антитезу важным инструментом в арсенале как писателей, так и ораторов.

6. В процессе нашего исследования был проведён анализ 15 различных приёмов антитезы — стилистических средств, основанных на принципе противопоставления и контраста. Для удобства восприятия мы упорядочили эти приёмы в алфавитном порядке. Ниже представлены их краткие характеристики:

Акротеза — художественный приём, передающий утверждение одной противоположности за счёт отрицания другой (*Что подлец, кто без копейки, а не тот, кто без души*).

Аллойзис — изобразительно-художественный приём, основанный на сопоставлении противоположностей (*Житьё в ней нищим трудное, миллионерам — рай*).

Аллеотета — приём, основанный на противопоставлении форм слова или однокоренных слов (*А ей они на взгляд не женихи, а женишонки*).

Альтернатеза — приём, выражающий чередование противоположностей, часто оформляемый как ряд однородных членов или сложносочинённое предложение с разделительным союзом *то... то...* (*Над ним столичные давно острят то глупо, то умно*).

Антанагога — приём, основанный на уравнивании негативного утверждения позитивным, часто реализуется в составе сложносочинённого или бессоюзного предложения (*Сумка с виду хоть мала — много в ней добра и зла*).

Антиметабола — разновидность антитезы, построенная на симметричном лексическом повторе с противоположным значением (*И он не отстоял отчизны, но поле битвы отстоял*).

Антифразис — приём, при котором используется слово или выражение в противоположном, ироническом смысле, часто с целью скрытой похвалы или упрёка (*Спешу поздравить с неудачей: она — блистательный успех*).

Амфитеза — приём, в котором утверждаются одновременно два противоположных признака, объединённых в одном субъекте (*Он и счастлив, и грустит, нашим песням молча вторит*).

Апофонема — художественный приём, в котором антитеза используется как форма поучения (*Опасен крупный враг, а мелкий — часто вдвое*).

Диатеза — приём подчёркивания промежуточного свойства посредством отрицания крайних признаков, как правило, с конструкцией *ни... ни...* (*Темно. Ни холодно, ни знойно*).

Дизьюнктеза — приём выражения крайней семантической противоположности через выбор одного из двух взаимоисключающих вариантов (*Я праздный отдал бы покой за несколько мгновений блаженства иль мучений*).

Оксюморон — приём, сочетающий в себе логически несовместимые понятия, противопоставленные внутри одного словосочетания или высказывания (*Человек бесчеловечно надувает сам себя*).

Парадиастола — приём контрастного противопоставления синонимичных понятий с целью стилистического или ценностного разграничения (*Не лоб там, а чело, не щеки, а ланиты*).

Синкрисис — приём параллельного сопоставления противоположных характеристик в форме антонимичных словосочетаний или предложений (*Весёлых плакать заставляет, печальным петь велит*).

Синойкейозис — приём, в котором после предварительного противопоставления выявляется неожиданное сходство между двумя на первый взгляд несовместимыми понятиями (*Ты богат, я очень беден; ты прозаик, я поэт*).

7) Анализ антитезы в русской поэзии XIX века показал, как данный приём постепенно эволюционировал и адаптировался к изменяющимся культурным и литературным условиям эпохи. Статистические данные подтверждают, что антитеза является сравнительно новым приёмом для поэзии раннего XIX века и значительно чаще используется в произведениях поэтов послепушкинского периода. См. табл. 1.

Автор	Кол-во проанализированных стихотворений	Кол-во антитез	Частота использования антитезы (%)
И. А. Крылов	191	15	7.85
Ф. Н. Глинка	44	16	36.36
К. Н. Батюшков	35	15	42.86
П. А. Вяземский	58	39	67.24
А. А. Бестужев	28	4	14.29
А. А. Дельвиг	107	16	14.95
А. С. Пушкин	30	6	20.00
Е. А. Баратынский	24	7	29.17
Н. М. Языков	109	21	19.27
Ф. И. Тютчев	46	15	32.61
М. Е. Кольцов	126	15	11.90
М. Ю. Лермонтов	111	106	95.50
Н. А. Некрасов	132	151	114.39
Г. А. Аполлон	115	38	33.04
Л. А. Мей	71	24	33.80
А. Н. Апухтин	210	44	20.95
В. Я. Брюсов	167	18	10.78

Табл. 1. Статистический анализ употребления антитезы в поэзии XIX века

1. Ранний XIX век (до 1830-х годов): формирование приемов противопоставления

Поэты: И. А. Крылов, Ф. Н. Глинка, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. А. Бестужев, А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин.

Особенности:

Антитеза используется эпизодически.

Частотность относительно низкая — от 4 до 39 случаев на корпус 30–100 стихотворений.

Преобладает классическая риторика: антитеза применяется в морализаторских и философских контекстах (басни, оды, элегии).

У Пушкина, несмотря на масштаб личности, антитеза представлена сдержанно — 6 примеров в 30 стихотворениях.

Вывод: в этот период антитеза ещё не стала устойчивым поэтическим приёмом. Её использование ограничено рамками классицистской и сентиментальной поэтики.

2. Переходный период (1830–1850-е годы): усиление индивидуального авторского стиля

Поэты: Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев, М. Е. Кольцов, М. Ю. Лермонтов.

Особенности:

Возрастает экспрессивность и философичность языка.

Чёткое увеличение частотности антитезы у Лермонтова (106 примеров в 111 стихотворениях) — почти в каждом произведении.

У Тютчева и Языкова антитеза применяется умеренно, но стабильно.

Начинает складываться традиция антитетического мироощущения (борьба добра и зла, жизни и смерти, судьбы и свободы).

Вывод: в поэзии середины века антитеза становится **маркером внутреннего конфликта, средством философской рефлексии**, а не только стилистической фигурой.

3. Вторая половина XIX века (1850–1890-е): пик продуктивности

Поэты: Н. А. Некрасов, Г. А. Аполлон, Л. А. Мей, А. Н. Апухтин.

Особенности:

У Некрасова зафиксирована **наивысшая частотность**: 151 пример в 132 стихотворениях — показатель, превосходящий даже Лермонтова.

Антитеза активно используется в гражданской и социальной лирике (контраст «богатый — бедный», «угнетатель — угнетённый» и т. п.).

У Апухтина и Мея антитеза приобретает лирико-драматическую окраску: внутренние конфликты, любовные переживания, двойственность чувств.

Вывод: во второй половине века антитеза становится **универсальным выразительным приёмом**, широко используемым в самых разных жанрах — от гражданской лирики до интимной и философской поэзии.

4. Рубеж XIX–XX веков: спад частотности

Поэт: В. Я. Брюсов

Особенности:

Частотность снижается (18 примеров в 167 стихотворениях).

В символистской поэтике антитеза частично утрачивает прямую лексическую выраженность — противопоставления становятся более образными, аллюзивными, ассоциативными.

Антитеза сливается с оксюмороном, парадоксом, метафизическим контрастом.

Вывод: антитеза в начале XX века **трансформируется** — из формальной фигуры она переходит в разряд **скрытых смысловых конструкций**.

Таким образом, проведенный анализ показал, что антитеза эволюционирует от риторического украшения к глубоко содержательному, экспрессивному и философскому приёму.

Наиболее продуктивные периоды: **середина и вторая половина XIX века** (Лермонтов, Некрасов).

К началу XX века наблюдается спад частотности, но не значимости: антитеза сохраняется как **структурный элемент художественного мышления**, хотя и менее явно выраженный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аббасова, А. М. Архитектоническая функция антитезы в художественном тексте: (на материале немецкого и азербайджанского языка): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Аббасова Айбениз Мардан кызы. – Баку, 1990. – 210 с.
2. Аврасин, В. М. Контраст в тексте: сущность и основы типологии / В. М. Аврасин // Структура языкового сознания. – М.: Наука, 1990. – С. 128–138.
3. Агамурдова, Р. Ш. Функционирование принципа противопоставления в элокутивно-орнаментальных лингвистических единицах русского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Агамурдова Рагимат Шафидиновна. – Махачкала, 2009. – 22 с.
4. Андреева, Г. В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Андреева Галина Вадимовна. –Л., 1984. – 18 с.
5. Аникушина, О. Н. Контекст как основа познания: социокультурный аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 09.00.01/ Аникушина Ольга Николаевна. –Томск, 1999. –16 с.
6. Апресян, Ю. Д. Проблема синонима / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1957. – № 6. – С. 84-88.
7. Апресян, Ю. Д. Опыт теории антонимов / Ю. Д. Апресян // Структурно-математические методы моделирования языка: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – 1970. – С. 8–10
8. Апресян, Ю. Д. Синонимия и конверсивы / Ю. Д. Апресян // Русский язык в национальной школе. — 1970. — № 6. – С. 8–17.
9. Апресян, Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. 1971. —1972. – С. 439–458.
10. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М.: Наука, 1974. — 367 с.
11. Аристотель. Категории/ Аристотель // Сочинения в 4 т. Т. 1. — М.: Наука, 1978. – 50 с.

12. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Минск: Литература, 1998. — 1112 с.
13. Аристотель. «Риторика» (Перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко под ред. О. А. Сычева и И.В. Пешкова.) Поэтика (Перевод В. Г. Аппельрота под ред. Ф. А. Петровского.) / Сопровождающая статья В. Н. Марова. — М.: Лабиринт, 2000. — 224 с.
14. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. — СПб.: Алетейя, 2002. — 832 с.
15. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5 – 32.
16. Бабаханова, Л. Т. Структурно-семантические особенности антитезы как стилистического приема: дис. ...канд. филол. наук: 10.00.00 / Бабаханова Лола Турсуновна. — Ташкент, 1967. — 200 с.
17. Балахонская, Л. В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средства создания контраста в произведениях А. Вознесенского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Балахонская Людмила Владимировна. — Л., 1987. — 18 с.
18. Бартон, В. И. Сравнение как средство познания / В. И. Бартон — Минск.: Изд-во БГУ, 1978. —128 с.
19. Бартошевич, А. К определению словообразовательной антонимии в современном русском языке / А. Бартошевич. // Болгарская русистика. —1983, № 3, — С. 42–46.
20. Баско, Н. В. Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) / Н. В. Баско. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: Диалог-МГУ, 1998. №. 6. — С. 51-59
21. Белова, Г. М. Лингвистические средства выражения антитезы: автореф. дис. ...канд. филол. наук:10.664 / Белова, Галина Михайловна. —М., 1970. —27 с.

22. Береговская, Э. М. Экспрессивный синтаксис / Э. М. Береговская — Смоленск.: СГПИ им. К. Маркса, 1984. — 92 с.
23. Богуславский, И. А. Отрицание и противопоставление / И. А. Богуславский // Проблемы структурной лингвистики. — 1982. — С. 63-76.
24. Боева-Омелечко, Н. Б. О терминологическом аппарате теории антонимии / Н. Б. Боева-Омелечко // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конференции. — 2007. — С. 91-93.
25. Боева, Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. ...канд. филол. наук:10.02.04 / Боева Наталья Борисовна. — М., 2001. — 367 с.
26. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идей времени / А. В. Бондарко. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. — 260 с.
27. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А. В. Бондарко. — М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2002. — 732 с.
28. Бочина, Т. Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц / Т. Г. Бочина. — Казань.: Изд-во Казан. ун-та, 2002. — 196 с.
29. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ Бочина Татьяна Геннадьевна. — Казань, 2003. — 50 с.
30. Бочина, Т. Г. Приемы контраста в русской паремике / Т. Г. Бочина // II международная конференция "Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы". — 2010. — С. 69-73.
31. Брагина, А. А. Семантические отношения между синонимами и антонимами (роль негативных форм) / А. А. Брагина // Русский язык в школе. — 1979. № 5. — С. 95–96.

32. Бродский, И. Н. Отрицательные высказывания / И. Н. Бродский. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. — 104 с.
33. Брудный, А. А. Значение слова и психология противопоставлений / А. А. Брудный // Семантическая структура слова. Психологические исследования. — 1971. — С. 16–27.
34. Бурканова, О. П. Роль фигур противоположности в структурно-смысловой организации немецкого гимна / О. П. Бурканова // Вестник НЛГУ. Выпуск 11. Язык и культура. — 2010. — № 18. — С. 18–26.
35. Валимова, Г. В. Функциональные типы предложений / Г. В. Валимова. — Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1967. — 329 с.
36. Введенская, Л. А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах / Л. А. Введенская // Краткие очерки по русскому языку. — Курск, 1966. №. 2. — С. 128–135.
37. Введенская, Л. А. О взаимодействии антонимии с синонимией / Л. А. Введенская // Вопросы лексикологии и фразеологии современного русского языка. — Ростов на/Д, 1968. — С. 68–74.
38. Введенская, Л. А. Синонимические пары антонимов // Русский язык в школе. — 1969. — № 4. — С. 107–109.
39. Введенская, Л. А. Сочетаемость антонимов / Л. А. Введенская // Краткие очерки по русскому языку. — 1970. — С. 182–187.
40. Введенская, Л. А. Проблема сочетаемости антонимов / Л. А. Введенская // Актуальные проблемы лексикологии. — 1970. — С. 42–43.
41. Введенская, Л. А. Антонимия между словом и свободным словосочетанием / Л. А. Введенская // Филологические этюды. Вып. I. Серия "Языкознание". — 1972. — С. 33–43.
42. Введенская, Л. А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01/ Введенская Людмила Алексеевна. — Ростов на/Д, 1973. — 36 с.

43. Введенская, Л. А. Понятие синонимико-антонимичной парадигмы / Л. А. Введенская // Филологические этюды. Серия «Языкознание». Вып. 2. —1976. – С. 47-58.
44. Введенская, Л. А. Антонимо-синонимический словарь и его значение для обучения русскому языку иностранцев / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – 1977. –С. 166-172.
45. Вежбински Я. Антонимо-синонимические отношения в лексике (На материале художественных произведений А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Вежбински Ярослав. — Ростов н/д, 1984. — 19 с.
46. Велитарская, Г. Н. Акротеза в структуре фразеологических единиц / Г. Н. Велитарская. // Молодой ученый. — 2018. — № 3 (189). — С. 227-229.
47. Власова, Ю. Н. Проблемы синтаксической синонимии в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Власова Юлия Николаевна. – Ростов н/Д, 1982. – 356 с.
48. Выстропова О. С. Антитеза как средство актуализации концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса / О. С. Выстропова //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №. 5-1. – С. 38-40.
49. Гаврилова, Е. С. Лингвистическое выражение противопоставления / Е. С. Гаврилова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – № 3. – С. 141–144.
50. Ганеев, Б. Т. Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке / Б. Т. Ганеев // Вестник Оренбургского государственного университета. –2003. № 4. – С. 9-14.
51. Ганеев, Б. Т. Противоречия в языке и речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Ганеев, Булат Толгатович. – Уфа, 2004. – 39 с.
52. Гаспаров, М. Л. Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. — СПб.: Азбука, 2000. – С. 423–472.
53. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М.: ФЛИНТА. 2018. – 576 с.
54. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970–1972. – 248 с.

55. Гелегаева, А. Р. Слова на ПРОТИВО- и АНТИ- в русском языке (Семантико-словообразовательная характеристика и происхождение): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Гелегаева, Ажабика Расуловна. – М., 1980. – 18 с.

56. Гельблу, Я. И. Антонимия и антитеза / Гельблу, Я. И. // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. XV. Сер. филол. наук. – Уфа, 1964. С.156-159.

57. Гельблу, Я. И. К вопросу об устойчивости и одинаковой сфере употребления антонимов // Вопросы общего и романо-германского языкознания. —1964. № 6 (10). – С. 251-258.

58. Гельблу, Я. И. Способы выражения антонимичности в современном немецком языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.02 / Гельблу Яков Иосифович. — Уфа, 1964. –17 с.

59. Глаголева, Н. П. К вопросу об антонимии / Н. П. Глаголева // Актуальные вопросы английской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. — Пятигорск: Пятигорск, гос. лингвистическ. ун-т, 2001. – С. 40 - 45.

60. Головкина, С. Х. Разновидности и группы эпитетов как средства языка [Электронный ресурс] / С. Х. Головина, С. Н. Смольников // Текстология.ру. — URL: <http://www.textologia.ru/russkiy/lingvisticheskiy-analiz/izobr-virazit-sredstva/raznovidnostii-gruppi-epitetov-kak-sredstva-yazika> (дата обращения 12.12.2021 г.)

61. Голота, Я. Я. Два типа противоположностей / Я. Я. Голота. – Л.: ЦНИ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 1992. Режим доступа: https://lib.uniubna.ru/search/files/stat_sbornik_docladov/volume_1/session_4/4_7.htm (дата обращения: 21.07.2022 г)

62. Голубева, М. В. Что такое ассоциации в психологии //Ассоциации к слову [Электронный ресурс]. Голубева, М. В. URL: <https://psychologist.tips/3491-chto-takoeassotsiatsii-v-psihologii-assotsiatsii-k-slovu.htm> (дата обращения: 23.11.2022).

63. Горбач, В. И. Проблемы диалектических противоречий / В. И Горбач. — М.: Наука, 1972. – 359 с.

64. Гудкова, К. В. Бинарные оппозиции и проблемы лексикографического описания антонимов / К. В. Гудкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – С. 109-115.

65. Давыдова, М. К. Антонимия как художественно-выразительное средство в романе М. Шолохова "Поднятая целина" / М. К. Давыдова. // Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та. — 1970. – С. 150–159.

66. Денисов, П. Н. Полисемия и классификация лексики / П. Н. Денисов // Словарные категории. — 1988. – С. 15–23.

67. Деметрий. Античные риторика / Собрание текстов, статьи, коммент. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи; [Вступ. статья А.Ф. Лосева]. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – С. 237–286.

68. Диалектическое противоречие. Сборник / Предисл. Б.М. Кедрова. — М.: Политиздат, 1979. – 343 с.

69. Диброва, Е. И. Антонимическая парадигма / Е. И. Диброва // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. –2001. – 243 с.

70. Дмитриевская, И. В. К вопросу о противоречиях и противоположных понятиях / И. В. Дмитриевская // Логико-математические очерки. — 1961. – С. 67–77.

71. Егорченко, О. Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01/ Егорченко Ольга Николаевна. – Барнаул, 2006. – 18 с.

72. Елизарова, Г. С. Функционально-стилистический аспект антонимических парадигм в художественных произведениях Л.Н. Толстого: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Елизарова Гузель Сарваровна. – Стерлитамак, 1994. – 168 с.

73. Ельцова, Е. Н. Антитеза и оксюморон как средства выражения контрастного мироощущения Ахматовой / Е. Н. Ельцова // Международная

ассоциация преподавателей русского языка и литературы. – М., 1999. – С. 126-141.

74. Зорин, П. О противоположностях [Электронный ресурс] П. О. Зорин // Санкт-Петербургский центр исследований сознания человека. 2019. Режим доступа: <http://soznanie.spb.su/articles/2440/> (дата обращения: 06.10.2022).

75. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. — 416 с.

76. Иванов В. В. Бинарные структуры в семиотических системах / В. В. Иванов, // Системные исследования. Ежегодник. 1972. — М., 1972. — С. 206 – 236.

77. Иванова, В. А. Антонимия в системе языка / В. А. Иванова. — Кишинев.: Штиинца, 1982. — 163 с.

78. Иванова, И. Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01/ Иванова Ирина Евгеньевна. – Иркутск, 2016. — 22 с.

79. Ильясова Р. С. Антонимия в современном чеченском языке в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20/ Ильясова Раиса Сайтхасанова. – Махачкала, 2013. – 20 с.

80. Исаев, А. В. К вопросу о соотношении лингвистического и логического в учении об антонимах / А. В. Исаев // Научн. докл. высш. школы. Филологические науки. – 1972. – №1. – С.49-56.

81. Исаченко, А. В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания. —1963. — № 2. – С. 39-56.

82. Ишханова, Д. И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ишханова Диана Игорьевна. – Ставрополь, 2007. – 204 с.

83. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. — 261 с.

84. Карпенко, С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Гумилева): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01./ Карпенко Светлана Михайловна. – Томск, 2000. — 22 с.

85. Катажина, Н. Об однокорневой антонимии имен существительных в русском и польском языках / Н. Катажина // *Studia rossica posnaniensia*, vol. XXXIV: Adam Mickiewicz University Press, Poznań. – 2008. – С. 163–169.

86. Кашицына, Е. Г. Система антонимов как средство выражения контрастов в прозе М. И. Цветаевой: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01/ Кашицына Евгения Григорьевна. – Казань, 2019. – 24 с.

87. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 205 с.

88. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. / Н. А. Кожевникова. — М.: «Наука». 1986. — 253 с.

89. Кожевникова, О. С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие» в исследованиях по стилистике / О. С. Кожевникова // Журнал «Вестник КрасГУ». Серия «Гуманитарные науки». – 2006. – № 3/2. –С. 204–206.

90. Колшанский, Г. В. Компоненты структуры текста / Г. В. Колшанский. – М.: МГЛУ, 2006. – с. 125–137.

91. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика. /Г. В. Колшанский. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 91 -95

92. Комиссаров, В. Н. Проблема определения антонимов (о соотношении логического и языкового в семасиологии) / В. Н. Комиссаров // Вопросы языкознания. —1957. — № 2. — С. 49-58.

93. Комиссаров, В. Н. Семантическая характеристика слов-антонимов: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Комиссаров Вилен Наумович. – М., 1961. –258 с.

94. Комиссаров, В. Н. Аффиксальные слова-антонимы в современном английском языке / В. Н. Комиссаров // НДВШ. Филол. науки. — 1962. — № 2. – С. 168–174.

95. Кононенко, В. И. Системно-семантические связи в синтаксисе (на материале русского языка в сопоставлении с украинским): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ Кононенко Виталий Иванович. – Киев, 1976. – 46 с.
96. Корнилова, Л. А. Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале английского и русского языков) / Л. А. Корнилова // Вестник Тамбовского университета. – 2011. Вып. 5 (97). – С. 241–244.
97. Корюкина, Е. С. Риторические возможности лексических антонимов / Е. С. Корюкина // Вестник ННГУ. Серия «Филология». – 2011. – №6. Часть 2. – С. 309 – 313.
98. Корюкина, Е. С. Парадиастола как риторический приём / Е. С. Корюкина // Вестник ННГУ. № 6 (1). – 2013. – С. 426 – 428.
99. Корюкина, Е. С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Корюкина Екатерина Сергеевна. – Нижний Новгород, 2014. — 202 с.
100. Костомаров, В. Г. Современный русский литературный язык: учебник для вузов / В. Г. Костомаров, В. И. Максимов. – М.: Юрайт. 2003. 666 – с.
101. Кравцова, В. Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Кравцова Виктория Юрьевна. – Волгоград, 2006. – 22 с.
102. Кузнецова А. А. Антиметабола как стилистическая фигура в современном русском литературном языке / А. А. Кузнецова // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. материалов II междунар. науч. конф. – 2007, – С. 53 – 59.
103. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. Пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
104. Лесник, М. Д. Об антонимичности прилагательных большой, маленький и сфере их употребления в современном русском литературном языке / М. Д. Лесник // Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. Вып. 18. Т. 4. –1952. – № 161. – С. 80 – 99.

105. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
106. Лукина, Г. Н. Синонимы и антонимы в пределах лексико-семантической группы слов / Г. Н. Лукина // Лексикографический сборник. — 1963. Вып. 6. — С. 105–116.
107. Лунькова, Л. Н. Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте / Л. Н. Лунькова, Ю. И. Фролова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. Т. 13 № 3. С. 758—773.
108. Лыткина, О. И. Практическая стилистика русского языка: учеб. Пособие / О. И. Лыткина, Л. В. Селезнева, Е. Ю. Скороходова. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 208 с.
109. Львов, М. Р. К вопросу о типах лексических синонимов / М. Р. Львов // Русский яз. в школе. — 1970, №3. — С.10 –16.
110. Львов, М. Р. Опыт систематизации лексических антонимов / М. Р. Львов // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. — 1972. — С. 307 – 311.
111. Львов, М. Р. Риторика. Культура речи / М. Р. Львов. — М.: Academia, 2003. — 271 с.
112. Максимов, Л. Ю. Антонимия как один из показателей качества прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Максимов Леонард Юрьевич. — М., 1958. — 18 с.
113. Маркасова, Е. В. Представление о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века / Е. В. Маркасова. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. — 204 с.
114. Маркус, С. Логический аспект лингвистических оппозиций / С. Маркус // Проблемы структурной лингвистики. — 1963. — С. 47 – 74.

115. Маслова, В. А. Логические и философские проблемы антонимии / В. А. Маслова // Труды Киргиз, ун-та. Сер. гуманитар. наук. – 1977. – С. 33 – 44.
116. Матвиевская, Л. А. О стилистическом использовании антонимов в лирике и поэмах М. Лермонтова / Л. А. Матвиевская // Русский язык в школе. – 1977. – №2. – С. 66 – 63.
117. Махмутова, Л. Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Махмутова Люция Рафаиловна. – Казань, 2009. — 24 с.
118. Меркурьева, Н. М. Антонимия сложных слов в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Меркурьева Наталия Михайловна. – М., 1996. – 22 с.
119. Миллер, Е. Н. Межчастеречная антонимия / Е. Н. Миллер // Филологические науки. – 1981. – №1. – С. 79 – 82.
120. Михайлов, В. А. Антонимия, бинарные и градуальные оппозиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Михайлов Владимир Александрович. — Л., 1983. —18 с.
121. Москвин, В. П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация) / В. П. Москвин. — Волгоград: Учитель. 2000. — 197 с.
122. Муташева, Г. Р. Антонимы и антонимические отношения в лексике и фразеологии кумыкского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Муташева Гульзарият Ризвановна. – Махачкала, 2010. — 22 с.
123. Никитина, С. А. Антонимо-синонимическая парадигма адъектива и ее словообразовательные связи в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Никитина Светлана Алексеевна. — Алма-Ата, 1987. — 22 с.
124. Никонова С. И. Семантическая деривация антонимов: на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Никонова Светлана Игоревна. — М., 1982. — 22 с.
125. Новиков, Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия / Л. А. Новиков // Русс. яз. в шк. –1966. № 4. – С. 71 – 73.

126. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М.: Изд-ва МГУ, 1973. – 290 с.
127. Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л. А. Новиков. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
128. Новиков, Л. А. Противопоставление как прием / Л. А. Новиков // Филологический сборник. – 1995. – С. 326 – 335.
129. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 227 с.
130. Окс, М. В. Перифраз: между синонимией и плеоназмом / М. В. Окс, // Известия Южного федерального университета. Сер. Филологические науки. – 2012. – № 3. – С. 56 – 62.
131. Павлович, Н. В. Семантика оксюморона / Н. В. Павлович // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 238 – 247.
132. Павлович, Н. В. Сила и сложность семантического противоречия в оксюморе / Н. В. Павлович // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1981. – С. 231 – 243.
133. Пастухова, В. Я. Явление антонимии в русском языке / В. Я. Пастухова, В. П. Тимофеев // Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. — 1971. – С. 114–116.
134. Пекарская, И. В. Теория элокуции на современном этапе: актуальная проблематика и перспективы разработки / И. В. Пекарская // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург. – 2003. – С. 301 – 310.
135. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер. — М.: АСТ, 2008. — 640 с.
136. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I /Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит, статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1990. — 860 с.

137. Рахшмир, С. А. Антитеза как компонент фразеологической семантики: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.04 / Рахшмир Светлана Александровна. – М., 1983. – 198 с.
138. Родичева, Э. И. Семантический аспект антонимии (в свете данных афазии) / Э. И. Родичева // Исследования по речевой информации. — 1962. Вып. 2. — С. 190 – 207.
139. Родичева, Э. И. К проблеме антонимии / Э. И. Родичева // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. — 1968. — С. 284 – 296.
140. Родичева, Э. И. Психолингвистический анализ лексической антонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21/ Родичева Элеонора Иосифовна. – М., 1976. – 18 с.
141. Сазонова, В. А. Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи (на материале прозы А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Сазонова Вера Александровна. – Красноярск, 2011. – 22 с.
142. Саидова, С. М. Адъективные антонимические словообразовательные гнезда в современном русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01/ Саидова Сохиба Махкамовна. — Ташкент, 1980. – 20 с.
143. Самигулина Ф. Г. Грамматическая антитеза как средство объективации эмоционального смысла в дискурсе / Ф. Г. Самигулина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2013. – №. 2. – С. 71-79.
144. Сафин, Р. Н. Словообразовательная антонимия в русском языке (на материале прилагательных): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сафин Раис Ниязович. — Казань, 1989. – 18 с.
145. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. Редакция Ш. Балли и А. Сеше / прим. пер. с фр. С.В. Чистяковой; под общ. ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.
146. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика: (сложное синтаксическое целое): [учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и

литература" и "Журналистика"] / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1973. – 214 с.

147. Солганик, Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. — М.: Академия, 2008. – 256 с.

148. Скребнев, Ю. М. Тропы и фигуры как объект классификаций / Ю. М. Скребнев, // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1987. – С. 60–64.

149. Станиславская, С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста: на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Станиславская Сусанна Александровна. – Саратов, 2001. – 195 с.

150. Тихонов, А. Н. О семантической структуре слова / А. Н. Тихонов // Труды СамГУ им. А.Навои. Новая серия. Вопросы востоковедения и общего языкознания. — Самарканд, 1970. — Вып. 194. – С. 129 – 135.

151. Тихонов, А. Н. Семантические связи слов в словообразовательном гнезде / А. Н. Тихонов // Труды СамГУ им. А.Навои. Новая серия. Русское словообразование. Вып. 209. – Самарканд, 1972. – С. 279–281.

152. Тихонов, А. Н. Антонимия и словообразование / А. Н. Тихонов, С. А. Емельянова // Вопросы русского и общего языкознания. — Ташкент, 1976. № 501. Ч. 1. – С. 126–131.

153. Тихонов, А. Н. О двуязычном словаре антонимов / А. Н. Тихонов, С. А. Емельянова // Тез.докл. республиканской науч. конф.: "Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии". — Баку, 1976. – С. 81 – 83.

154. Тихонов, А. Н. Антонимия лексическая и антонимия словообразовательная / А. Н. Тихонов, С. М. Саидова // Русский язык в школе. — 1980. № 4. – С. 67 – 71.

155. Толстая, А. Л. Антонимия как механизм создания контраста в современной публицистической речи: на материале русского и немецкого языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Толстая Анна Леонидовна. – М., 2010. – 19 с.

156. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика: учебник / Б. В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 334 с.
157. Тригубенко, Ф. А. Антитеза «сущего» и «должного» как этический феномен: дис. ... канд. филол. наук.: 09.00.05/ Тригубенко Фёдор Александрович. — М., 2011. — 164 с.
158. Ульман, С. Стилистика и семантика / С. Ульман // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX, —1980. — С. 246 – 250.
159. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева // — М.: Наука, 1968. — 272 с.
160. Федосов, Ю. В. Строение антонимо-синонимического словаря русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Федосов Юрий Викторович. — М., 1990. —22 с.
161. Хазагеров, Т. Г. Словарь риторических терминов / Т. Г. Хазагеров. — М.: ФЛИНТА, 2009. — 432 с.
162. Холодов, Н. Н. Оксюмороны и выявление типовой семантики слов / Н. Н. Холодов. В кн.: Семантическая структура словосочетаний и предложений русского языка. — Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1978, — С.116 – 126.
163. Царегородцева Н. В. Антонимические корреляции в идеографическом аспекте (на материале английских паремий) автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Царегородцева Нина Валерьевна. — Екатеринбург, 2013. — 22 с.
164. Цзин, Ц. Стилистические приёмы контраста в поэзии Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ц. Цзин. — Казань, 2016. —155 с.
165. Черепанов, М. В. О разграничении словосложения и префиксации / М. В. Черепанов // Русский язык в школе. — М., 1968. — № 5. — С. 99 - 104.
166. Чернега, Е. Н. Антонимы в лингвистическом и лингвокогнитивном аспектах (на материале речи младших школьников). автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Чернега Елена Николаевна. — Таганрог, 2005. —24 с.
167. Чернышев, В. И. Отрицание "не" в русском языке / В. И. Чернышев // Проблемы структурной лингвистики — М., 1972. — С. 459 - 468.

168. Чупановская, М. Н. Репрезентация противоположности в семантике производных антонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Чупановская Мария Николаевна. – Новосибирск, 2007. — 22 с.

169. Шакирьянов, Л. М. Логико-семантическая основа антонимии и другие семантические корреляции в английском языке / Л. М. Шакирьянов // Вестник Башкирского университета. – 2016. Т. 21. № 1. – С. 159 – 162.

170. Шанский, Н. М. Русская антонимия и ее типология (о книге Л.А. Новикова "Антонимия в русском языке", М., 1973) / Н. М. Шанский // Русский язык в национальной школе. – 1974, № 4, – С.85 - 87.

171. Шеньдельс, Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие / Е. И. Шеньдельс // Уч. зап. I МГПИИЯ. – 1959. – Т. XIX. – С. 138–145.

172. Шестакова, Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков) / Э. Г. Шестакова. – Донецк: НОРД-ПРЕСС, 2009. – 209 с.

173. Щербина, А. А. О двуплановости и противопоставлении смысла в иронии / А. А. Щербина // Филологические науки. – 1976. № 2. – С. 62 – 69.

174. Шерцль, В. О. О словах с противоположными значениями или о так называемой энантиосемии / В. О. Шерцль. — Воронеж, 1983. — Вып. V-VI. – С. 3 - 39.

175. Шехтман, Н. А. Сочетаемость слов-антонимов / Н. А. Шехтман // Уч. зап. ЛГПИ. – 1965. – Т. 261. – С. 130 - 137.

176. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев – М.: Просвещение, 1964. – 144 с.

177. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

178. Штафун, Н. В. Амплификация в произведениях В.С. Высоцкого «Гамлетовского периода» [Электронный ресурс] / Н. В. Штафун // Критические статьи о Высоцком. URL: [http://vv.mediaplanet.ru/static/ upload/Stafun%202008.doc](http://vv.mediaplanet.ru/static/upload/Stafun%202008.doc) (дата обращения: 11.08.2022).

179. Шхапацева, М. Х. Антонимы, антонимия, антонимическая парадигматика в русском языке Ср. употребление термина „антоморфема”: А. Бартошевич «К определению словообразовательной антонимии в русском языке» / М. Х. Шхапацева // Болгарская русистика. –1983. № 3, – С. 43-47.

180. Южанникова, М. А. Двусмысленность в современном русском языке / М. А. Южанникова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Сибирский федеральный университет. – Красноярск: СФУ, 2021. — 236 с.

181. Ягодкина, М. В. Глагольная антонимия в системе языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Ягодкина Марьяна Валериевна. – Санкт-Петербург: 2000. – 190 с.

182. Jones, S. Antonymy: a corpus based perspective / S Jones. – London.: Routledge, 2002. – p. 214

183. Jung C. G. Collected Works of CG Jung, Volume 1: Psychiatric Studies. – Princeton University Press, 2024. – Т. 20. – 309 p.

184. Rhétorique Generale par le groupe /J. Dubots, F. Edeline. – Paris, 1986. – 391 p.

185. Ullmann, M. Stylistics and Semantics // Literature style: A Symposium. New-York. – 1971, p.133 – 152.

186. Synonym-woerterbuch: Sinnverwandte Ausdruecke der deutschen Sprache / M. E. Fritze, D. Herberg, G. Kramer u. a.; hrsg. von H. Goerner und G. Kempcke. - 6., unveraend. Aufl. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1980. — 643 p.

187. Lyons, J. Semantics. J. Lyons. – UK: Cambridge university press, 1977. – Т. 2. p. –897.

188. Sherry, R. A treatise of schemes and tropes / ed. Hebert W. Hildebrandt. Gainesville, Florida. Scholars` facsimiles and reprints. 1961. p. 238. [Электронный ресурс]. ÜRL: www.gutenberg.org 205.

СЛОВАРИ

189. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Либроком, 2010. – 509 с.
190. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «НОРИНТ», 2000. – 1536 с.
191. Введенская, Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та. 1971. — 166 с.
192. Введенская, Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 445 с.
193. Гаспаров, М. Л. Элегия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / М. Л. Гаспаров. — М.: Интелвак, 2001. – С. 1228–1229.
194. Горте, М. А. Фигуры речи: терминологический словарь / М. А. Горте. — М.: ЭНАС, 2007. – 208 с.
195. Емельянова, О. Н. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / О. Н. Емельянова. – М.: ФЛИНТА, 2005. – 70 с.
196. Зеленский, В. В. Словарь аналитической психологии / В. В. Зеленский. – М.: Высш. шк., 2000. – 120 с.
197. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е, существ. перераб. и доп. / В. П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, – 2006. – 376 с.
198. Колесников, Н. П. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Н.М. Шанского / Н. П. Колесников. – Тбилиси, 1972. – 314 с.
199. Комиссаров, В. Н. Словарь антонимов современного английского языка / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1964. – 288 с.
200. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Е. Н. Ширяева, Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова. – М.: ФЛИНТА, 2007— 840 с.
201. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

202. ЛС-С: Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., исправл. и доп. / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 721 с.
203. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л. А. Новикова. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1988. – 384 с.
204. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
205. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
206. Психологический словарь: А - Я / П. С. Гуревич. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 798 с.
207. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. –Л.: Наука, 1970-1971. – Т. 1 – 2. – 648 с.
208. Русова, Н. Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н. Ю. Русова. – М.: ФЛИНТА, 2004. – 304 с.
209. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова. А. П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 696 с.
210. Хазагеров Т. Г. Словарь риторических терминов / Т. Г. Хазагеров. – М.: ФЛИНТА, 2009. – 432 с.
211. ЭС-С: Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 480 с.
212. Эстетика. Словарь / Под ред. А. К. Беляева. –М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
213. Энциклопедия философии и социологии права / В. А. Бачинин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 1093 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

214. Апухтин, А. Н. Стихотворения / А. Н. Апухтин. – М.: Союз Россия, 1991. – 384 с.
215. Баратынский, Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Е. А. Баратынский. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
216. Батюшков, К. Н. Стихотворения / К. Н. Батюшков. – М.: Художественная литература, 1987. – 320 с.
217. Бестужев-Марлинский, А. А. Собрание сочинений в двух томах. / А. А. Бестужев-Марлинский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 688 с.
218. Вяземский, П. А. Сочинения / П. А. Вяземский. – М.: Художественная литература, 1982. – 383 с.
219. Глинка, Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Глинка. – Л.: Советский писатель, 1957. – 501 с.
220. Гребенка, Е. П. Сочинения Е. П. Гребенки / Е. П. Гребенка. – Киев: Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. – Том 2. – 382 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=106586> (дата обращения: 05.09.2024).
221. Григорьев, А. А. Стихотворения, поэмы, драмы / А. А. Григорьев. – СПб.: Академический проект, 2001. – 780 с.
222. Дельвиг, А. А. Стихотворения. Статьи. Письма / А. А. Дельвиг. – Л.: Художественная литература, 1986. – 472 с.
223. Дмитриев, И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Дмитриев. – Л.: Советский писатель, 1967. – 205 с.
224. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений в двадцати томах. Том I. Стихотворения 1797-1814 гг. / В. А. Жуковский. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 762 с.
225. Кольцов, А. В. Стихотворения / А. В. Кольцов. – М.: Художественная литература, 1986. – 223 с.

226. Крылов, И. А. Басни. Драматургия / И. А. Крылов. – М.: Правда, 1982. – 368 с.
227. Кюхельбекер, В. К. Стихотворения / В. К. Кюхельбекер. – М.: Советский писатель, 1952. – 430 с.
228. Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Художественная литература, 1985. – 512 с.
229. Мей, Л. А. Лирика. Из античного мира / Л. А. Мей. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 205 с.
230. Надсон, С. М. Полное собрание стихотворений / С. М. Надсон. – М.: Советский писатель, 1962. – 516 с.
231. Некрасов, Н. А. Собрание сочинений в 8-х томах / Н. А. Некрасов. – М.: Художественная литература, Т-1. 1965. – 422 с.
232. Пушкин, А. С. Сочинение в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А. С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1985. – 735 с.
233. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / А. Н. Радищев. – СПб., 1992. – 196 с.
234. Тредиаковский, В. К. Сочинения и переводы как стихами, так прозою / В. К. Тредиаковский. – СПб.: Наука, 2009. – 667 с.
235. Тургенев, И. С. Отцы и дети. Повести. Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. – М: Эскмо, 2015. – 640 с.
236. Тютчев, Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – М.: Художественная литература, 1986. – 287 с.
237. Фет, А. А. Стихотворения / А. А. Фет. – Л.: Художественная литература, 1956. – 232 с.
238. Языков, Н. М. Стихотворения и поэмы / Н. М. Языков. – Л.: Советский писатель, 1988. – 383 с.